

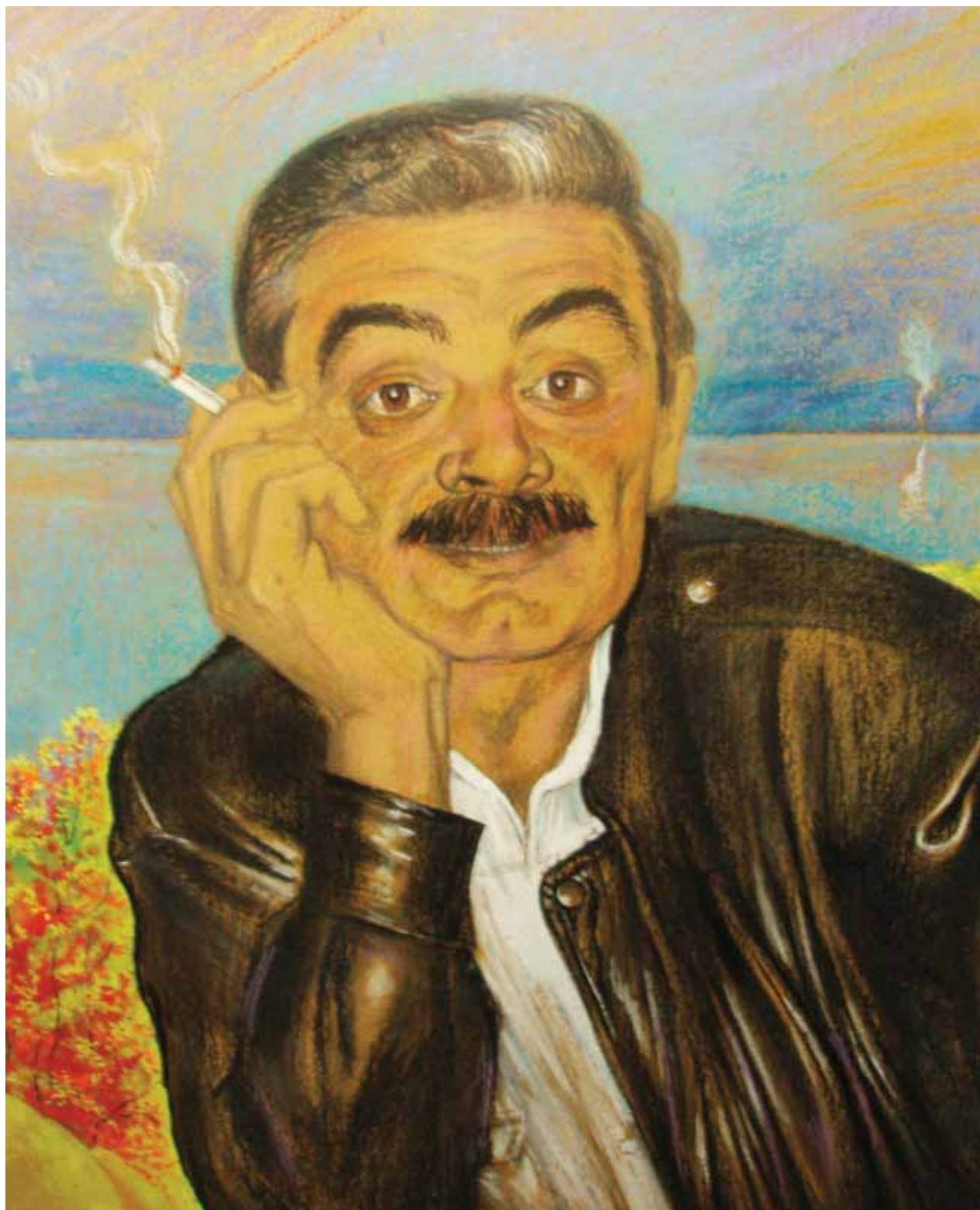
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№10 ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2013

Виктор Омельченко
в соавторстве
с Еленой Омельченко.

Эмблема Госфильмофонда РФ

Штрихи к портрету

Евгения Белогорцева **Мастер словесной палитры** 4

Забывтые страницы

Константин Паустовский **Музыка Верди** 12

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Пять лилий российской короны** 18

Минувшее

Виктор Ом **«Ибо сильна как смерть любовь»** 38

Звезды не гаснут

Алла Зубкова **Великая Гарбо** 50

Вернисаж

Искусство вечно!
Записки художника 66

Поэзия

Карина Риц **Стихи** 81

Неизвестное об известном

Денис Логинов **Первооткрыватель
Антарктиды** 84

Повесть

Ольга Торощина **Всё ради тебя — «ВИКА»!** 92

Дорога к храму

Татьяна Харламова **Не оскудей, душа!** 112

Детектив

Александр Аннин **Игра на чужом поле** 120

Кроссворд. Эрудит**188**

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Обложка	Виктор Омельченко. Портрет А.В. Панкратова-Черного
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
е-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 7500 экз.

Зак. №3273

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.09.2013

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Диана Мякушкина

18 лет, студентка,
с.Виленки Рязанской области

ПРОШЛОЕ

Ну, здравствуй, Прошлое, здравствуй,
Прости, что тебя не ждала.
Вечер какой-то ненастный...
Входи, я снова одна.
Прости, прости меня, Прошлое,
Пыталась тебя прогнать...
Спасибо, мое хорошее,
Что ты приходишь опять.
Прости, что тебя упрекала,
Расстались с тобой тяжело.
Но я по тебе скучала,
Немного уже зажило...
Нам есть о чем вспомнить, Прошлое,
Смеяться и плакать навзрыд.
Ведь жизнь-то у нас была общая,
Но время вперед бежит...
Спасибо, мое хорошее,
Что ты заглянуло ко мне.
Пора нам прощаться, Прошлое?
Пойдем, провожу до дверей...

Евгения Белогорцева

МАСТЕР

словесной палитры

Константин Паустовский родился в 1892 году в семье чиновника управления Юго-Западной железной дороги, человека мечтательного, непрактичного, не способного долго жить на одном месте. В противовес ему, мать была женщиной суровой, основательной, считавшей, что де-

тей необходимо держать в строгости, чтобы из них «вышло что-нибудь путное.

У Паустовского были два брата и сестра. С братьями позже случилась совершенно мистическая история: они погибли во время Первой мировой войны в один и

Когда вспоминаешь о времени советском, о веке двадцатом, о людях, счастливых (или вынужденных жить в это время), практически невозможно удержаться от того, чтобы так или иначе не «примерять» персону, личность к режиму. Был «за» или «против»? Боролся или поддерживал? Писал в стол или получал государственные премии? Но случаются и редкие исключения: люди, прожившие свой век даже не в ритме времени, а вне его. Они смогли построить свой творческий и жизненный путь так, чтобы идти с режимом... не в параллельном курсе, нет, а словно бы существовать в другой вселенной, которая с печальной реальностью не пересекалась. И это не умаляло их таланта, напротив, позволяло ему раскрыться в полной мере.

Это относится и к Константину Георгиевичу Паустовскому. Он был столь значительной величиной в литературе двадцатого века, что его можно поставить в один ряд с такими писателями, как Бунин, Олеша или Пастернак

тот же день, только на разных фронтах.

Но пока война еще не началась. Константин живет в Киеве (здесь осел отец после долгих скитаний), учится в гимназии, и уже в последнем классе начинает свои литературные опыты. Его первый рассказ

был напечатан в киевском журнале «Огни» в 1911 году. *«С тех пор решение стать писателем завладело мной так крепко, что я начал подчинять свою жизнь этой единственной цели»*, — писал он позднее.

Поступив в университет, он пару лет учился в Киеве, а затем пере-

*Первая жена К. Паустовского —
Екатерина Степановна Загорская (Хатидже)*

ехал в Москву. Наверное, и в нем жила эта отцовская охота к перемене мест: за свою жизнь он объездил немало городов и стран, подолгу задерживаясь в некоторых.

В столице Паустовский, по его собственным словам, «пристрастился к трактирам», где мог во всем многообразии наблюдать всевозможные типажи: «извозчиков, юродивых, крестьян, рабочих, толстовцев, молочниц, цыган, белошвеек, ремесленников, студентов, проституток и бородатых солдат-ополченцев».

После всех этих наблюдений ему захотелось «уйти в жизнь». И он...

устроился вожатым на трамвай, с которым связана одна интересная история. Некий пожилой пассажир применял очень «удобный» метод безбилетной езды. В качестве платы за проезд он показывал сторублевую купюру, с которой кондуктор сдать сдачу не мог. Хитрого старика высаживали на ближайшей остановке, где он садился в следующий трамвай и ехал дальше. Но Паустовский смог «справиться» с ним. Он заранее взял в кассе сто рублей мелочью и выдал ему сдачу, отчего беднягу едва не хватил удар.

А в 1914 году началась война, и Паустовский отправился на фронт

*К. Паустовский с третьей женой
Татьяной Евтеевой-Арбузовой и сыном Алексеем*

добровольцем, став санитаром на тыловых и полевых поездах.

Именно на войне он познакомился с первой женой — Екатериной Степановной Загорской, сестрой милосердия.

Он называл ее Хатидже, вслед за татарками из крымской деревни, где Екатерина проводила лето: *«Ее люблю больше мамы, больше себя... Хатидже — это порыв, грань божественного, радость, тоска, болезнь, небывалые достижения и мучения...»*

В 1916 году они поженились, а через 9 лет, когда более или менее

улеглись в стране волнения, родился их сын Вадим.

Паустовский, тем временем, рос как писатель, пробуя себя в самых разных профессиях, так или иначе связанных с литературой: работал корректором в газете «Киевская мысль», трудился в одесском «Моряке», жил и работал в Грузии, поступил на службу в РОСТА (ТАСС), и многое-многое другое. О том времени и своих странствиях он писал: *«В Одессе я впервые попал в среду молодых писателей. Среди сотрудников «Моряка» были Катаев, Ильф, Багрицкий, Шенгели, Лев Славин,*

Бабель, Андрей Соболев, Семен Кирсанов и даже престарелый писатель Юшкевич. В Одессе я жил у самого моря и много писал, но пока не печатался, считая, что еще не добился умения овладевать любым материалом и жанром. Вскоре мною снова

овладела «муза дальних странствий». Я уехал из Одессы, жил в Сухуме, в Батуми, в Тбилиси, был в Эривани, Баку и Джульфе, пока, наконец, не вернулся в Москву».

Профессиональным же писателем Паустовский становится только в 1929

году, когда вышел его роман «Блестящие облака». Впрочем, с его характером вряд ли он сам когда-нибудь решился бы назвать себя «профессиональным писателем»... Ему было свойственно сомневаться, переделывать по множеству раз один и тот же текст, шлифовать его, разбираться в тонкостях того или иного слова, вычеркивать и снова шлифовать.

Как и все в тот период, он искал вдохновения в великих стройках времени. И прославили его как раз произведения об этих стройках: «Кара-Бугаз», «Колхида». Но ни в одном произведении Паустовский не старался облагородить реальность, сделать ее хоть чуточку иной, отличающейся от того, что было на самом деле.

Однако все больше он обращался к тем мотивам, которые и сделали его знаменитым писателем: к природе родного края. Но природа для него не главная цель — он старался через нее понять человеческую душу, понять культуру, язык. Русский язык вообще был очень важен для Паустовского, писатель придавал ему едва ли не мистическое значение. Он говорил: «Каждый, самый скромный журналист обязан знать строй и выразительную интонацию родного языка, чувствовать характер каждого слова и особенно внимательно изучать русский глагол». Неизменным мерилom краткости и точности для Паустовского всегда был Александр Сергеевич Пушкин.

Именно в это время начал формироваться его неповторимый стиль — состоящий из оттенков и полутонов.

Вот что вспоминала о нем одна из современниц, Т. Хмельницкая: *«Паустовский, виртуозно владеющий словесной палитрой, прежде всего мастер эпитета. Ему всего важнее не предметы — существительные и не действия — глаголы, а отношение к предметам — прилагательные. Эпитет во фразе Паустовского — это тот воздух, которым окутан предмет. Описания Паустовского изобилуют оттеночными эпитетами: «зеленоватый отблеск хвои», «голубоватое зарево Москвы», «в розоватом цвете зари» ... В этих оттеночных эпитетах Паустовский неистощим. Его любимые слова — «слабый», «тусклый», «сумрачный», «застенчивый», «неяркий», «осторожный», «прохладный». «Небо на востоке наливалось чистой и слабой синевой». «Сумрачный блеск», «тусклый отсвет адмиралтейской иглы»... Именно оттенки, а не цвета. Не свет, а отсвет, не блеск, а отблеск, отражения, переходы, переливы».*

Несмотря на любовь к оттенкам в литературе, жизнь Паустовского имеет характер совсем не оттеночный, напротив — она писана очень яркими и четкими красками перемен.

Через 20 лет брака, в 1936 году, Паустовский развелся с Екатериной Загорской. Он влюбился в Валерию Валишевскую-Навашину, а гордая «Хатидже» не смогла простить ему измены.

Валишевская была сестрой известного в 20-е годы польского художника Зигмунта Валишевского. Это вообще одна из самых интересных женщин своего времени. Об их

семейной жизни известно мало, но именно Валерия дала новый толчок творчеству Паустовского и послужила прототипом Марии в романе «Бросок на юг», именно с ней он пережил войну. Вместе они прожили около 10 лет, после чего в жизни Паустовского появилась еще одна женщина — Татьяна Евтеева-Арбузова.

Татьяна была актрисой, причем такой красивой, что редкий мужчина не оглядывался ей вслед на улице. Она прожила с Паустовским до самой его смерти, оберегая его от досужих посетителей и помогая по мере сил справляться с болезнями, которых в старости у писателя было немало.

Не прибавило Паустовскому здоровья и то, что в 1965 году Нобелевский комитет собирался присудить ему премию по литературе, но, в итоге, отдал ее Шолохову.

В жизни уже немолодого Паустовского была встреча, о которой вспоминают многие: встреча с... Марлен Дитрих. Казалось бы, что может быть общего между голливудской звездой и советским писателем? Вот что вспоминает об этой встрече Галина Арбузова, дочь Татьяны Арбузовой, последней жены писателя: «Константин Георгиевич хотел пойти на ее концерт в Дом литераторов, но врачи — к тому времени у него было несколько инфарктов и тяжелая астма — его не пускали. И, кроме того, он только что вернулся из больницы. Но его любимый домашний врач, Виктор Абрамович Кожевский, сказал: «Ну, хорошо, я пойду с вами». После концерта Марлен

Дитрих задали несколько вопросов: «Знаете ли вы русскую литературу?», «Какой у вас любимый писатель?»... Она ответила: «Я люблю Паустовского, и особенно его рассказ «Телеграмма». Когда она это сказала, то по залу пошел шумок: «Паустовский здесь, Паустовский здесь...» Переводчик ей это перевел, и она стала смотреть в зал, думая, что писатель сейчас поднимется. А Паустовский не вставал. Тогда зал начал аплодировать, как бы подталкивая его выйти на сцену... Константин Георгиевич, наконец-то, поднялся, а Марлен, не говоря ни слова, встала перед ним на колени в своем вечернем платье, расшитом камнями. Платье было таким узким, что нитки стали лопаться, и камни посыпались по сцене. Люди на сцене, думая, что это драгоценные камни, бросились их собирать, чтобы отдать ей. Марлен в своем узком платье стояла на коленях и не могла подняться. Паустовский несколько мгновений стоял в растерянности, а когда Марлен, наконец, помогли подняться, поцеловал ей руку, и неловкость исчезла. Потом Дитрих прислала ему три свои фотографии на память. Одна из них висит у нас в Тарусе».

Последние годы Паустовского были скрашены еще одной женщиной, о которой известно очень мало. Звали ее Елизавета Аркадьевна Лыжина. В своих же письмах писатель называл ее Лелей.

Она жила в Ленинграде и однажды просто написала письмо своему любимому автору. Завязалась пе-

реписка. Они удивительно быстро нашли общий язык. Он писал ей: *«Есть вещи, о которых очень трудно говорить и писать... Одна из этих вещей — чувство родственности у людей, совершенно не знающих друг друга. Я совсем не знаю Вас, но, между тем, часто испытываю тревогу за Вас и ловлю себя на том, что Ваша жизнь непонятным образом связалась с тем, что я пишу. Когда я работаю, я всегда думаю о людях, ради которых пишу. И теперь среди этих людей — Вы...»*

Он писал ей свои нежные, наполненные заботой и восхищением письма, из Москвы, Ялты, Тарусы и многих других мест, куда забрасывала его жизнь. Увиделись они лишь однажды: на вечере памяти Блока в Ленинграде, куда Паустовский приехал.

Она с трудом достала билет на этот вечер, он же сидел в президиуме. В антракте она подошла и просто сказала: *«Я — Леля»*.

Позже он напишет ей: *«Я никогда не забуду тот вечер в Пушкинском Доме и рояль, за которым Вы стояли, и два Ваших слова: «Я — Леля». В тот вечер, несмотря на многие тягости, моя жизнь подошла к необычному, почти невозможному счастью, к чуду. С тех пор я не перестаю благодарить судьбу за то, что встретил и хоть немного узнал Вас...»*

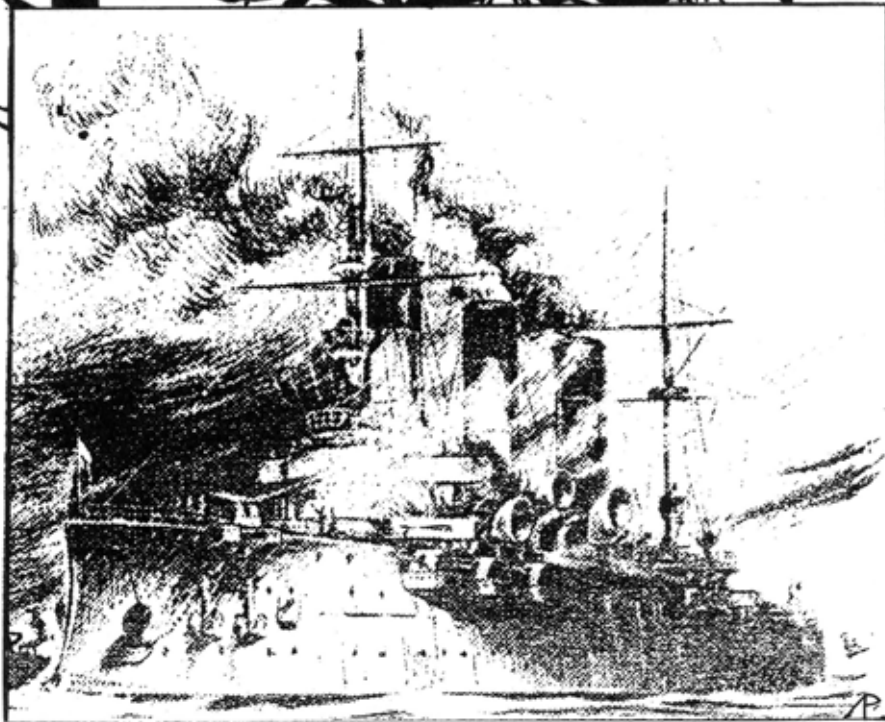
Что было между ними — будут знать только они, но несомненно, что именно эта женщина стала для Паустовского последним отблеском счастья.

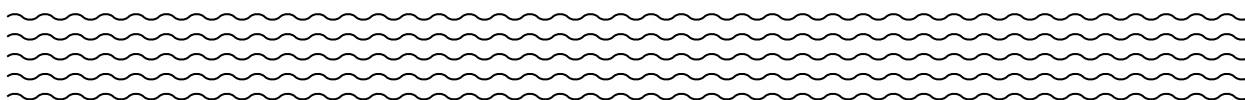
В 1968 году она запишет в дневнике: *«Умер К.Г. Паустовский. Оборвалась последняя паутинка надежды увидеть его еще раз...»*

Но остались его книги, письма — все то, что дает нам возможность снова возвращаться в его мир: мир оттенков и полутонов, и, между тем, — самый настоящий из всех. □

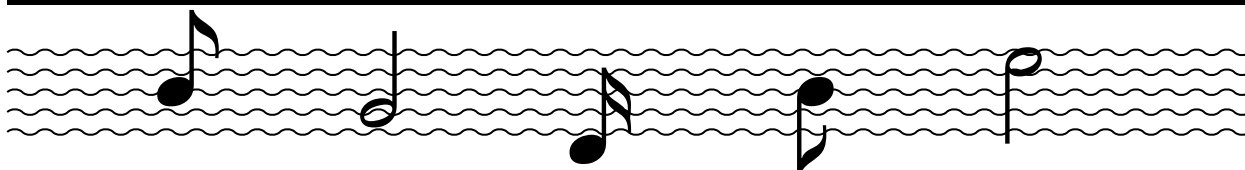
К. Паустовский

Музыка Верди

На броневой палубе крейсера приехавший из Москвы театр ставил под открытым небом «Травиату».

Седоусые лодочники толпились около дощатой пристани на старых шлюпках и хрипло и требовательно кричали:

— Кому до крейсера, кому на музыку? Будем стоять коло самого борта, покамест не кончится представление. Зыба нет — верьте совести! Какой же это зыб, товарищи!

Шлюпки бестолково толкались бортами и торопливо кивали и кланялись берегу — их качала легкая волна. Так непрерывно машут головами дряхлые извозчичьи лошади.

Над бухтами стоял безмолвный штиль, затянутый вечерним дымом. Сигнальные фонари мерно колебались в воде около береговых утесов. Осенняя ночь приближалась очень медленно. Она останавливалась на каждом шагу и никак не могла вытеснить из глубоких бухт последние отблески заката.

Но когда на крейсере вспыхнули огни, сразу упала шумная темнота. Она была наполнена звуками встревоженной воды — журчанием, бульканьем и плеском.

Стала слышна морская суতোлка порта, торопливые удары весел, стук моторов, отдаленные крики рулевых, злорадный вой сирен и всплески волн, пересекавших залив по всем направлениям.

Все эти звуки стягивались от берегов и пристаней к крейсеру, где неожиданно пропел фагот в оркестре. Катера неслись туда же, полоща в воде парадные кормовые флаги.

Татьяна Солнцева должна была играть Виолетту.

Она гримировалась в каюте командира, куда электрики-краснофлотцы провели стосвечовые лампы.

Она приколола к корсажу красную камелию и напудрила похудевшее лицо. Играть ей было трудно. В Москве она оставила больного брата, почти мальчика. Он лежал в больнице и ждал тяжелой операции.

Солнцева тревожилась и потому ничего не замечала: ни города, шумного от сухой листвы и ветров, ни множества огней, носившихся с жужжанием по рейду, как золотые пчелы, ни изумительного воздуха, наполнявшего улицы запахом мокрых скал и горькой травы.

Операция была назначена на утро этого дня, но до сих пор из Москвы не было телеграммы.

Солнцева вышла на палубу, затянутую по сторонам брезентом. Грифы виолончелей были прислонены к серым орудийным башням.

Мелодия Верди вздрогнула в тишине стального корабля. Сотни моряков слушали, затаив дыхание, печальный голос Виолетты. Струнный гром оркестра был слышен даже на окрестных берегах.

Шлюпки качались у борта. Люди смотрели из них вверх, задрав головы, на палубу крейсера. Лодочники старались не греметь веслами и, сталкиваясь, вместо обычной перебранки молча показывали друг другу кулаки.

Помощник режиссера стоял за броневой башней, как за кулисой, и волновался. В кармане у него лежала телеграмма на имя Солнцевой. Он не знал, что делать: распечатать ли ему самому или передать после спектакля Солнцевой, не читая. Он шепотом советовался с администратором театра.

Администратор вырвал у него из рук телеграмму и вскрыл ее.

— Ничего особенного, — сказал он, пережевывая мундштук папиросы. — Операция откладывается из-за тяжелого состояния больного. В антракте можно сказать ей об этом.

Помощник режиссера поморщился и кивнул головой.

Кочегар Вася Чухов, носивший, как и все кочегары, прозвище Подземный Дух, был приставлен к занавесу, сшитому из сигнальных флагов.

Вася — маленький, кряжистый и красный от старания — не спускал глаз с помощника режиссера. Этот вертлявый, нервный человек должен был просемафорить Васе рукой, когда закрывать занавес.

Вася слышал весь разговор около броневой машины. Широкая улыбка медленно сползла с его лица.

Во втором акте Солнцева вышла на сцену слишком торопливо. В антракте она прочитала телеграмму. Голова у нее кружилась.

Когда Альфред опустился около ее ног на колени, она наклонилась и поцеловала его в юношеский висок. Тонкая голубая вена проступала на виске, совсем как у брата.

Солнцева глотнула воздух и заплакала. Слезы катились из ее глаз, но она продолжала петь. Голос ее дрожал. Она видела мутные, влажные пятна и не могла понять, огни ли это рампы, или звезды в воде, или бледные лица моряков.

Тогда Вася Чухов дал занавес, несмотря на сердитые окрики из-за броневой башни. Чухов вышел из повиновения. Лицо его окаменело. На возмущенный шепот помощника режиссера он ответил зловеще и коротко:

— Будете разговаривать с командиром корабля. Я ему доложу обо всем.

Палуба гремела от аплодисментов. Простодушные зрители считали перерыв спектакля вполне законным после такой напряженной и мучительной сцены, как слезы Виолетты. Никто из них не знал, что сцена прервана Подземным Духом в самом начале.

Чухов подошел к командиру корабля, сидевшему в первом ряду, и тихо доложил о случившемся.

Командир встал. Это был молчаливый седой человек. Он видел в своей жизни много смертей в боях, много штормов, гибель многих товарищей. Он знал беспощадность борьбы и неумолимость боевых приказов. Он был одинок. Все, что существовало до революции, терялось в хмуром тумане — и донецкий шахтерский поселок, и сельская грязная школа, и люди тех времен, оставившие впечатление усталой и растерянной толпы. Революция перечеркнула прошлое твердой рукой и внесла в сознание простоту и ясность. Ей он был предан как боец, как бывший шахтер и как человек точного и светлого ума.

Командир встал и прошел на сцену. Палуба все еще гремела от топота матросских каблуков и рукоплесканий.

За сценой командира встретил бледный от возмущения администратор.

— Не беспокойтесь, — сказал он торопливо. — Сейчас все наладим. Пустяки! Обычные женские нервы. Она будет петь.

— Она не будет петь, — спокойно сказал командир и посмотрел в глаза администратору. — Прекратите спектакль!

Администратор пожал плечами и криво усмехнулся:

— Невозможно. Наш театр работает по-ударному. Мы не можем из-за настроения актеров срывать спектакли. И, наконец, о чем говорить? Она успокоилась и вполне может петь.

Командир обернулся к Солнцевой. Она, не глядя ему в лицо, кивнула головой.

— Вы видите, она согласна, — сказал администратор и швырнул на палубу окурков.

Эта история начинала его раздражать. Становилось и неловко и стыдно.

Командир мельком взглянул на окурков, и Вася Чухов тотчас же незаметно смахнул его за борт.

— Вы находитесь на палубе корабля нашего Красного Флота, — сказал командир. Его щека со шрамом от пули чуть заметно дергалась. — Вы меня извините, но здесь я осуществляю власть и поэтому позволю себе вмешаться в ваши распоряжения. Об ударной работе вы, очевидно, имеете совершенно превратное представление. Согласие артистки значения не имеет. Я отменяю спектакль. Все. Разговоры прекращаются.

Командир поднял руку, и Вася Чухов раздвинул занавес. Зрители стихли. — Краснофлотцы, — сказал командир спокойно, — у артистки Солнцевой произошло несчастье в семье. Ей трудно играть...

По толпе моряков прошел сдержанный гул. Все встали. Командир не успел сказать, что спектакль отменяется до лучших времен. Это было понятно для каждого краснофлотца и без объяснений командира.

— Подать к трапу катер! — негромко приказал командир.

— Есть подать к трапу катер! Есть подать катер! — начала перекликаться команда, пока не затихла на нижних палубах корабля.

Через несколько минут командир сошел с Солнцевой в катер. Краснофлотцы помогали Солнцевой, когда она спускалась по трапу. Высокий коренастый старшина осторожно положил на сиденье рядом с Солнцевой букет цветов, покраснел и крикнул негромко:

— Вперед до полного!

Катер выбил из-под кормы водопады огней и пены и помчался к пристани. В катере командир сказал:

— Я снесся с командующим флотом. В скором поезде на Москву вам оставлено место. Мы успеем. У нас есть еще сорок минут.

Солнцева наклонила голову и перебирала цветы рукой — она не могла говорить.

— В газетах пишут, товарищ командир, — сказал высокий старшина тихо, но так, чтобы слышала Солнцева, — что один московский профессор делает операции сердца, как орехи щелкает. Вот бы к нему...

— Помолчите, Кузьменко, — сказал командир.

Через час скорый поезд, ревя и разбрасывая облака пара, вырвался из последнего тоннеля. Огни города и рейда умчались за выступы отвесных скал.

Солнцева сидела в купе не раздеваясь, не снимая пальто и платка. Она смутно вспомнила огни вокзала, снег на крышах товарных вагонов, Москву, затопленную полярной ночью, расшатанное такси и матовый свет в коридорах больницы.

Так же смутно она помнила лицо брата, улыбнувшегося ей с больничной койки.

— Все сошло удачно, — сказал Солнцевой профессор с сердитой острой бородкой. — Все сошло на редкость удачно.

Солнцева осторожно поцеловала брата во влажный юношеский висок. На нем чуть заметно проступала тонкая голубая вена.

А через несколько часов опять была ночь, вокзал, рябой носильщик, с трудом доставший билет, гром железных мостов, снега, угрюмый закат в степях за Харьковом и, наконец, синий дым глубоких бухт, высокое солнце и мягкий воздух приморской осени.

Солнцева бросилась к окну — да, крейсер синел на рейде, он никуда не ушел! Солнцева начала торопливо рвать оконный ремень. Она хотела высунуться и протянуть к крейсеру руки, махать ему до беспамятства белым платком. Но окно не открывалось, и Солнцева вспомнила, что уже зима, что солнце светит здесь, на краю южных прекрасных широт, как последняя память о лете.

«Лишь бы наши не уехали, лишь бы их застать!» — думала Солнцева.

Своих она еще застала в приморском городе.

Через день на крейсере был снова поставлен прерванный спектакль. Когда Подземный Дух раздвинул занавес, и на сцену вышла Солнцева, моряки встали, и грохот неслыханных на рейде аплодисментов потряс окрестные берега. Простые полевые цветы падали к ногам Солнцевой и перемешивались со старинными шелками и синим бархатом венецианских нарядов. Командир стоял в первом ряду и дружески улыбался.

Солнцева наклонила голову. Она почувствовала в глазах прежнюю тяжесть слез, но это были слезы благодарности и дружбы. Она подавила их, подняла голову и рассмеялась. И тотчас же вздохнул оркестр, и щемящая мелодия Верди заглушила плеск волн.

Солнцева отколола камелию от корсажа и бросила ее на палубу. Вместо камелии она приколола сухой и пыльный лиловый цветок. Это был цветок городских окраин, брошенный ей Васей Чуховым.

Она пела блистательно. Голос ее звенел и томился над бухтами. Старые рыбаки сидели на берегах у воды, слушали и удивлялись силе человеческой молодости.

Командир слушал и думал, что ничто не дает такого расцвета таланту, как дружба и простое человеческое внимание. Казалось, Виолетта пела в своей родной Венеции. Дым звезд роился над береговыми утесами. Блеск огней достигал до самого дна бухты, так прозрачна была морская вода. Воздух дрожал от невидимых жарких течений. Горизонт над морем, несмотря на ночь, был светел на десятки миль, как будто наступали сумерки.

После спектакля краснофлотцы окружили Солнцеву, но внезапно быстро и почтительно расступились. К Солнцевой шел высокий моряк с широкими золотыми шевронами на рукавах — командующий флотом.

— Я хочу поблагодарить вас от имени всего флота, — сказал он. — Вы доставили нам высокую радость. Ну, как брат, поправляется?

Солнцева хотела ответить, что не она, а вот эти молодые, загорелые моряки — то смешливые, то серьезные, но всегда спокойные и доброжелательные — заставили ее испытать настоящее счастье. Она подумала, что таким слушателям могли бы позавидовать и Моцарт и Бетховен, но ничего не ответила — она только крепко, до боли, пожала руку командующему.

Свежий ветер дул с моря, где в темноте и гуле бурунов сверкали далекие маяки. □

1935 год.

Светлана
Бестужева-Лада

ПЯТЬ ЛИЛИЙ

российской короны

На картине слева направо: вел. кн. Александр Павлович, опирающийся на пьедестал с бюстом Петра I, рядом с ним — вел. кн. Константин Павлович; дальше прислонился к коленям матери-императрицы Марии Федоровны маленький вел. кн. Николай Павлович. За фигурой сидящей императрицы — вел. кн. Екатерина Павловна, а в центре композиции, за арфой — вел. кн. Мария Павловна. За ней в тени деревьев находится колонна с бюстом умершей в младенчестве вел. кн. Ольги Павловны. Далее, опершись на колени императора Павла I, стоит младшая дочь — вел. кн. Анна Павловна. У подножия кресла на земле — вел. кн. Михаил Павлович. У правого края картины стоят вел. кн. Александра и Елена Павловны.

Существует масса литературы о сыновьях императора Павла Первого, тем более, что двое из них стали императорами. Многие известны и о Константине, отрешившемся от российского престола не столько из соображений собственной безопасности, сколько из-за любви к «неподобающей особе» и желания сочетаться с нею браком. Гораздо меньше сведений о самом младшем из Павловичей — Михаиле. А вот о пяти дочерях императора, о пяти красавицах и умницах, благодаря которым Россия породнилась со многими правящими домами Европы, неизвестно почти ничего.

Но они — были.
И как в сказке — все пятеро были хороши собой, умны и добродетельны.
Настоящие принцессы...

АЛЕКСАНДРА

Родив двух сыновей, тотчас отнятых у нее властной свекровью-императрицей, великая княгиня Мария Федоровна летом 1783 года родила дочь.

«По правде, я больше люблю мальчиков!» — огорчилась Екатерина. И приказала назвать свою внучку... в честь любимого внука Александрой. Тем не менее, уделяла ей, старшей из пяти внучек, гораздо больше внимания, чем остальным. Своему давнему другу, барону Гриму, она писала в сентябре 1790 года об Александрин, сопровождая письмо миниатюрой маленькой княжны — ведь она выросла, и о ней должны были загодя узнать в Европе, полной блистательных женихов благородных кровей.

«До шести лет она ничем не отличалась особенным, но года полтора тому назад вдруг сделала удивительные успехи: похорошела, приняла такую осанку, что кажется старше своих лет. Говорит на четырех языках, хорошо пишет и рисует, играет на клавесине, поет, танцует, учится без труда и выказывает большую кротость характера».

Воспитанием ее и четырех ее младших сестер занималась Шарлотта Карловна Ливен под двойным строжайшим надзором: императрицы-бабушки и великой княгини — матери. Высокая, строгая, сухая и прямая, как палка, графиня, проявляя чисто немецкий педантизм, бесстрастно отчитывала маленьких цесаревен за малейшую провинность: раскрытое не вовремя окно, уроненный платок, неважно сыгранную гамму, неуместную улыбку, недостаточ-

товодства). Прогулки по парку Павловского дворца, уроки языков, танцев, музыки, а также, по возможности, и серьезных наук.

На свежем воздухе девочки расцветали, а во дворце получали манеры в духе Версаля, ибо Версаль навсегда остался для Павла и Марии самым ярким воспоминанием их воояжа в Европу. Наглядным примером был туалетный прибор из 96 предметов, подаренный Марией-Антуанеттой юной красавице цесаревне. Прибор включал даже золотую лопаточку... для чесания языка, хранившуюся под стеклянным колпаком.

Александрэ эта лопаточка была ни к чему: старшая цесаревна была не по-детски серьезна и молчалива. Милостивая, с огромными карими гла-

В *есть о кротости, доброте и уме молодой супруги Палатина разнеслась по всей Венгрии, и поданные успели полюбить ее заочно, еще не видя. Она была обожаема всеми жителями Офена, и многие планы Иосифа по реконструкции венгерской столицы были подсказаны его русской женой*

но глубокий реверанс. К счастью, материнская любовь и нежность Марии Федоровны уравновешивала эти строгости.

Девочек будили в шесть утра, после чего они под руководством матери навещали оранжерею (наглядный урок ботаники), птичник (урок зоологии и, в какой-то степени, ско-

зами и слегка вьющимися пепельно-русскими волосами, она не считалась роковой красавицей, но все отмечали в ней особую, чарующую пленительность движений, манер, голоса, походки. Она, как и ее мать, прекрасно рисовала и лепила из воска, очень хорошо играла и пела, могла переводить с нескольких языков.

*Александра
в детстве
(слева)
и юности*

Такое сокровище русской короны могло со временем украсить собою любой европейский трон. Екатерина II выбрала шведский, и, соответственно, семнадцатилетнего короля Густава Адольфа IV. Огромное приданое, обещанное Екатериной за старшей внучкой, могло выправить финансовое положение Швеции, осла-

бленной войнами, неурожаем и бесконечными тратами королевского двора на празднества и парады.

Шестого сентября 1796 года шведский посол, барон Стединг, на торжественной аудиенции просил у Екатерины II от имени короля руки великой княжны Александры Павловны. Императрица благословила

внучку. Петербургские придворные ювелиры начали заготавливать приданое: сервизы, драгоценные гарнитуры, обручальные кольца, золотые оклады для иконостаса придворной церкви будущей королевы Швеции.

Увы, именно упорное желание императрицы видеть королеву Швеции православной привело к тому, что не состоялась не только свадьба — даже обручение. Болезненный удар по самолюбию Екатерины послужил одной из причин ее смерти осенью того же года.

Великая княжна Александра стойко перенесла случившееся: недаром баронесса фон Ливен учила ее выдержке, такту и хладнокровию в любой ситуации. Принцессы не плачут и не страдают — разве что за наглухо закрытыми дверями своей комнаты в полном одиночестве.

Через три года императору Павлу и императрице Марии Федоровне поступило предложение от австрийского двора о возможном заключении брака великой княжны Александры и эрцгерцога Иосифа, Палатина Венгерского, брата австрийского императора. По европейской иерархии это был куда более блестящий союз, нежели брак со шведским королем. До этого времени надменные Габсбурги игнорировали Россию.

Сам эрцгерцог Иосиф, Палатин Венгерский, приехал в Петербург просить руки великой княжны. Иосиф относился к невесте с нескрываемым тихим обожанием, перед которым она не смогла устоять.

Брак был на этот раз — по любви. Венчание состоялось в Гатчине 19 октября 1799 года.

Но в Вене Александра имела несчастье понравиться самому императору Францу-Иосифу: прелестным обликом и приветливостью нрава она разительно была похожа на первую, рано умершую, жену императора Австрии, Елизавету Вюртембергскую, свою родную тетю по матери.

Вторая супруга императора, злая, некрасивая и мелочная Мария-Терезия, сразу возненавидела Александру Павловну, и всю недолгую жизнь Палатины травила ее придирками, интригами, всяческими неприличными выходками, неподобающими для царственной особы. Так, однажды, Александра Павловна появилась в театральной ложе во всем блеске своей юной красоты и драгоценностей, подходящих ее сану. Драгоценности оказались несравненно краше бриллиантов императрицы, и на следующий день последовал высочайший запрет Палатине носить драгоценности в общественных местах.

На ближайшем театральном представлении зрители, знавшие уже об истерике императрицы, ждали не поднятия занавеса, а появления в ложе эрцгерцогини Александры. И как только она появилась, зал грянул овацией: вместо драгоценностей Александру украшали одни цветы!

Мария-Терезия не снесла такого унижения и добилась отъезда эрцгерцога с молодой супругой в Венгрию. Между тем, весть о кротости,

*Эрцгерцог Иосиф, Палатин Венгерский,
брат австрийского императора Франца-Иосифа —
супруг Александры Павловны*

доброте и уме молодой супруги Палатина разнеслась уже по всей Венгрии, и подданные успели полюбить ее заочно, еще даже не видя. Вскоре в ее честь проводились выставки, музыкальные фестивали, на которые приезжали Гайдн и Бетховен.

Александра Павловна была обожаема всеми жителями Офена (так тогда назывался город Буда) и окрестных селений, среди которых было немало людей, крещенных в православии. К сожалению, мало кто знает, в том числе среди венгров, что многие планы Иосифа по реконструкции венгерской столицы были подсказаны его русской женой. Это она,

Александра Павловна, восхищенная красотой Вены, убедила мужа начать строительство в Белвароше (центре), дабы придать Офену черты европейского столичного города.

Градостроительство — не единственное, чем увековечила себя в венгерской истории дочь Павла I. Также внучка Екатерины имеет прямое отношение к созданию венгерского флага. Именно она посоветовала супругу, наряду с белым и красным цветами, включить и зеленый. После холодного ветреного Петербурга русскую княжну поразило обилие зелени в венгерских парках и садах.

Александра Павловна Романова, великая княжна, эрцгерцогиня австрийская, Палатина Венгерская

Отзывчивая славянская душа Александры Павловны, чуткая к культуре других народов, позволила ей быстро освоиться в венгерском высшем свете. Национальный венгерский костюм она, например, надела в то время, когда венгерская аристократия еще чуралась народных обычаев и нарядов. При Александре в великосветских салонах зазвучал венгерский чардаш.

Но привольная жизнь в Венгрии длилась недолго. Едва узнали о беременности Александры, как решено было немедленно вернуть ее в Вену.

Роды прошли тяжело, ребенок прожил всего несколько часов. А сама Александра скончалась на девятый день после родов, когда доктора уже разрешили ей вставать с постели, а на приеме во дворце Иосиф ра-

достно объявил о том, что Палатина поправляется: это было 3 марта 1801 года. Еще с утра весь двор Офена был весел и оживлен, узнав, что любимица венгров поправляется, но после полудня радость сменилась непередаваемой печалью.

Великая княгиня Александра Павловна внезапно почувствовала сильный жар, у нее начался бред, во время которого она умоляла отца Андрея отвезти ее домой и построить ей маленький домик в парке Павловска, чтобы она могла там жить. Отец Андрей и Иосиф Венгерский, оба с трудом держась на ногах после череды бессонных ночей у ее постели, молча сменяли друг друга, прикладывая к пылающему лбу Александры холодные компрессы. В шесть часов утра, 4 марта 1801 года, великой княгини Александры Павловны, эрцгерцогини Австрии, Палатины Венгерской уже не было на Земле. Ее унесла обычная в те времена родильная горячка.

Она скончалась, не приходя в сознание. Услышав отчаянный крик

Православная церковь, построенная Александрой в Офене (Буде)

Самборского, Иосиф, задремавший было в кресле у окна, бросился к постели жены и тут же упал без чувств.

16 марта 1801 года Иосиф скорбно писал императору Павлу из Буды:

«Я имел непоправимое несчастье потерять жену мою. Ее уже нет, и с нею исчезло все мое счастье...» Но ответа он не получил: как раз в это время Павел был убит в своем Михайловском замке. Хоронили Александру по православному обряду в православной церкви в Офене, которую она построила на свои средства. Иосиф долго соблюдал траур, в течение 10 лет после кончины жены был вдов. Со временем вокруг часовни со склепом Александры возникло православное кладбище.

Русский Двор всячески заботился о маленькой церкви в Офене. В 80-е годы XIX века царь Александр III прислал сюда новый иконостас. Однако время и войны не пощадили церковь.

Не сохранились за давностью лет ни церковь, ни могила. Последнее упоминание о месте захоронения русской цесаревны, Палатины Венгерской, проскользнуло в печати в 1899 году в российской газете «Новости». Сейчас известно, что прах великой княгини Александры Павловны Романовой, дочери русского императора Павла I, жены эрцгерцога Иосифа Габсбурга был перезахоронен, и храм-усыпальница находится в одном из пригородов Будапешта — городе Иреме.

ЕЛЕНА

В 1784 году Мария Федоровна родила вторую дочь. Огорчение бабки по этому поводу смягчалось тем обстоятельством, что ребенок был удивительно хорош собой. «...*Прекрасная Елена достойна своего имени... она на самом деле красавица, вот почему и называли ее Еленой*», — хвасталась Екатерина своим парижским друзьям.

Когда девочке было только шесть лет, императрица, сравнивая ее с сестрами, уже отдавала ей предпо-

Великие княжны Александра и Елена (справа) в юности

Любимица Екатерины была чрезвычайно живой и веселой, с добрым сердцем, за что ее любили более, чем других сестер. От матери она унаследовала таланты к искусствам. Ей не исполнилось и пятнадцати лет, как она была выдана замуж за герцога Мекленбургского. Союз этот был очень счастливым, молодые без памяти любили друг друга

чение в отношении наружности, замечая, что она — красавица в полном смысле слова, что черты лица ее необыкновенно правильны, что она стройна, проворна и легка, короче — воплощенная грация.

Любимица Екатерины оказалась чрезвычайно жива и ветрена, но с добрым сердцем, и за веселость ее любили более, чем других сестер. От матери она тоже унаследовала таланты к искусствам. Ее артистическая натура проявилась в особых

*Великая княжна
Елена Павловна Романова*

*Наследный герцог Мекленбург-
Шверинский, Фридрих-Людвиг —
супруг Елены*

способностях к художествам, танцам и пению.

Но не зря же говорят: «Не родись красивой». Судьбе прекрасной Елены трудно позавидовать. Великой княжне не исполнилось и пятнадцати, когда она была выдана замуж за наследного герцога Фридриха-Людвига Мекленбург-Шверинского. Партия, однако, была не очень выгодной, сама Мария Федоровна находила в воспитании зятя «большие пробелы».

Вообще-то, у Романовых уже был опыт родства с Мекленбургами, и весьма горький: сто лет назад племянница Петра Великого Екатерина (сестра будущей императрицы Анны Иоанновны) буквально сбежала от

своего мужа, самодура и пьяницы герцога Мекленбургского, вместе с дочерью — Анной Леопольдовной. Однако на этот раз союз с Мекленбургами оказался счастливым. Молодые без памяти любили друг друга. Елену и невозможно было не любить. Красивая, веселая, умная, тактичная, она буквально обворожила всех.

Долгое время Елена провела в Берлине. Берлинцы очень гордились красотой своей королевы Луизы. И — редкий случай! — 16-летняя Елена и 25-летняя Луиза стали не соперницами, а ближайшими подругами! Берлинцы называли их немного сентиментально «четой роз». Спустя годы сын Елены женится на дочери Луизы.

*Елена
Павловна
Романова,
великая
княжна,
герцогиня
меклен-
бургская*

В 1800 году Елена подарила мужу сына, три года спустя — дочь. Но уже тогда Елена болела страшной болезнью того века — чахоткой. Процесс шел очень быстро. 23 сентября 1803 года, через два года после смерти старшей сестры, скончалась и самая красивая из сестер. Над ее могилой был воздвигнут православный храм.

А Романовы все-таки не смирились с ранним уходом своей первой

красавицы. Когда младший сын Павла Михаил женился на принцессе Каролине Вюртембергской, то при переходе в православие она стала именоваться Еленой Павловной. В ее лице русская культура приобрела щедрую покровительницу. Ведь нынешний Русский музей в Питере — это ее дворец, а основу его коллекций составляет собрание этой второй Елены Павловны...

МАРИЯ

В 1786 году у Павла и Марии родилась третья дочь, которую в честь матери тоже назвали Марией. Но с женственной «пампушкой» Марией Федоровной младенец имел сходство весьма отдаленное. *«Она сущий драгун, — писала Екатерина II барону Гримму, — ничего не боится, все ее склонности и игры мужские».*

Мария не стала красавицей, зато оказалась чрезвычайно умна, обожала серьезное чтение и музыку, играла на арфе и фортепиано, а также была весьма независимого нрава. Незаурядность ее натуры очень

ского герцогства — Карл-Фридрих. Этот простой, чтобы не сказать простоватый, человек сумел добиться

Марию Павловну после свадьбы ждал восторженный прием в Веймаре. Она понравилась всем. Отмечали ее образованность, такт, благородство. Она отличалась щедрой благотворительностью. Приюты, госпитали, больницы, школы, — все это дело ее рук и капиталов!

ценил Павел, тонко разбиравшийся в людях: Мария была его любимой дочерью.

«Мария Павловна, если не такая красавица, как Елена, но столь привлекательна, добра, что на нее смотрели, как на ангела», — писал о великой княжне один из придворных того времени.

В 1803 году в Россию прибыл наследник Саксен-Веймар-Эйзенах-

расположения великой княжны не только своим покладистым, добродушным характером, но, в первую очередь, тем, что столицей его герцогства был Веймар — культурный центр всей Германии, где жили Шиллер и Гете. Марии не терпелось прослыть покровительницей немецкой культуры, имея, к тому же, немалые средства русской великой княжны!..

*Карл Фридрих, наследный герцог
Саксен-Веймар-Эйзенах,
супруг Марии Павловны*

После свадьбы в 1804 году ее ждал восторженный прием в Веймаре. Программу торжеств составил сам Шиллер. Он же писал:

«В лице нашей новой принцессы к нам прибыл поистине добрый ангел. Она необыкновенно любезна, понятлива и образованна, она выказывает твердый характер и умеет соединять недоступность, свойственную ее сану, с самой обаятельной любезностью. Коротко говоря, она такова, что если бы у нас был выбор, и мы могли бы по собственному заказу выбирать принцессу, то мы все равно выбрали бы только ее и никого другого. Если только она почувствует себя у нас как дома, то я обещаю Веймару великолепную эпоху».

И хотя через год он умер, Мария Павловна навсегда осталась горячей почитательницей его гения, а

*Великая княжна
Мария Павловна Романова*

также и верной покровительницей его семьи.

Вообще, Мария Павловна понравилась в Веймаре всем. Отмечали ее образованность, такт, благородство. Как и ее мать, она отличалась щедрой благотворительностью не только по отношению к деятелям культуры. Приюты, госпитали, больницы, школы, — все это ее рук и капиталов дело!

В историю Веймара Мария Павловна вошла как величайшая меценатка, которой город обязан великим множеством культурных усовершенствований и учреждений. Кроме того, в памяти потомков и современников остались привлекательные свойства этой незаурядной женщины — обаяние, ум, щедрость, неустанная благотворительность, постоянное внимание к вопросам культуры и ее

творцам. Ни о ком из августейших особ дома Романовых не сохранилось столько восторженных отзывов современников, среди которых были величайшие писатели времени — от Гете и Шиллера до Тютчева и Жуковского.

В Веймаре устраивались музыкальные праздники, и была открыта музыкальная школа. Шиллер признавал в Марии Павловне *«большие способности к музыке и живописи и действительную любовь к чтению»*. Гете назвал ее одной из лучших и выдающихся женщин своего времени.

Слава ангела-хранителя особенно стала распространяться после лета 1805 года, засушливого и неурожайного, когда удалось свести концы с концами только благодаря закупкам хлеба на деньги принцессы.

В 1818 году ее посетила мать Мария Федоровна и очень помогла дочери советами в делах благотворительности. Любуясь тремя детьми Марии-младшей, Мария-старшая не знала, что одна из ее внучек станет германской императрицей, а внук женится на другой внучке — дочери Анны Павловны, королевы Голландии.

После смерти Александра и старших сестер Мария весьма почиталась младшими «Павловичами» Николаем, Михаилом и Анной. Ее авторитет был непререкаем, а характер тверд, как ни у кого из них. После 14 декабря 1825 года она прервала все отношения с Константином Павловичем, считая его виновником разыгравшейся трагедии.

В 1857 году состоялась последняя встреча Марии и Анны — двух оставшихся в живых к тому времени детей Павла. Грустная то была встреча! Жизнь прошла, сменилось несколько эпох, почти все самые близкие люди были уже в могиле. Сестры заказали панихиды по всем усопшим родным.

В июне 1859 года Мария Павловна скоропостижно скончалась.

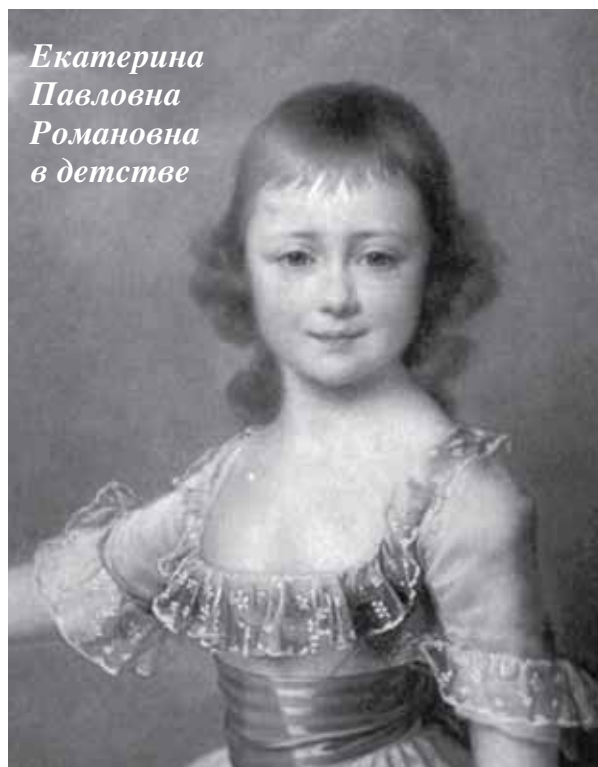
Отпевали ее в православной церкви, но похоронили на протестантском кладбище, в фамильном склепе герцогов Веймарских.

Мария Павловна Романова, великая княжна, герцогиня веймарская

ЕКАТЕРИНА

Самая яркая, самая блестящая дочь Павла I и Марии Федоровны родилась в 1788 году. Она действительно выросла настоящей красавицей, и у нее была возможность получить французскую корону — ведь к ней сватался сам Наполеон Бонапарт. Но она отказала ему и вышла замуж за своего родственника — герцога Георга Ольденбургского. Они с мужем поселились в Твери и сделали очень многое для города и его жителей. В это же время Екатерина по-настоящему увлеклась россий-

*Екатерина
Павловна
Романовна
в детстве*

С*амая яркая, самая блестящая дочь Павла Первого и Марии Федоровны. У нее была возможность получить французскую корону — к ней сватался сам Наполеон Бонапарт. Но она отказала ему и вышла замуж за скромного герцога Георга Ольденбургского*

ской историей, и именно в ее тверском салоне Карамзин зачитывал отрывки из своей «Истории Государства Российского» и познакомился с ее братом императором Александром.

Отечественная война 1812 года стала для Екатерины роковой — на полях сражений погиб не только муж Георг, но и генерал Багратион, которого все считали ее любовником. Екатерина несколько лет не снимала траур, оставаясь вдовой с

двумя маленькими детьми. Но по прошествии времени жизнь взяла свое, и она отправилась покорять Европу, добравшись до самой Англии. Там ее познакомили с наследником престола Вюртембергского герцогства красавцем Вильгельмом, и он стал ее женихом, а потом и мужем. Второй брак Екатерины оказался успешным во всех отношениях. Супруги искренне любили друг друга, и у них родились две дочери. Казалось, впереди их ждет

Первый супруг Екатерины — герцог Георг Ольденбургский

Второй супруг — наследник английского престола Вильгельм Вюртембергский

счастливого будущее, но... в январе 1819 года Екатерина Вюртембергская скоропостижно скончалась от менингита. Ей не было и 32 лет... Похоронили Екатерину в православной церкви за городом, которая сохранилась до наших дней. Ведь в Германии о прекрасной королеве помнят больше, чем на ее родине...

Екатерина Павловна Романова, великая княжна, герцогиня ольденбургская, королева вюртембергская

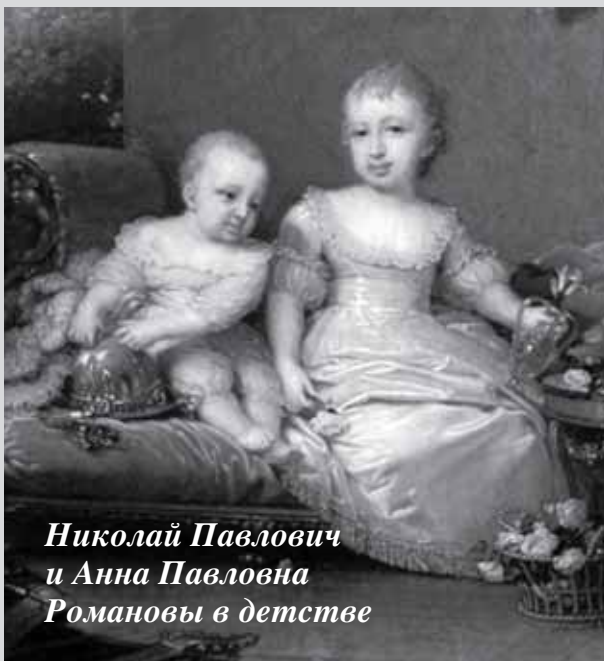
АННА

В 1795 году родилась последняя дочь — Анна. Она тихо росла в Павловске и с детства отличалась чрезвычайной религиозностью, что совершенно не было характерно для семейства Павла. В 15 лет великая княжна, по донесению французского посла, «была высока ростом для своего возраста и более развита, чем обыкновенно бывает в этой

стране, так как, по словам лиц, посещавших двор ее матери, она вполне сформирована физически. Рост ее, стан, все указывает на это. У нее прекрасные глаза, нежное выражение лица, любезная и приятная наружность, и хотя она не красавица, но взор ее полон доброты. Нрав ее тих и, как говорят, очень скромный. Доброте ее дают предпочтение перед умом. Она же умеет держать себя, как подобает принцессе, и обладает тактом и уверенностью, необходимыми при дворе».

Последняя дочь императорской четы с детства отличалась чрезвычайной религиозностью, в отличие от своих сестер. Ее выдали замуж за принца Оранского Вильгельма, которого она очень любила, исправно рожала ему детей и тихо жила в брюссельском дворце. Но революция заставила королевскую семью переехать в Голландию, в которой Анне было неуютно — она казалась голландцам слишком чопорной и скучной

*Николай Павлович
и Анна Павловна
Романовы в детстве*

Между тем, в 1809 году за нее сватается величайший человек эпохи, — Наполеон Бонапарт, которому за два года до этого отказала гордая Екатерина. Правда, кроткая Анна — еще совсем девочка, но в свое время ее старшая сестра Елена вышла замуж в таком же возрасте... Да еще и обстоятельства изменились: Наполеон в 1809 году — уже не «сомнительный корсиканец», а французский император, да к тому же — союзник России. Блестящая партия!

Однако Мария Федоровна и мысли не допускала отдать «свою голубку»

*Вильгельм II, король Нидерландов —
супруг Анны Павловны*

*Великая княгиня
Анна Павловна Романова*

в руки «узурпатора», поэтому оттягивала время окончательного ответа под всевозможными предлогами. Наконец, стареющий Бонапарт, которому для укрепления династии нужен наследник, потерял терпение и женился на дочери австрийского императора Марии-Луизе. Естественно, что отношения между Францией и Россией от этого не улучшились: предубежденность вдовствующей императрицы против Наполеона фактически обрекла Россию на тяжелую войну.

После победы над Наполеоном Венский конгресс образовал большое королевство Нидерландское, в которое вошли Голландия и Бельгия (со столицей в Брюсселе). Талейран проницательно заметил, что насильственный союз голландцев и бельгийцев слишком непрочен: их разделяет разная вера, различны и

экономические интересы. Но кто тогда слушал Талейрана?

В 1816 году Анна была выдана замуж за принца Оранского Вильгельма, сделавшегося королем Нидерландским в 1840 г. под именем Вильгельма II. Молодожены не сразу уехали в Брюссель: торжества по случаю их бракосочетания продолжались несколько месяцев. По желанию Марии Федоровны, юный подающий надежды стихотворец некий Саша Пушкин написал по этому случаю оду, в которой прославлял принца Оранского, раненного в битве при Ватерлоо:

*«Его текла младая кровь,
Над ним сияет язва чести:
Венчай, венчай его, любовь!
Достойный был он воин мести».*

За эти стихи Пушкин получил золотые часы, которые, согласно им

Анна Павловна Романова, великая княжна, королева голландская

же созданной легенде, тут же разбил каблуком как истинный республиканец. Однако эти часы по сей день хранятся в его музее.

Анна любила своего мужа, исправно рожала ему детей — трех сыновей: Александра, Вильгельма и Фридриха-Генриха, и дочь Вильгельмину-Марию-Софию-Луизу, вышед-

шую замуж за наследного принца Саксен-Веймарского Карла-Александра, и тихо жила в брюссельском дворце до 1830 года.

Но революция 1830 года из Парижа перекидывается в Брюссель, и бельгийцы образуют самостоятельное королевство. Вильгельму, Анне и их детям пришлось перебраться в Гаагу.

Вообще, в Голландии ей было не очень уютно: голландцам она казалась слишком чопорной и скучной. К тому же до 1840 года она все еще была только супруга наследника. Так бы продолжалось еще дольше, да разразился скандал: тесть, старый король Виллем Первый, после смерти жены сошелся с одной придворной дамой, бельгийкой и католичкой, и отрекся от престола, предпочтя ему любимую женщину. Анна, наконец, стала королевой.

Но спокойствие было недолгим. 1849 год оказался слишком горьким для Анны. Внезапно скончался Вильгельм II, и почти сразу после этого голландский парламент сильно ограничил права монарха. К тому же, Анна обнаружила, что ее муж поставил семью на грань разорения. Воплем отчаяния звучит ее письмо к брату — русскому царю Николаю I (кстати, Анна была его любимой сестрой):

«Милый брат, дорогой и любезный друг! Только обстоятельства крайней необходимости вынуждают меня говорить с тобой о вещах материального свойства...»

Короче, она попросила брата купить коллекцию голландской жи-

вописи, которую всю жизнь собирал ее муж. Николай согласился, и коллекция пополнила собрание Эрмитажа. Теперь в Питере голландская живопись была представлена лучше, чем в любом из музеев самой Голландии...

«Я горжусь, что я — русская!» — не раз повторяла она. Одного сына Анна женила на дочери сестры Екатерины, свою же дочь выдала за сына сестры Марии.

В Голландии Анна Павловна показала себя истинной дочерью императрицы Марии Федоровны: она всецело отдалась благотворительной деятельности. Для больных и раненых воинов основала госпиталь и инвалидный дом и устроила до 50 приютов для бедных детей. В 1853 году Анна посетила Россию. Прошло 37 лет со дня ее отъезда, и теперь она смотрела на белые ночи, как будто впервые их видела. Николай I принял ее очень радушно. Но Анна не задержалась при Дворе и отправилась почти тотчас в Троице-Сергиеву лавру. Она общалась, главным образом, с духовенством.

В 1855 году пришло великое горе, и разразился великий скандал. Умер Николай I, а Россия проиграла Крымскую войну. Сын Анны Виллем Третий не нашел ничего лучшего, как послать высшие награды двум врагам: новому русскому царю и кузену Александру II в знак восшествия того на престол и Наполеону III в связи с его победой в Крымской войне!

Анна Павловна впала в ярость и объявила, что навсегда уезжает в Россию. Она остановилась в Гатчине, потом переехала в Царское Село. И все с облегчением признали, что, несмотря на некоторую старомодную чопорность, Анна приветлива и очень воспитанна. Через какое-то время сын все же сумел уговорить ее вернуться в Гаагу.

В 1865 году, пережив всех остальных детей Павла, Анна скончалась. Ее похоронили не в усыпальнице голландских королей в Дельфте, а в построенной ею православной церкви св. Екатерины в Амстердаме.

И даже после смерти она осталась русской.

Эрцгерцогиня австрийская, герцогиня мекленбургская, герцогиня веймарская, королева вюртембергская, королева голландская. Пять российских принцесс прочно пустили корни в Европе, сблизив тем самым с нею свою Родину. Трое умерли молодыми, две прожили долгую жизнь.

Но без этих пяти лилий российской короны история ее была бы неполной. □

Виктор Ом

Ибо сильна как смерть
«**ЛЮБОВЬ**»

В журнале «Новый мир» за 1925 год можно было прочесть такую запись: «Наташа Ростова сошла со страниц «Войны и Мира» и написала воспоминания».

Речь шла о книге мемуаров Татьяны Андреевны Кузминской (в девичестве — Берс) «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне».

В 1919 году, после смерти старшей сестры — Софьи Андреевны Толстой, она переехала на постоянное жительство в Ясную Поляну, где и прожила до конца своих дней.

Татьяна всегда называла Ясную Поляну — «Милый мой второй родительский дом», и очень любила приезжать и подолгу гостить в семье сестры. Здесь она по-настоящему занялась и литературным творчеством

Литературные занятия ее начались еще в 1880-е годы. Так, в 1875 году она опубликовала несколько автобиографических повестей под общим названием «Воспоминания прошлого», конечно, не без помощи Льва Николаевича. Он часто помогал ей — правил рукописи ее рассказов, давал необходимые советы и, главное, много говорил с нею о литературе и литературном мастерстве, да и вообще

Берс и его братом Сергеем Николаевичем Толстым.

...Взрыв взаимной «эмпатии» произошел неожиданно... Именно так можно назвать чувство, охватившее молоденькую девушку шестнадцати лет от роду и совсем зрелого мужчину, к тому времени уже имеющего троих детей.

Что же означает это загадочное слово — эмпатия? С греческого оно

всегда тепло и с сочувствием относился к Татьяне. Некоторые черты ее своеобразного характера остались увековеченными в его романе «Война и мир» в образе Наташи Ростовой. Правда, сам Лев Николаевич утверждал, что многое в этом образе есть и от жены — Софьи Андреевны...

Великий писатель стал свидетелем бурной любовной драмы, которая разыгралась между Танечкой

переводится как «страсть» и «страдание». Очень похоже на то, что испытывали влюбленные Танечка и Сергей... Действительно, были и страсти, и страдания, да еще какие!

Однажды, приехав летом в Ясную Поляну всего на один день, Сергей Николаевич Толстой никак не мог вернуться в свое имение даже на третий день... Какое-то неосознан-

ное влечение к совсем еще юной девочке Танечке, младшей сестре жены Льва Николаевича, не отпускало его. Нет, он и в самом деле не понимал, и говорил об этом открыто, почему Лев женился не на ней, а на ее сестре Софье. Ведь эта шестнадцатилетняя шалунья была просто обворожительна... Не знал он пока, как трепетало при виде его сердце девушки, и какая безудержная радость переполняла ее душу. Совсем незаметно и, главное, очень быстро их взаимное влечение переросло в серьезное и... таинственное — да да, таинственное — чувство всепоглощающей любви! Юная Танечка буквально захлебывалась в этом счастье, а еще больше изумлялась тому, что это ее, шестнадцатилетнюю Таню Берс, любит такой серьезный, такой удивительный и такой красивый мужчина!

А он действительно был прекрасен... Брюнет, стройный, высокий, с серо-голубыми серьезными глазами, и вообще... он такой тонкий человек, так сильно чувствующий и понимающий, и при этом натура художественная... Очень умный, очень гордый и поразительно искренний, открытый и добрый. Лев Николаевич называл его «исключительным, ни на кого не похожим человеком».

«Сергеем я восхищался и подражал ему, любил его, хотел быть им. Я восхищался его красивой наружностью, его пением, — он всегда пел, — его рисованием, его веселием, в особенности, как ни странно сказать, его непосред-

ственностью, его эгоизмом...» — писал о брате Толстой.

Сергей Николаевич совершенно потерялся, охваченный любовной лихорадкой. До такой степени, что вдруг сделал Тане предложение и... получил согласие!

Сергей забыл обо всем, и уже не мог считаться ни с какими преградами и условностями. А их было немало. Во-первых, хоть и незаконная, но семья, и трое детей. Со своей гражданской женой, Марией Михайловной Шишкиной, он прожил уже пятнадцать лет... Во-вторых, поскольку Сергей и Лев были родными братьями, для того чтобы они смогли жениться на родных сестрах, требовалось разрешение самого Синода... И как объяснить Маше предстоящее расставание? Неужели она не сможет понять? — мучительно пытал себя Сергей Николаевич...

У Танечки Берс уже было одно раннее увлечение, но что оно значило по сравнению с тем, что она переживала сейчас?

Когда ее сестра Соня вышла замуж за графа Льва Николаевича Толстого, уже известного писателя, Таня очень загрустила. Ей показалось, даже дом как-то опустел из-за отсутствия любимой сестрицы, ее лучшего друга. Она заметно переменялась и даже праздники, их веселая кутерьма, не так радовали девушку, как прежде. Нет, без Сони все было решительно не так...

Все домашние заметили перемену в младшей дочери и старались,

Слева направо: *братья Толстые — Сергей Николаевич, Николай Николаевич, Дмитрий Николаевич, Лев Николаевич*

как могли, сгладить ее печальное настроение.

Андрей Евграфович Берс, отец Тани, доктор Московской дворцовой конторы, предстоящей весной соби-рался поехать в Петербург и, пони-мая состояние младшенькой люби-мицы Танечки, никак не мог отказать ей в просьбе взять и ее с собой в столицу. У него в Петербурге были дела, самое важное из которых — похлопотать о досрочном производ-стве в офицеры сына Александра.

Таня все же упросила отца... В Петербурге Андрей Евграфович и младшая дочь пробыли неделю, и все эти дни были сплошным непрерыв-ным праздником. Ее как дорогую и желанную гостью возили в театры, на острова, было много визитов к мно-

гочисленным родственникам, и каза-лось, всему этому не будет конца. Грациозную, черноглазую, больше-ротую и всегда веселую Танечку все находили весьма привлекательной, хотя красавицей назвать ее было трудно. К тому же, она была натурой очень музыкальной и просто обожа-ла петь... Сдержанная страстная эмоциональность и чистый, с краси-вым тембром голосок придавали осо-бую своеобразную прелесть роман-сам, которые она охотно исполняла.

Искушенная публика в петер-бургских салонах искренне аплоди-ровала юной и прелестной певице.

— Истинно птичка это дитя! — вос-кликали старые тетушки и дядюшки.

«Ваша дочь такой фурор здесь производит, милая тетушка Любовь

манер в свете, ей просто нравится... Как интересный собеседник и просто веселый молодой человек.

Быстро пролетели ослепительно яркие весенние дни в столице — близилось время отъезда. Анатолий узнал, скорее всего, от самой же Танечки, что в июне она собирается в Ясную Поляну, в гости к старшей сестре Соне. Ловкий ловелас сумел позаботиться о себе и сделать так, чтобы и его пригласили погостить к графу Толстому.

Но такого оборота дела, который его ожидал, он, питерский щеголь, никак не мог предугадать. Лев Николаевич и его молодая жена Софья Андреевна были просто шокированы поведением самоуверенного и легкомысленного Анатолия.

А он, словно одержимый, всем демонстрировал свою власть над сердцем влюбленной в него Тани. И хотя даже не скрывал от окружающих, что не имеет никаких намерений по поводу женитьбы, тем не менее, еще азартнее продолжал свои ухаживания за девушкой, которой уже и так изрядно вскружил голову. Лев Николаевич, возмущенный поведением Анатолия, забыв всякую светскую учтивость, приказал подать лошадей, а Софья Андреевна, чтобы хоть как-то смягчить ярость мужа, сославшись на плохое самочувствие и нездоровье, попросила гостя уехать.

Анатолий был шокирован, совершенно сконфужен и огорчен, но... пришлось подчиниться, и он уехал, понимая, конечно, что его просто беспардонно выставили. Танечка горько

рыдала и была очень обижена на родственников. Хотя... это, полудетское еще увлечение, быстро прошло, как и бывает в таком возрасте, даже не оставив в душе заметного следа.

Впрочем, они встретились... через семнадцать лет. Татьяна Андреевна была уже замужней дамой, а Анатолий Шостак служил губернатором в Чернигове. Женат он был на сестре мужа Татьяны Андреевны. (Анатолий Шостак стал прототипом Анатоля Курагина в романе Толстого.)

Но тогда юная Танечка, огорченная и совершенно расстроенная душевно, даже не могла предположить, что ее по-настоящему большая любовь совсем близко, и что принесет она не только минуты безмерного счастья, но и целые годы горьких мучений и разочарований.

Вот уж действительно уместны здесь пророческие слова: *«Любовь хоть и надевает корону на вашу голову, но она и распинает вас на кресте».*

Так и случилось в судьбе Танечки Берс...

В Ясную Поляну из своего имения, которое находилось всего в сорока верстах, приезжал брат Льва Николаевича, Сергей Толстой. Он окончил курс философского факультета в Казанском университете, по отделению математики, где преподавателем его был сам знаменитый Лобачевский. Только математикой Сергей заниматься не стал, а поступил в стрелки императорской фамилии. Он участвовал в войне с

Турцией, но, прослужив совсем недолго и получив чин капитана, вышел в отставку.

К тому времени, когда Сергей Николаевич встретился в Ясной Поляне с сестрой жены своего брата, он уже пятнадцать лет жил в гражданском браке с Марией Михайловной Шишкиной. И у них были дети... Трое — сын и две дочери.

Там тоже была своя история и драма любви. В ранней молодости Сергей Николаевич, как и многие его сверстники, светские юноши, очень увлекался цыганскими песнями. Особенно заядлые любители «цыганщины» ездили из Москвы в Тулу слушать цыган — именно в то время в Туле был прекрасный цыганский хор. Там и покорила пылкое сердце молодого дворянина красавица — цыганка Машенька Шишкина. Он сумел забрать ее из хора, хотя ему пришлось не только заручиться согласием ее родителей, но и внести весьма солидный выкуп за девушку.

Но так спонтанно ворвавшаяся в его душу любовь к юной Танечке Берс все перевернула в сознании зрелого мужчины.

Несмотря на то, что чувство было взаимным, и оба почти маниакально стремились к браку, свадьбу решили отложить на год.

«Таня, вы так молоды!» — пытался объяснить и сгладить огорчение, которое овладело юной невестой, Сергей Николаевич. — *С моей стороны было бы преступлением жениться,*

не давая вам достаточно времени, чтобы обдумать и испытать свои чувства. К тому же, мне необходимо еще устроить дела».

И осенью Сергей Николаевич уехал в свое имение в Курскую губернию, а затем — за границу к своей сестре, Марии Николаевне. А Танечка вернулась домой в Москву.

Но через полгода Сергей неожиданно вернулся и сразу же назначил день свадьбы. Жизнь отныне сосредоточилась только на этом радостном событии... Только счастье это длилось совсем недолго. Сергей Николаевич, уехав как-то на неделю из Ясной Поляны, вернулся обратно чем-то серьезно и глубоко обеспокоенным. Танечка места себе не находила, никак не могла понять, что произошло, и что терзает ее любимого...

И вот, наконец, все прояснилось. Вечером к ней зашел Лев Николаевич и попросил разрешения поговорить откровенно. Было видно, что он волновался, и что говорить ему трудно... Но все же он сказал: *«Сергей предполагал жениться на тебе втайне от Марии Михайловны — но... слухи... все же дошли до нее... У них состоялось объяснение. Его решение расстаться Мария приняла очень тяжело, хотя и кротко, что оказалось для него еще мучительнее».*

Сам Сергей Николаевич все последнее время метался между этих двух огней — был безумно влюблен в Танечку, но и с Марией Михайловной никак не мог прервать все отношения... Ведь она была преданной женой и матерью его детей.

Таня тоже металась в сетях этого мучительного треугольника. Она все думала и думала, говоря себе: *«Что же я делаю? Я непременно должна устыдиться и отказать ему. Ведь я отрываю от детей и семьи. Отнимаю у той, которая прожила с ним целых пятнадцать лет!»*

Безмятежность и веселость юной девушки сменились тяжкой безысходностью и горькой тоской. Обеспокоенные родители попросили зятя, Льва Николаевича, привезти Таню в Москву, но перемена обстановки, на которую надеялись родные, не принесла желаемого результата.

Активная переписка с Сергеем окончательно убедила Татьяну в том, что он не должен оставлять ради нее свою семью. Эти душевные терзания довели девушку до отчаянного шага — она пыталась покончить с собой... Выпила мышьяк! Спасло только то, что она сильно испугалась и не вытерпела — открылась матери, что выпила яд.

Срочно приехавшие доктора дали Тане противоядие, и ее чудом удалось спасти. Правда, после этого она долго и очень тяжело болела...

Наступила весна 1865 года. Таня снова поехала в Ясную Поляну. Родители очень надеялись, что там, под присмотром Льва Николаевича и старшей Сони, она поправится и забудет хотя бы на время о своем горе.

Так и произошло... Там, в деревне, на природе, жизнь Тани была заполнена купанием, охотой, верховой ездой. Да-да, она обожала ездить на

верховые прогулки с Львом Николаевичем, и он даже в шутку называл ее «мой стремянный». А за то, что она частенько помогала переписывать его рукописи, он шутливо прозвал ее «писарем». Обожала Танечка и возню с маленькими детьми, которых она очень любила... Словом, она ожила, опять повеселела, и теперь повсюду был слышен ее заливиственный смех.

Но в первый же приезд Сергея Николаевича ей вновь стало ясно — она так и не смогла побороть в себе чувство любви к нему!

В тот день все и произошло, как во сне. Когда коляска Сергея Николаевича появилась у въездных ворот имения, она убежала в свою комнату и от нахлынувшего волнения, не зная, куда себя деть и что делать, схватила первую попавшуюся книгу. Это оказался сборник «Русские песни и романсы». Лихорадочно открыв книжку на первой попавшейся странице, она стала читать... Стихотворение Жадовской будто бы специально попало ей в руки, она даже испугалась, посчитав, что это — знак судьбы.

*Я все еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещет;
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольной
блещет.*

*Я все еще его, безумная, люблю!
Отрада тихая мне душу проникает,
И радость ясная на сердце низлетает,
Когда я за него Создателя молю.*

*Татьяна
Андреевна
Берс*

«Да-да, — прошептала она сквозь слезы, — терпение безгранично там, где есть любовь! А у нас ведь любовь, и любовь огромная!..»

И снова, как роковая неизбежность, начались их частые встречи в

Ясной Поляне. Сергей Николаевич проклинал себя за слабохарактерность и нерешительность, терзался не меньше Тани и говорил своей сестре Марии Николаевне: *«Ну что, что, мне делать? Я ведь так сильно*

люблю Таню, но как только увижу Машу, ее убитый вид и ее безропотное горе, душа моя просто разрывается в клочья. Как-то вошел к ней с твердым намерением признаться в том, что хочу жениться на Тане... Отворил дверь и увидел — она стоит на коленях и молится, а сама вся в слезах. И я не нашелся — не смог вымолвить ни слова».

Но все в этом мире имеет свой конец.

Измученная неопределенностью своего положения Таня собралась с духом и все же отослала жениху отказ. В письме родителям она так объяснила свой поступок: «... Маша с такой кротостью и покорностью идет на все, и так ей это тяжело, а через это и ему тоже, что я решилась и написала ему отказ. Не удивляйтесь и не горюйте об этом, иначе я сделать не могла, у меня бы всегда это было на совести, а теперь, может быть, будет к лучшему». Лев Николаевич тоже сделал свою приписку: «... Я всегда не только любовался ее веселостью, но и чувствовал в ней прекрасную душу. И она теперь показала ее этим великодушным, высоким поступком, о котором я не могу ни говорить, ни думать без слез... Он виноват кругом и не извиним никак... Мне было бы легче, если бы он был чужой и не брат мой. Но ей, чистой, страстной и энергичной натуре, больше делать было нечего. Стоило ей это ужасно, но у нее есть лучшее утешение в жизни — знать, что она поступила хорошо...»

Так завершилась история этой сумасшедшей любви... Оставалось только уповать на время... как известно, оно лечит все раны, даже самые неизлечимые.

Танечка Берс стала невестой юриста Александра Кузминского.

Казалось, все испытания и страдания влюбленных закончились, но судьба, как видно, все еще продолжала коварно шутить. Она опять столкнула Таню и Сергея, уже совершенно неожиданно...

А случилось вот что. Татьяна Берс была кузиной Саши Кузминского, поэтому надо было найти священника, который согласился бы их обвенчать. А Сергей Николаевич в эти же самые дни собирался все-таки узаконить свои отношения с Марией Михайловной, и они тоже решили съездить к священнику, чтобы договориться и назначить день свадьбы.

И вот в окрестностях города Тулы, на узенькой проселочной дороге, два этих экипажа...встретились... В одном — нарядная, элегантная Татьяна Андреевна Берс со своим женихом, а в другом — Сергей Николаевич Толстой. Они, не сразу и не до конца осознав, что произошло, были очень смущены и безмерно удивлены этой неожиданной встречей, тем не менее, вежливо раскланялись и, наконец, разъехались — навсегда...

После замужества Татьяна Андреевна довольно часто гостила в Ясной Поляне, в семье сестры, и встречалась с Сергеем Николаевичем, который по-прежнему приез-

жал к брату. Общались они теперь просто как хорошие знакомые, и со стороны могло даже показаться, что их связывали дружеские отношения... Но только самые близкие родственники знали, что история их любви так и не прошла бесследно для них обоих.

Софья Андреевна в своих воспоминаниях записала: «Любила моя сестра Сергея Николаевича более, чем кого-либо в жизни, и осталось это чувство у нее навсегда».

Но жизнь продолжалась...

Татьяна Андреевна Кузминская-Берс стала писательницей. И не без помощи Льва Николаевича.

Она активно сотрудничала с журналом «Вестник Европы» и другими изданиями. В 1886 году опубликовала свои рассказы из крестьянской жизни «Бабья доля», «Бешеный волк», которые вызвали хорошие отклики критиков и современников.

А Афанасий Фет, которого очень любил и как поэта, и как человека Лев Николаевич, посвятил ей стихи. Вот как она сама пишет об этом в мемуарах: «В одно из майских воскресений собралось довольно много гостей, среди которых были Фет с женой. После обеда мужчины пошли курить в кабинет. Как сейчас помню, я пела цыганский романс «Скажи, зачем». Все вернулись в гостиную. Я думала больше не петь и уйти, но было невозможно, так как настойчиво просили продолжать.

Подали чай, и мы пошли в залу. Эта чудная, большая зала, с боль-

шими открытыми окнами в сад, освещенная полной луной, располагала к пению. Марья Петровна подходила ко многим из нас и говорила: «Вы увидите, что этот вечер не пройдет даром голубчику, Фет, он что-нибудь да напишет в эту ночь». Пение продолжалось. Было два часа ночи, когда мы разошлись.

На другое утро, когда мы сидели за чайным круглым столом, вошел Фет, и за ним — Марья Петровна с сияющей улыбкой. Афанасий Афанасьевич подошел и положил около моей чашки исписанный листок бумаги: «Это вам в память вчерашнего эдамского вечера». Заглавие было «Опять». Листок этот хранится у меня. Напечатаны стихи были в 1877 году — десять лет спустя после моего замужества, а теперь на них написана музыка.

Сияла ночь. Луной был полон сад.

Лежали

Лучи у наших ног в гостиной без

огней.

Рояль был весь раскрыт, и струны

в нем дрожали,

Как и сердце у нас за песнюю

твоей.

Ты пела до зари, в слезах

изнемогая,

Что ты одна — любовь, что нет

любви иной,

И так хотелось жить, чтоб, звуки

не роняя,

Тебя любить, обнять и плакать над

тобой.

*И много лет прошло томительных
и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос
слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих
звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты
одна — любовь.*

*Что нет обид судьбы и в сердце
жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет
иной,
Как только веровать в рыдающие
звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над
тобой!*

Уже в преклонном возрасте Татьяна Андреевна все же написала заветные слова, в которых высказала все то главное и чарующее, что знала и думала о Льве Николаевиче: «Какая счастливая звезда загорелась надо мной, или какая слепая судьба закинула меня с юных лет и до старости прожить с таким человеком, как Лев Николаевич?.. Ему одному я слепо верила, его одного я слушалась с молодых лет... Я была свидетелем всех ступеней переживаний этого великого человека, как и он был руководителем и судьбой всех моих молодых безумств, а позднее — другом и советчиком.

Умерла Татьяна Кузминская (урожденная Берс) 24 декабря 1925 года. Похоронена в деревне Кочаки Тульской губернии, рядом с могилой

*Татьяна Андреевна, Лев Николаевич
и Софья Андреевна на крыльце
Ясной Поляны*

старшей сестры Софьи Андреевны Толстой.

Сергей Николаевич скончался намного раньше — еще при жизни Льва Николаевича, в 1904 году. □

Алла Зубкова

Великая **Гарбо**

Ей исполнилось всего двадцать семь, когда ее именем был назван один из кинотеатров в родном Стокгольме. Такой чести, ни до нее, ни после, не удостоивался ни один актер. Популярность этой актрисы не знала границ. Миллионы почитателей по всему миру. Пятнадцать тысяч писем от поклонников еженедельно. Самые высокие гонорары в Голливуде. И совершенно неожиданный, в общем-то, добровольный отказ от блестящей карьеры в 36 лет.

Ей суждено было прожить еще почти полвека. Но мир не уставал восхищаться великой Гарбо. Сильные мира сего жаждали познакомиться с нею. Короли, президенты, диктаторы, в их числе и Гитлер. Повезло лишь немногим. Она была равнодушна к громким именам и титулам. Впрочем, как и к деньгам. Ей было уже за семьдесят, когда один баснословно богатый арабский шейх пригласил ее присутствовать на своем званом ужине. За это он предложил ей 50 миллионов долларов! Гарбо отказалась.

Ее жизнь полна загадок и тайн. Завеса над некоторыми из них приоткрылась совсем недавно. Другие, похоже, так никогда полностью и не будут раскрыты

Если вы зададитесь целью найти в Швеции человека с фамилией Гарбо, то напрасно потеряете время. Ни один швед никогда не носил и не носит такую фамилию. Она так же необычна, уникальна и экзотична, как женщина, которая придумала

стесняясь показаться посторонним на глаза.

Густафсоны жили бедно, отец был занят на работах по уборке и благоустройству города, мать занималась домашним хозяйством. Грета ее любила и немного побаивалась,

Г

арбо часто и небезосновательно обвиняли в крайнем эгоизме. Человечество в целом и отдельные его представители мало интересовали актрису. Считать Грету способной пожертвовать собой ради спасения других... Такому человеку в Голливуде посоветовали бы писать сценарии фантастических фильмов...

Ее четыре раза выдвигали на соискание «Оскара», но она так и не получила эту награду. В 1954 году Киноакадемия решила исправить эту вопиющую несправедливость и присудила ей специальный «Оскар» за выдающийся вклад в кинематографию

ее для себя. Зато людей с фамилией Густафсон в одном Стокгольме хоть пруд пруди. Именно так и звали родителей девочки, появившейся на свет в этом городе 18 сентября 1905 года. Простые фермеры, они лишь за несколько лет до этого приехали в столицу. Малышку нарекли Гретой Ловизой, и она стала третьим ребенком в семье, где уже были мальчик и девочка. Она росла впечатлительным и очень застенчивым ребенком. Когда в дом приходили гости, Грета могла несколько часов провести под столом,

отца же просто обожала. В школу ее отдали в семь лет. Девочка отличалась незаурядными способностями, но училась не блестяще. Особенно не любила она математику, географию и ... гимнастику. Хотя отлично каталась на коньках, бесстрашно спускалась на санках с самых крутых горок, а летом плавала, как настоящая русалка. Дело в том, что Грета безумно стеснялась своей очень крупной, по ее мнению, фигуры. Была ли она на самом деле такой уж рослой? Нет, конечно. Просто век акселератов еще не насту-

пил, и двенадцатилетняя девочка ростом в 167,5 см, к тому же, довольно пухленькая, даже скандинавам казалась тогда едва ли не великаншей. Возможно, Грета переживала бы значительно меньше, знай, что к двадцати пяти годам прибавит в росте еще только два сантиметра. Пока же она с меланхоличной покорностью посещала занятия в школе. Жизнь ее была бы очень уж токсикой, если бы не одно увлечение.

Стокгольм издавна считался театральным городом. К началу XX века в нем насчитывалось не меньше двух десятков театров. Один или два находились не очень далеко от дома Густафсонов. И если восьмилетняя Грета вовремя не возвращалась домой с гулянья, отец и старшая сестра не очень волновались, зная, что найдут свою младшенькую у служебного входа одного из них. Актеры привыкли к девочке, в любую погоду стоявшую «на часах» у храма Мельпомены, и приветливо здоровались с нею. Иногда добрая билетерша разрешала ей пройти в зал, и тогда Грета, как зачарованная, смотрела на знакомые лица актеров, чудесно преображенные огнями рампы. Возвращаясь домой, она мечтала когда-нибудь тоже выйти на сцену. А пока... пока она устроила собственный театр на чердаке одного из соседних домов. Труппу составили близкие подруги. Нехитрый реквизит и костюмы приносили из дома. Грим с успехом заменяли акварельными красками. Имя

исполнительницы главных ролей и режиссера-постановщика можно не называть.

Время шло, но увлечение театром не исчезало. А летом 1920 года Грете Густафсон пришлось распрощаться с детством. После долгой и мучительной болезни скончался отец. Это был единственный человек, которому она могла поверять свои мысли и сомнения, всегда находя участие и утешение. При посторонних Грета старалась не проявлять своего горя, но почти год после этой потери, засыпая, каждую ночь плакала в подушку. Из школы она ушла и поступила на работу. Мягко говоря, не очень престижную. В расположенной по соседству с их домом парикмахерской помазком наносила мыльную пену на щетинистые щеки клиентов. Впрочем, проработала там она не очень долго. По рекомендации сестры ее взяли продавщицей в крупнейший универсальный магазин Стокгольма, в отдел дамских шляпок. Фешенебельный магазин придавал большое значение рекламе своих товаров. На необычную красоту Греты обратила внимание дирекция, и вскоре ее фотографии в шляпках различных фасонов появились в рассылаемых по почте каталогах магазина. Грете было всего пятнадцать, но выглядела она вполне взрослой девушкой. Кроме того, она оказалась очень фотогеничной, а ее застенчивость и подростковая угловатость перед объективом фо-

токамеры каким-то волшебным образом бесследно исчезали. Эти снимки привлекли внимание режиссера, снимавшего коротенькие рекламные фильмы в комическом клю-

че. Результатом «творческого содружества» стало несколько короткометражек с весьма говорящими названиями: «Как не надо одеваться» или «Как не надо есть». Будущие

поклонники элегантной изысканной Гарбо с трудом узнали бы своего кумира в мешковатом клетчатом мужском костюме или жизнерадостно уплетавшую за обе щеки сдобные булочки. Тем не менее, Грета очень гордилась своим дебютом, и когда дирекция магазина запретила ей дальнейшие съемки, предпочитая видеть ее за прилавком, сделала решительный шаг. Она оставила работу в магазине и почти сразу же получила приглашение сняться в небольшой малобюджетной комедии режиссера Петшлера. Особой извест-

ности ей эта лента не принесла, но жизни без кино она себе уже не представляла. Однако Грета понимала, что без специального образования думать о карьере актрисы просто не серьезно. В срочном порядке она выучила несколько отрывков из разных пьес и с трепетом переступила порог Королевской театральной Академии. И, о чудо, ее приняли. Успех немалый. Ведь конкурс в Академию в те дни был вполне на современном уровне — десять человек на место. Нельзя сказать, что за время учебы, а Грета провела в Академии чуть

меньше полутора лет, она так уж сильно выделялась среди других студенток. Разве что своим ростом, застенчивостью, пробелами в образовании и очаровательной рассеянностью. Однажды профессор спросил у нее дату рождения знаменитого драматурга Стриндберга. «Стриндберг? — мечтательно переспросила Грета. — Он родился... зимой... Да-да, совершенно точно... зимой». Этот ее ответ еще долго в качестве анекдота ходил по Академии.

Зато когда весной 1923 года известный режиссер Мориц Стиллер обратился к директору Академии с просьбой рекомендовать ему двух студенток для съемок в его будущем фильме, одной из кандидаток была названа Грета Густафсон. Правда, справедливости ради следует сказать, что Стиллер просил не двух лучших студенток, а двух самых хорошеньких. Видавший виды режиссер был буквально поражен красотой Греты, тем не менее, заявил, что она получит роль лишь в том случае, если... похудеет на девять килограммов. Грета сумела добиться этого. Вскоре при росте 168 см она стала весить пятьдесят шесть килограммов, и этот вес сохраняла практически всю жизнь.

Сказать, что съемки в шедевре Стиллера «Сага о Гесте Берлинге» проходили для нее необычайно сложно, значит, ничего не сказать. Стиллер был тираном на съемочной площадке и нередко доводил Грету до слез. Но именно работа с ним за-

ложила основы ее будущего мастерства. Этому человеку, сумевшему разглядеть в ней удивительное дарование, Грета была обязана не меньше, чем Элиза Дулитл профессору Хиггинсу. Он на долгие годы стал ее другом и покровителем.

Некоторые биографы утверждают, что именно Стиллер придумал для Греты псевдоним Гарбо. Он считал, что ее фамилия чересчур длинна и не очень романтична. На самом деле, никто точно не знает, кто именно предложил этот псевдоним, и каково его происхождение. Говорят об итальянских и испанских корнях этого слова, упоминают известную в ту пору норвежскую певицу Дарбо. Вспоминают даже сказочных эльфов — гарбонов. Впрочем, нередко наиболее простые и прозаичные объяснения как раз и оказываются ближе всего к истине. По одной из версий, Грета со своей подругой воспользовалась любезностью одного из чиновников Министерства юстиции. В его офисе они просмотрели несколько тысяч фамилий жителей Стокгольма. Им понравилось звучание первого слога чьей-то фамилии — «Гар». После длительных поисков и раздумий они, наконец, решили приставить к нему окончание от другого имени — «бо». Результат вполне удовлетворил их. Что ж, весьма вероятно, так оно и было, и в ноябре 1923 года на свет появилась Грета Гарбо.

Вскоре Стиллер увез свою протеже в Константинополь, где долж-

ны были начаться съемки его нового фильма «Одалиска из Смольного». Грете предстояло сыграть роль русской девушки, волею судеб попавшей в турецкий гарем. Съёмочная группа разъезжала по Константинополю. Красота и элегантность Греты производили фурор. Стиллеру повезло, что вконец очумевшие турки в самом деле не похитили его звезду для гарема какого-нибудь паши. Впрочем, съемки оказались сорванными из-за нехватки средств. Какое-то время Гарбо провела в Берлине, снявшись в необычайно глубоком фильме режиссера Пабста, но уже летом 1925 года она вместе со Стиллером оказалась в

снял немые ленты. В фильмах она создавала преимущественно образы женщин-вамп, необузданных, страстных, эротичных. А в жизни, как всегда, держалась особняком, очень редко участвуя в киношных тусовках. Она не терпела поползновений на свою независимость. Даже пустяковые обязательства настораживали и отпугивали ее. Как-то один из режиссеров, приглашая ее в ресторан, спросил: «Среда вам подходит?» «Откуда мне знать, буду ли я голодна в среду», — без тени иронии ответила Грета.

Стремление оставаться независимой не покидало Гарбо и в тех,

Грете взяли на работу в крупнейший универсальный магазин Стокгольма, в отдел дамских шляпок. На необычную красоту девушки обратила внимание дирекция, и вскоре ее фотографии в шляпках различных фасонов появились в рассылаемых по почте каталогах магазина. Она оказалась очень фотогенична, и ее снимки, наконец, привлекли внимание кинорежиссеров

Соединенных Штатах. Ее учитель пришелся как-то не ко двору в Голливуде. Зато Грете в студии «Метро-Голдвин-Майер» приняли с распростертыми объятиями. Английского языка она в то время почти совсем не знала и говорила с забавным акцентом. Впрочем, ей это не очень мешало, так как Голливуд пока еще

скажем прямо, редчайших случаях, когда мужчина задевал какие-то струны в ее душе. Осенью 1926 года в голливудских таблоидах появились сообщения о начале романа Гарбо с ее партнером по фильму «Плоть и Дьявол» Джоном Джилбертом. Гарбо переехала в особняк Джилберта на Беверли-Хиллз, и хо-

зьяин дома, выполняя прихоти своего кумира, поспешил внести дорогостоящие изменения в изысканный декор. Джилберт был без ума от Греты и почти сразу же стал атаковать ее предложениями руки и сердца. Она вела себя довольно уклончиво, но, в конце концов, Джилберту все-таки удалось сло-

мить сопротивление упрямой красотки. По крайней мере, так ему казалось. Однако в день свадьбы Грета утром выехала на своей машине «покататься», да так и не вернулась до поздней ночи. Джон был в ярости, но долго сердиться на Гарбо не мог. Через несколько месяцев в газетах появился новый

«свадебный» отчет. Джилберт и Гарбо отправились к мировому судье, чтобы зарегистрировать свой брак. По дороге они остановились заправить машину. Гарбо зашла в туалетную комнату, заперла за собой дверь, затем вылезла наружу через окошко и, взяв такси, вернулась в Лос-Анджелес. Правда это, или выдумка репортера, каждый вправе решать сам.

Гарбо все чаще сбегала от Джилберта к Стиллеру, который жил в

одном из голливудских отелей. Джон безумно ревновал ее, ибо Грета даже не сочла нужным сообщить ему, что секс между ней и режиссером невозможен, так как он был геем. Однажды, изрядно выпив (он делал это все чаще), Джилберт предпринял попытку залезть через балкон второго этажа в номер Стиллера, где, как он предполагал, находилась Грета. Не обращая внимания на предупреждения режиссера, он упрямо перевалил через

перила балкона, но тут Стиллер схватил его в охапку и без лишних слов сбросил вниз. К счастью, Джон отделался ушибами. Все еще не протрезвев, он направился в полицейский участок и там, размахивая револьвером, потребовал ареста обидчика. Задержали, однако, его самого. Он тут же предстал перед судьей и получил десять суток ареста. Правда, по просьбе киностудии срок ему заменили на условный.

Вскоре Гарбо оставила Джилберта. Любила ли она его? Кто знает... Однозначный ответ едва ли возможен, когда речь идет об этой удивительной женщине, надежно укрывшей свою личную жизнь покровом почти непроницаемой тайны.

«Грета делает тайну даже из того, что ела на завтрак», — говорили ее знакомые. Возможно, это и так, однако, по счастью, сохранилось достаточно надежных свидетельств, позволяющих представить ту или иную сторону быта Гарбо.

В первые годы своего пребывания в Голливуде Грета отличалась отменным аппетитом. Растолстеть она не боялась — нервные и физические нагрузки на съемках без остатка «съедали» все лишние калории. Вот примерное меню ее завтрака: фруктовый сок, грейпфрут, говядина, приготовленная со сливками, жареный картофель, яйцо, кофе и кофейное пирожное. Завтракала и ужинала она почти всегда в постели.

В конце тридцатых годов Гарбо изменила свое отношение к еде, по-

ставив во главу угла не удовольствие, а пользу. Ее обед обычно состоял из чашки куриного бульона, брынзы, половины спелого авокадо с уксусом, ломтика ананаса и кусочка поджаренного черного хлеба с маслом. Впрочем, порой она любила побаловать себя. В ресторане «Русский Орел», куда часто наведывались голливудские звезды, она обожала полакомиться белужьей икрой.

Держать себя в форме ей помогал спорт. Грета по-прежнему великолепно плавала, любила верховую езду и теннис. Особенно ей удавались раскованные выходы к сетке. Впрочем, быть может, это объяснялось тем, что ее партнеры просто боялись повредить мячом лицо суперзвезды и потому не оказывали ей должного сопротивления. Она часто посещала турецкие бани, где ее почти никогда не узнавали, так умело драпировалась Грета в большое полотенце. Пользовалась она всегда только лавандовым мылом. Волосы полоскала ромашковым чаем, который специально выписывала из Англии. У нее были потрясающие длинные ресницы. Единственное, что она позволяла себе, — это красить их черной тушью. Ее любимым ароматом был запах гардении.

Гарбо получила возможность дорого и элегантно одеваться довольно рано — лет в девятнадцать — двадцать. Казалось бы, молодая женщина, да еще актриса, чье детство и отрочество прошло в откровенной бедности, пожелает компенси-

ровать себя за былые лишения. Собственно, в начале так и произошло. Ее дорожные твидовые костюмы славились своей элегантностью. Платья из бархата поражали своими совершенными линиями, а изысканные вечерние туалеты Грета носила так, как умела носить только она одна. Однако постепенно ее интерес к высокой моде стал угасать. Причина? Бесчисленные примерки туалетов на студии перед съемками. Грета относилась к этому, как к тяжелой повинности. «Постоянно принимать решения. Я устала от этого! Я не желаю думать об одежде, когда нахожусь вне съемочной площадки, и имею право носить то, что хочу».

Брюк! Стиль Гарбо — брюки и строгие брючные костюмы, прямые волосы, тонкая линия бровей, минимум косметики и почти полное отсутствие украшений оказал сильнейшее влияние на звезд Голливуда тридцатых, включая и великую Марлен Дитрих.

Правда, Марлен далеко не во всем подражала Грете. Она неоднократно восхищалась умением Гарбо создавать вокруг себя атмосферу тайны, но сама, к примеру, никогда не скрывала свои любовные похождения, в то время как Грета ...

Ох, и неблагодарная это работа — составлять список любовников Гарбо. И проблема вовсе не в том, что их было слишком много. Число их

Осенью 1934 года весь мир обошли фотографии актрисы, облаченной в вельветовые брюки. Так началась Великая Эра Женских Брюк! Стиль Гарбо — строгие брючные костюмы, прямые волосы, тонкая линия бровей, минимум косметики и полное отсутствие украшений — оказал сильнейшее влияние на звезд Голливуда тридцатых, включая и Марлен Дитрих

На один из престижных просмотров она явилась в берете, свитере и твидовой юбке. Но это были только цветочки. Осенью 1934 года весь мир обошли фотографии Гарбо, облаченной в вельветовые брюки: звезда как раз выходила от своего голливудского портного. Так началась Великая Эра Женских

как раз, мягко говоря, совсем невелико. Просто не существует убедительных доказательств того, что люди, которых объявляли ее любовниками, на самом деле таковыми являлись. Очень много слухов и сплетен, очень мало реальных фактов. Ведь, к примеру, если Гарбо в конце тридцатых путешествовала по Италии со

знаменитым дирижером Л. Стоковским, это вовсе не означало, что они спали вместе. То же самое можно сказать о ее отношениях с известным специалистом-диетологом, доктором Г. Хаузером. Гораздо больше оснований считать любовником Гарбо великого Э.М. Ремарка. Об этом говорил и сам писатель, и его

жена, актриса П. Годдар. И уже совершенно неоспоримо, что Гарбо находилась в любовной связи с английским светским фотографом и художником С. Битоном. В день их первой встречи в 1932 году Гарбо, вынув из вазы чайную розу, поднесла ее к губам. Битон засушил этот цветок и хранил его почти полвека.

После его смерти в 1980 году лепестки этой розы приобрел на аукционе какой-то фанат Гарбо за полторы тысячи долларов.

Уже в очень преклонном возрасте Гарбо как-то заметила, что в жизни ее не было романтики. Но кого же она могла винить в этом? Разве мало было на свете людей, готовых на все, лишь бы доказать любовь своему кумиру? Ее вообще часто и небезосновательно обвиняли в крайнем эгоизме. Человечество в целом и отдельные его представители в частности очень мало интересовали актрису. Считать Грету

способной пожертвовать собой ради спасения других... Такому человеку в Голливуде посоветовали бы писать сценарии фантастических фильмов. Но при всем при этом она ненавидела фашизм и войну. Ей не раз передавали, что Гитлеру очень нравятся ее фильмы, и он страстно желал бы встретиться с нею. В 1938 году она как-то совершенно серьезно заявила одному из своих друзей, что хотела бы посетить Германию и встретиться с Гитлером. И когда тот выразил недоумение, объяснила: она — единственный человек, которого не будут обыскивать перед встречей с фюрером. В сумочку или в карман костюма она положит маленький пистолет и застрелит тирана. Вот и разберись в характере человека ...

Между тем, кинематографическая карьера Гарбо шла по восходящей. Она с легкостью преодолела «звуковой барьер» кино. Ее английский был практически безупречен, а голос, глубокий и сексуальный, потрясал сердца зрителей.

Практически всех ее героинь можно разделить на две категории: это женщина-вамп — тайная мечта большинства мужчин, и добродетельная женщина, попавшая в капкан любовного треугольника. Как правило, сюжеты этих фильмов были довольно слабыми, но зрителей это мало волновало. Все, что им было нужно, — это видеть своего кумира на экране. Кстати, великая актриса считала свой талант доста-

точно ограниченным и никогда не бывала удовлетворена результатами работы. В то же время, она понимала, что могла бы играть героинь греческих трагедий, Шекспира, Чехова... Судьба, однако, распорядилась иначе.

Гарбо исполнилось 36, когда на экраны вышел ее двадцать седьмой по счету фильм — «Двулика Жен-

щина». Комедия получилась слабенькой, да и время ее выхода в прокат было не самым удачным — 31 декабря 1941 года — всего три недели после вступления Соединенных Штатов в войну. Тем не менее, уязвленная отрицательными отзывами Грета дала себе слово больше не сниматься в откровенно посредственных лентах. Тогда у нее не воз-

никало и мысли о возможности конца карьеры. Она была полна творческой энергии, мечтала сыграть Жорж Санд, Сару Бернар, Жанну д'Арк, героинь Бальзака. Увы, ее планам не суждено было осуществиться. Словно какой-то рок преследовал актрису. Стоило ей проявить интерес к тому или иному проекту, как он необъяснимым образом рассыпался в прах. То возникали непреодолимые финансовые или организационные проблемы, а то вдруг начинала ар-

тачиться сама Гарбо. Иметь с ней дело было совсем не легко. После переговоров с Гретой, многие режиссеры горстями глотали сердечные и успокаивающие таблетки.

Она всегда держалась спокойно и с достоинством. Алчность была чужда ее натуре, славой же она была пресыщена. Наверное, именно поэтому конец карьеры в самом расцвете не стал для нее трагедией. Она много путешествовала, коллекционировала предметы искусства. По-прежнему чуралась шумного светского общества. Однако у нее был свой круг друзей и знакомых, с которыми она с удовольствием проводила время. Среди них греческий мультимиллионер А. Онассис, на роскошной яхте которого она часто совершала круизы (ее партнером по карточным играм там нередко бывал Уинстон Черчилль), члены семейства Ротшильдов, некоторые известные художники и музыканты.

Сильные мира сего по-прежнему искали с ней встреч. Она же чаще всего отказывалась. По некоторым сведениям, английская королева Елизавета II дважды изъявляла желание встретиться с ней. Приглашения передавались через друзей Гарбо. Она вежливо отклоняла их, мотивируя это тем, что «ей нечего надеть». Отчасти это и в самом деле было так. Во время путешествий и переездов Грета довольствовалась несколькими парами брюк и свитеров.

Великий Сальвадор Дали многие годы мечтал встретиться с актрисой. В конце концов, друзья уговорили ее принять художника. Накануне встречи Дали жутко нервничал, выбирая наиболее элегантный, с его точки зрения, костюм. Изысканно одетого художника провели в гостиную. Через несколько минут туда вошла Гарбо. На ней был свитер, брюки и теннисные туфли. Внимательно оглядев художника, она холодно произнесла: «Думаю, один из нас что-то не понял». И удалилась.

Гарбо четыре раза выдвигали на соискание «Оскара», но она так и не получила эту награду. В 1954 году Киноакадемия решила исправить эту вопиющую несправедливость и присудила ей специальный «Оскар» за выдающийся вклад в кинематографию. Устроители церемонии, однако, не надеялись, что Гарбо удостоит их личным присутствием, поэтому попросили разрешить съемочной группе приехать к ней в нью-йоркскую квартиру и снять там церемонию награждения. Она вежливо отказала. Статуэтку передали какой-то знакомой Гарбо, и «Оскар» попал в руки хозяйки только спустя два года.

Семидесятые — восьмидесятые годы были для Гарбо временем потерь. Ушли из жизни самые близкие друзья — Мерседес де Акоста и Сесил Битон. В 1984 году Гарбо перенесла серьезную онкологическую операцию, ей удалили одну грудь. К счастью, все закончилось благополучно. А в 1989 году воз-

никли проблемы с почками. Здоровье ее ухудшалось стремительно, и 15 апреля 1990 года Греты Гарбо не стало. Все свое состояние, более тридцати миллионов долларов, она завещала племяннице. Гарбо осталась верна себе до конца — ее личный гардероб был оценен всего в восемь тысяч долларов...

Как-то, уже незадолго до смерти, Грета смотрела по телевизору какое-то шоу. Неожиданно передачу прервал анонс нового фильма, и диктор, захлебываясь от восторга, назвал молодую звезду, игравшую в нем, «новой Гарбо». Грета нахмурилась и голосом, чуть более хрипловатым, чем обычно, произнесла: «На свете есть только одна Гарбо». Что ж, разве она была не права? □

ИСКУССТВО

записки художника

Виктор Сергеевич Омельченко родом с Украины. Приехав в Москву, он поступил в художественное училище «Памяти 1905 года», которое окончил с отличием в 1969 году и почти сразу стал работать художником-постановщиком на Центральном телевидении, в творческом объединении «Экран». Там и «заболел» сначала мультипликацией, а затем, по рекомендации Марлена Хуциева, поступил на режиссерский факультет ВГИКа, продолжая работать на телевидении. Потом были многочисленные поездки со съемками по стране, участие в передаче «Очевидное — невероятное», за которое он был удостоен звания лауреата премии Ленинского комсомола. И все это время Виктор Сергеевич не переставал рисовать. О своем увлечении живописью он говорит просто: «С детства любил рисовать. Был непоседливым пацаном, а потом, как озарение, — страсть к рисованию. И остановиться не смог ...»

Сегодня Виктор Омельченко — уже состоявшийся кинорежиссер и художник, член Союза художников, Союза кинематографистов и Союза журналистов. Но останавливаться на достигнутом он не собира-

«Почти каждому человеку, очевидно, знакомо ощущение неизбежного счастья. Оно как будто ждет за порогом. Стоит только распахнуть дверь, чтобы счастье ворвалось вместе с ве-

тром и шумом листвы, в вашу комнату»... Эти слова одного из любимых писателей, Константина Паустовского, так точно соответствовали моему тогдашнему состоянию...

ВЕЧНО!

После дождя

ется. Впереди — множество творческих планов, остается только пожелать ему удачи в их реализации.

На этот раз мы решили немного отойти от традиционного представления. Ведь Виктор Сергеевич — человек, умеющий мыслить, анализировать, философски воспринимать окружающий его мир, поэтому его записи о живописи, о красоте, о людях, прошедших рядом с ним по жизни, наиболее полно и ёмко раскрывают талант этой яркой творческой личности

...Я был молодой, целеустремленный, с душой, захваченной безбрежным океаном искусства.

Проживая годы жизни, все больше понимаешь, что главенствуют в

сознании только чувства, мысли и впечатления, оставшиеся в душе, а вовсе не хронологии событий. Все даты быстротечны и исчезают со скоростью песка на азийском ветру.

Вологодчина

Дворик

*Осенние
листья*

Сохраняются только «занозы» сердца. И чем они жгучей и глубинней, тем дольше память удерживает их, тем они и интересны...

... Вечер. За окошком веранды — неслышный листопад... Летят, льются непрерывным красочным дождем осенние листья. А за листопадом, за деревьями наполовину облетевшего сада — оранжево-огненный закат. Затаив дыхание, я слежу за падающими листочками, сравниваю их по

цветам и формам, «сортирую» и никак не могу увидеть похожих. Они все разные — красней, круглее, зеленей, желтей... Уткнулись в оконное стекло веранды, будто заглядывая ко мне, большие красные яблоки. И весь стол, что стоит перед моей кроватью, тоже завален яблоками.

Я лежу и вдыхаю медово-пахучие запахи яблок, свежего теса сосны от досок пола и запах свежей, еще не просохшей масляной краски, ко-

торой только вчера покрасили двери и рамы окон. Я засыпаю в родительском доме, еще новом, недостроенном... Ощущаю прикоснове-

ние к голове большой и теплой ладони отца, поцелуи мамы и погружаюсь, погружаюсь в мягкую сладость сна. Пожалуй, никогда более

Слева:
Украина

Слева
внизу:
Донбасс

*Синий
март*

не переживал я такого покоя и счастья, как в ту далекую осень...

Думаю, именно этот переизбыток впечатлений, который переполнял мою детскую душу, и подтолкнул меня взять в руки карандаш. Я стал срисовывать картинки из книжек и вдруг впервые пережил необъяснимое волнение от красок, и вообще, от окружающей меня красоты. Это волнение и пошло со мною по жизни... А самый первый мой рисунок, который запомнился навсегда, — это синичка. Она висела вниз голо-

вой (мне казалось это оригинальным) и клевала маленькое желтое яблоко, чудом уцелевшее на ветке. Потом очень захотелось нарисовать любимого и лохматого пса по кличке «Валет» — не вышло. Огорчился, даже заплакал и порвал в клочья листок бумаги. И теперь остро ощущаю то первое свое разочарование и злость от собственной беспомощности. Это была моя первая схватка с «сопротивлением материала»...

Во мне все больше разгоралось желание рисовать, превращаясь в

Лес

С легким паром!

Грач

Справа наверху:
Панतिकопей в Керчи
Восход луны

Справа внизу:
Утренний ледок

еще не осознаваемую страсть. Так я оказался в изокружке, вначале в школьном, а через месяц — в ДК железнодорожников.

В изостудии преподавал Максим Петрович Гордейчук. Преданный искусству человек, необыкновенная личность. И преподавал Максим Петрович необычно. Нас в то время

больше всего волновало одно — как красиво положить штрих. И мы прямо замирали возле работ Петьки Лещеока, который мог так здорово укладывать штрих к штриху. Но Максим Петрович, к нашему изумлению, не хвалил Петьку, а, наоборот, ругал. Все приговаривал: «Петя, за этими твоими штришочками нет ни

Осенний поцелуй

Справа наверху:
Киж

Справа внизу:
Дом Чайковского в Клину

формы, ни тональной разработки, понимаешь? Это просто штришки... Они здесь — ни до дома, ни до хаты. Мимо, Петя, ты понимаешь?»

Он приносил книги с биографиями художников и не рекомендовал, а обязывал их прочитывать. Мы, конечно, не понимали тогда, зачем это было нужно. А он просто пытался ввести нас в неведомый нам мир искусства, и одно из занятий обязательно посвящал обсуждению прочитанного.

Максим Петрович так увлекался, так много говорил, что иногда его

«заклинивало», и он вдруг начинал выкрикивать: «Искусство вечно! Искусство вечно! Искусство вечно!»

Мы тут же давали ему стакан воды, он выпивал и успокаивался, а потом очень смущался. Святой был человек, мой первый учитель!

После девятого класса я поступил в художественное училище. Это был уже серьезный шаг...

А темой моего диплома стал проект мемориального музея выдающегося русского композитора и музыканта Скрябина. Новатора, экспери-

ментатора, фанатически преданного Госпоже Музыке! «Поэма огня», «Поэма экстаза», «Прометей» — бог мой, что это было для юношеского сознания! Упоение, радость творчества — счастье!

Я совершенно «заездил» пластинки с записями музыки Скрябина — они полностью стали непригодными. Я бредил Скрябиным, его музыкой, его идеями о Мистериях... Это было воображаемое действие, где цветомузыка, танец, движение, пение, речетатив и хорал переплетались, смешивались в одно грандиозное НЕЧТО... Видение это захватывало до галлюцинаций...

Диплом имел успех и получил приз на всесоюзной выставке дип-

ломов среди художественных училищ СССР.

Но мне этого оказалось мало, и я поступил во ВГИК — на режиссерский факультет...

... Было начало лета, время последних зачетов весенней сессии во ВГИКе. Я заканчивал первый курс. Однажды вечером, выйдя из института, пошел к метро и вдруг у студии Горького, на автобусной остановке увидел Шукшина. Он стоял, закинув руки за спину. И стоял один — вокруг ни души.

Я прямо обомлел... Вспомнил, в сумке со мной — рукописи моих рассказов. Давно хотел показать свои опусы Василию Макаровичу, но не мог решиться. Точнее, не знал, как к нему подступиться... А здесь на меня словно нашло что-то похожее на безумие.

Я рванулся и, подбежав к Шукшину (от волнения забыл даже поздороваться), выпалил:

— Василь Макарович, вы не могли бы посмотреть мои рассказы? Я это... учусь во ВГИКе и вот... вроде пишу...

Шукшин посмотрел на меня (мне показалось, ничуть не удивленно) и улыбнулся:

— Что ж там у вас, учителей, что ли, не хватает?

— Но вы же... Вы же — лучший писатель нашего времени, — смущенно проговорил я.

Шукшин как-то тягостно вздохнул и тихо сказал:

— Ну-у... Вот со временем у меня прямо беда. Нет времени сейчас. У нас тут, — он махнул рукой на зда-

ние студии Горького, — запарка беспросветная... Так что, может, по осени найдется времечко, и тогда посмотрим... рассказы. Раз уж пишутся они... Почему ж, посмотрим. Да-а... можно, конечно... — И неожиданно спросил: — А сколько вам лет?

— Двадцать четыре! — выпалил я.

— Что ж, счетчик уже включен, — усмехнулся он и добавил: — Нужно работать... — Пожал мне руку и исчез в дверях подошедшего автобуса.

Показать Василию Макаровичу рассказы так и не довелось. Дело в том, что буквально через несколько дней кто-то из ребят в институте дал мне журнал с киноповестью Тимура Зульфикарова «Человек уходит за птицами»... И все — я бросил писать! Это был настоящий шок. Три дня я ходил в легком помешательстве, а потом твердо решил больше не писать...

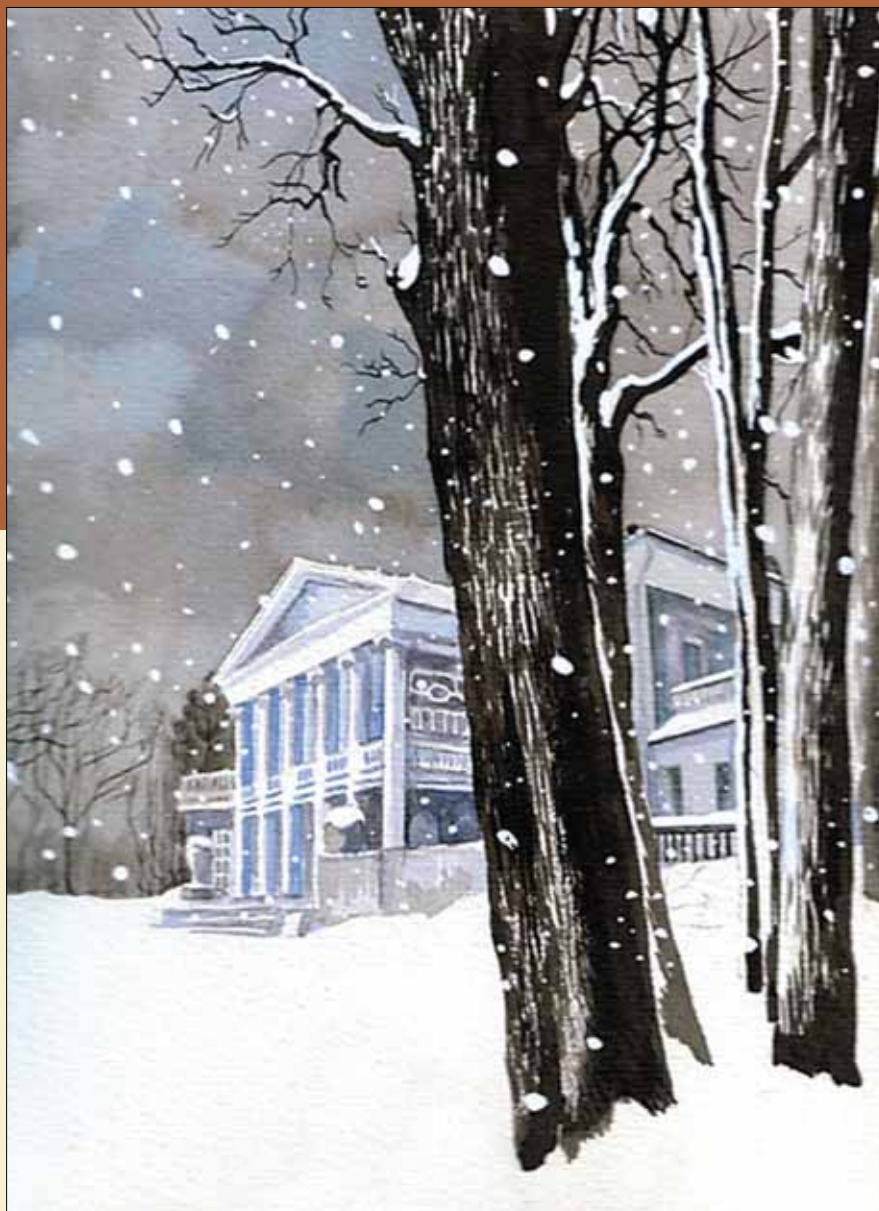
Мое поколение — дети переживших одну из самых страшных войн в истории человечества. «Герника» — так я назвал свой дипломный фильм во ВГИКе. Это киноэссе я посвятил моему отцу. Картина — о фашизме. «Кинопрочтение» знаменитого шедевра Пабло Пикассо.

Драматургическим стержнем моей работы стал вопрос, который на протяжении всего фильма задавал немецкий офицер художнику: «Пикассо — это вы сделали Гернику?» Ответ Пикассо: «Нет — это сделали вы!»

Меня все время мучил вопрос: зачем столько испытаний отпускается одному человеку, как моему

*Золотые
шары и кошка*

Справа:
Снег

отцу? Голодное нищее детство, безотцовщина, война с басмачами в Средней Азии, а потом вторая — Великая Отечественная, Сталинград, плен. Дахау, Бухенвальд... Ему «подфартило» попасть под эксперименты фашистов в Дахау — ему что-то кололи. И после всего этого — возвращение домой, почти через всю разгромленную войной Европу, а дома... опять тюрьма, только теперь наша, родная, советская! Она оказа-

лась жестче и страшней, чем немецкие застенки. Умирал мой отец в страшных муках... Но я был поражен тем, что, умирая, он совсем не выказывал ни озлобленности, ни даже укора своим мучителям.

Это был его родительский завет, к которому, к сожалению, я поднаться пока так и не смог...

В ту осень далекого теперь 1978 года дни были солнечными и сухи-

ми... Огнем желтых стронциев и кадмиев, оранжевых и карминных красок, будоражащих и спящих, разлитых, разбросанных по деревьям, кустарникам, лесам и полям, — все вокруг было охвачено этим безумным разноцветьем. Я приехал в Дом творчества писателей в Переделкино, к писателю Леониду Израилевичу Лиходееву. Мы должны были с ним писать сценарий мультипликационного фильма по его книге «Звезда с неба».

Я привез с собой и этюдник с красками. В перерывах нашей работы бегал по окрестностям и писал этюды. Очень трудно было усидеть за столом в те пронзительно чистые, солнечные, с блестками паутинок,

парящих в теплом еще совсем по летнему воздухе. Леонид Израилевич с сочувствием относился к моему живописному азарту... Он и сам рисовал. Я видел целую галерею его шаржей на коллег-писателей. Выразительных, острых, талантливых. Он и собственные книги иногда сам иллюстрировал, так что, изобразительное искусство было для него делом, которое он по-настоящему любил. Он глубоко понимал искусство, блестяще знал историю, так что, мы часто вдруг «отрывались» от наших героев — Герона и Аристарха Самосского, и буквально заговаривались об импрессионистах, о знаменитом мексиканском монументалисте Давиде Сикейросе, о сюрреалис-

Слева:
Кижы, Валерий Леонтьев

Справа наверху:
Букет на окне

Справа:
Фантазия

те Дали, о фаумском портрете и об иконописи...

Однажды Лиходеев взглянул на очередной этюд и, усмехнувшись, сказал:

— Да-а, Викт-о-о-р... в тебе все же больше художника, чем режиссера. Впрочем, «художество» — дело вечное, проверенное тысячелетиями, а кино, телевидение больше напоминают газеты — посмотрел, прочел, а завтра — уже другой номер. Пшик, и все! Не зря, видно, киношники придумали свой тост — выпьем за наше безнадежное дело! Есть и еще тягостный мотив в этом деле... Кино, телевидение... здесь всегда замешаны две самые мерзкие слабости человека — слава и деньги! Так что,

хлопец мой, пиши красочками, пиши... И не только для себя — главное для вечности! — Он с какой-то легкой горечью рассмеялся и добавил несколько слов, которые оказались пословицей: — «Счастье — вольная пташка: где захочет, там и сядет».

Ну, разве я мог тогда, еще с горячими подошвами ботинок от вгиковского порога, согласиться с ним? Да Боже упаси! Я промолчал, но подумал: «Старик погибает, и здорово»... Но вот прошли годы, и теперь я понимаю, как прав был Леонид Израилевич. Мудрый человек и серьезный писатель. Благодарю судьбу, что подарила встречу с ним. И теперь еще слышу его ироничный добрый смех.

Он тоже сказал мне, почти как Шукшин, что «счетчик мой» уже включен, и я ответственен за то, что творю.

А Переделкино в ту счастливую осень походило на «литературную Мекку».

По аллеям прохаживались одни знаменитые писатели, живые классики — Константин Ваншенкин, Иосиф Прут, Ермолинский и другие «живые классики»...

Лиходеев охотно знакомил меня с ними, приговаривая: «Это тоже нужно, хлопец».

С легкой его руки я несколько вечеров общался с Арсением Александровичем Тарковским... Это было для меня... легким помешательством. Никогда не забуду его сосредоточенно-строгое восковое лицо и глуховатый, очень спокойный голос.

В последний месяц осени,

На склоне

Горчайшей жизни.

Исполненный печали.

Я вошел

*В безлиственный и безымянный
лес...*

Это стихотворение датировано 1978 годом. И мне так хочется верить, что написано оно именно в те дни той далекой и счастливой для меня осени...

Сейчас время фантастически привлекательно для ищущих. Стремительно развиваются различные направления в визуальных искусствах — фотография, видео, кине-

матограф, телевидение и различные виды компьютерной графики. Это, безусловно, очень влияет на восприятие и чувства людей. И не только информативно — но и эстетически. Этого просто невозможно не замечать. Искусство в буквальном смысле — «врывается в жизнь!» И этот взрыв очень ёмкой визуальной информации уже не может не оказывать воздействия и на живопись. Точнее — на ее формы, средства выражения и даже тематику. Изобразительное искусство вновь ищет, вновь меняется в поиске более ёмких, эмоциональных форм выражения. Есть и пребудет классика великих эпох искусства и времен великих мастеров — произведения хрестоматийно-известные всему человечеству, но все равно появляется и будет еще стремительней появляться новое. Неведомые жанры и формы...

Запад — это Технология,

Восток — это Мудрость.

Думается, заложенное в этой фразе противопоставление уже теряет свой смысл, оно, в итоге, все равно станет, да просто должно стать полнокровным единством.

Течение Реки Жизни, движение искусства, его эволюция только тогда и будут оправданы, если сумеют стать единым достижением человечества. Его гения и устремлений. И будут, будут «цвести» новые таланты. Будут подвиги в искусстве, в меру отпущенных творческой дерзости, ума и таланта! □

Карина Риц

ПРОПАЖА

Я в лесу вчера гуляла,
Я стихи везде искала:
На деревьях, на траве
И в туманном серебре.

У пруда искала тоже.
Ветер их унес, быть может?

Иль небесное светило
От меня стихи укрыло?
Показалась хоть бы строчка!

Только мох на скользких кочках,
Только хворост на дорожке
Мне лесной поранил ножки...

ТВОЙ ДОЖДЬ

В твоём городе дождь.
Разливаются лужи.
В них попадая неуклюже,
Ты без зонта одна идешь.

И мостовые опустели...
Все разбежались кто куда.
От света окна заблестели.
А ты идешь совсем одна.

Намокли волосы и платье,
Тушь на ресницах поплыла...
Дождь заключил тебя в объятия.
Ты — с ним! Ты больше не одна.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Погасить в ладони спичку
И уйти, храня молчанье.
Превратить любовь в привычку?..
Лучше — в путь! Да без прощанья,
Без неловких комплиментов,
Без постылого «прости».
Проку нет от сантиментов.
Стонет ветер на пути!
И куда-то манит, манит,
Рвет нарядные одежды...
А взамен на счастье дарит
Только капельку надежды.
Не вернуться! Продержаться!
По-за-ди сердечный плен!
Нужно вовремя расстаться.
Дует ветер перемен! □

Первооткрыватель АНТАРКТИДЫ

А Русские имена не так уж часто можно встретить в летописи географических открытий. Почему — загадка. То ли «российские Колумбы» вместо того, чтобы немедленно издавать книги о своих путешествиях, наивно ограничивались рапортами начальству, которые потом десятилетиями пылились в архивах. То ли в России «странствия по свету» были не так популярны, как в других странах, или еще по какой-то причине. Но, так или иначе, о первооткрывателях многих земель и даже материков мы узнаем с огром-

ным опозданием и с еще более огромным изумлением узнаем о том, что они — русские.

Так произошло и с Михаилом Петровичем Лазаревым, о котором одним было известно как об участнике битвы при Наварине, другим — как о военном губернаторе Севастополя, и лишь очень немногим — как об участнике трех кругосветных походов, во время одного из которых была открыта... всего-навсего, Антарктида.

Попробуем восстановить историческую справедливость

Михаил Лазарев родился в 1778 году в дворянской семье сенатора Петра Гавриловича Лазарева, правителя Владимирского наместничества. Незадолго до смерти, в 1800 году, сенатор определил троих своих сыновей — Андрея, Михаила и Алексея, — в Морской кадетский корпус.

Какими соображениями руководствовался почтенный сенатор, определяя будущее своих сыновей, неизвестно, но в выборе профессии для двух из них он не ошибся: Андрей стал вице-адмиралом, исследователем Арктики, Алексей — контр-адмиралом, еще в лейтенантском звании совершив кругосветное плавание. А судьба среднего брата Михаила вообще достойна отдельного описания.

В 1803 году в числе 30 лучших гардемарин он был командирован для дальнейшего обучения на английский флот, где находился до 1808 года. По возвращении из Англии окончил Морской кадетский корпус и до 1813 служил на Балтийском флоте, где его аттестовали так:

«Поведения весьма благородного, в должности знающ и отправляет оную с неутомимым рачением и расторопностью».

Михаил Лазарев был участником Русско-шведской войны 1808–1809 гг. и, разумеется, Отечественной войны 1812 года.

В 1813 г. лейтенант Лазарев получил новое назначение — командовать шлюпом «Суворов», отправляющимся в кругосветное плавание.

Маршруты кораблей Михаила Лазарева

Корабль «Суворов», на который получил назначение Лазарев, принадлежал Российско-Американской компании, созданной русскими промышленниками в конце XVIII-го столетия. Своей задачей компания поставила улучшение использования природных богатств Русской Америки, тогда еще не проданной американцам.

Компания была чрезвычайно заинтересована в регулярном морском сообщении между Санкт-Петербургом и Русской Америкой, предвидела колоссальные доходы, которые можно было впоследствии получать с этих еще полудиких земель, и не жалела средств на снаряжение кругосветных экспедиций в поисках земель новых, дабы присоединить их к владениям российской короны.

В начале октября 1813 года подготовка к путешествию была завершена, и на рассвете 9 октября «Суворов» без особой помпы отошел от кронштадтского рейда, взяв курс на север.

В начале пути шлюп встретили сильные ветры и густые туманы, от которых «Суворову» пришлось укрыться в шведской гавани Карлскруна. Когда погода улучшилась, Лазарев, пройдя проливы Зунд, Каттегат и Скагеррак (между Данией и Скандинавским полуостровом), благополучно избежав при этом нападения французских и союзных им датских военных кораблей, добрался до пролива Ла-Манш, а затем пересек его и достиг английского города Портсмута.

В этом портовом городе корабль сделал остановку, затянувшуюся по разным причинам на целых три месяца. Только в феврале 1814 года «Суворов» отошел от Портсмутского рейда и поплыл к югу. Спустя две недели на горизонте показался остров Мадейра, бывший в те времена португальской колонией у берегов Африки. После короткой стоянки на этом «райском острове» «Суворов» продолжил путь на юг.

Как было отмечено в судовом журнале, 2 апреля корабль пересек

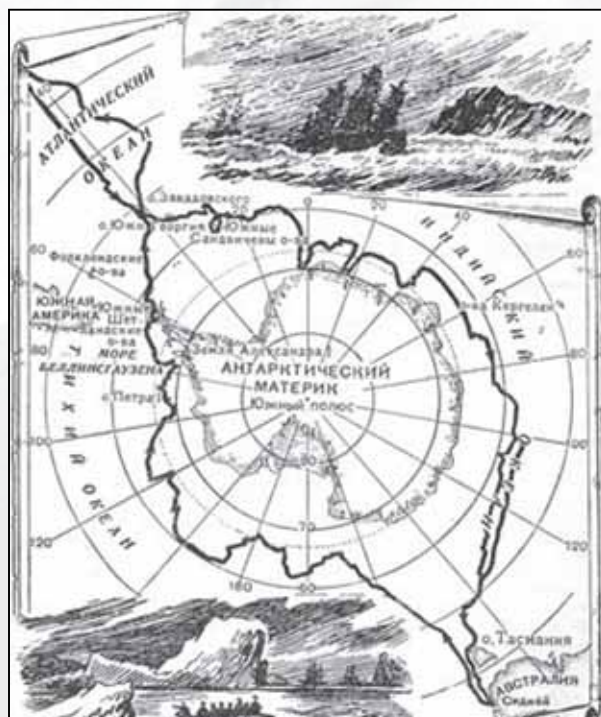
экватор и спустя три недели вошел в живописную бухту Рио-де-Жанейро, где пробыл почти месяц. А в мае «Суворов» вышел в Атлантический океан и взял курс на восток. 14 августа он был уже в Порт-Джеконе, принадлежавшем англичанам. При подходе к гавани его встретили громом артиллерийского салюта, которым приветствовал русских моряков губернатор по случаю окончательной победы над Наполеоном.

Покинув берега Австралии, «Суворов» плыл по Тихому океану, вновь приближаясь к экватору. 28 сентября впереди показались очертания суши, не отмеченной на имевшейся у Лазарева карте. При подходе на более близкое расстояние и обследовании этих мест он понял, что перед ним — группа коралловых островов, возвышающихся над поверхностью океана и соединяющихся между собой коралловыми перемычками. Вновь открытым островам Лазарев дал имя Суворова.

Закончив их обследование, корабль вновь продолжил путь на север и 10 октября пересек экватор.

В ноябре корабль Лазарева подошел к центру Русской Америки — порту и поселению Ново-Архангельску (с 1867 года — город Ситка на Аляске). Здесь Лазарева встретил управитель Российско-Американской компании, выразивший ему благодарность за сохранность вверенных ему грузов.

На зиму «Суворов» остался в Ново-Архангельске. После окончания зимовки «Суворов» был нагружен продовольствием и товарами и взял курс

на один из островов Алеутской группы (Уналашка) и находящиеся рядом с ним Прибыловы острова. Выгрузив вверенный ему груз, принял на борт пушнину, заготовленную местными промышленниками, которую предстояло доставить в Кронштадт.

В конце июля «Суворов» покинул Ново-Архангельск. Теперь его путь в Кронштадт лежал вдоль берегов Северной и Южной Америки, в обход мыса Горн. Лазареву еще предстояло сделать остановку в перуанском порту Кальяо для разрешения ряда вопросов, связанных с делами Российско-Американской компании.

После захода в порт Сан-Франциско «Суворов» двинулся к берегам Перу. Стоянка в порту Кальяо затянулась на три месяца, и через пролив Дрейка мимо опасного мыса Горн пришлось проходить в неблагоприятную штормовую погоду, которая причинила судну серьезные повреждения. Пришлось сделать вы-

нужденную остановку у острова Фернанлу-ди-Норнья и приводить корабль в порядок.

Затем «Суворов» взял курс к берегам Англии. 8 июня он уже был в Портсмуте, а еще через пять недель вернулся в Кронштадт. Путешествие продолжалось почти три года.

Три года спустя, в марте 1819-го, Лазарев получил назначение командовать шлюпом «Мирный», которому предстояло отплыть к Южному полюсу в составе антарктической экспедиции. Уже имея опыт кругосветного путешествия, он принял на себя непосредственное руководство всеми подготовительными работами.

Тем не менее, руководство экспедицией, как и командование вторым шлюпом «Восток», было поручено капитану второго ранга Ф.Ф. Беллинсгаузену. Через месяц после его прибытия в Кронштадт «Восток» и «Мирный» двинулись к Южному полюсу.

«Мирный», построенный по проекту русских инженеров и, к тому же, достаточно укрепленный Лазаревым, показал свои блестящие качества. Однако «Восток», построенный британскими инженерами, несмотря на все старания Лазарева сделать его таким же выносливым, как и «Мирный», все же качественно уступал второму шлюпу. Это и явилось одной из причин того, что пришлось прекратить исследование Южного полюса и начать подготовку к возвращению в Кронштадт. Но Антарктида и ряд островов в Тихом океане были все-таки открыты.

За участие в Антарктической экспедиции Лазарева произвели в капитаны второго ранга, минуя чин капитан-лейтенанта.

Третье кругосветное путешествие было отчасти вынужденным. В то время как Лазарев находился в полярной экспедиции, обострилась

обстановка в районе Русской Америки. Все более широкий размах принимали действия английских и американских контрабандистов, да и американские поселенцы косо поглядывали на русских, захвативших самые лакомые территории.

Ново-Архангельск прикрывал корабль «Аполлон» — единственное военное судно Российско-Американской компании, но безопасность всех территориальных вод России в этом районе он обеспечить не мог. Поэтому было решено направить к берегам Русской Америки 36-пушечный фрегат «Крейсер» и шлюп «Ладога». Командование фрегатом возлагалось на Лазарева, а командование «Ладогой» — на его младшего брата Андрея.

17 августа 1822 года корабли под командованием Лазарева покинули кронштадтский рейд. Экспедиция началась в условиях жестоких штормов, вынудивших Лазарева сделать остановку в Портсмуте. Лишь в ноябре удалось покинуть гавань и взять курс на Канарские острова, а оттуда — к берегам Бразилии. Плавание к Рио-де-Жанейро проходило в исключительно благоприятных условиях, однако после отплытия из столицы Бразилии стихия вновь разбушевалась. В море поднялся ураган, начались бури, сопровождаемые снегом. Лишь в середине мая «Крейсеру» удалось подойти к Тасмании. Затем фрегат Лазарева взял курс на Таити.

Там «Крейсер» встретился с «Ладогой», с которой он разошелся во время штормов, и теперь, согласно полученному ранее предписанию,

каждый корабль с вверенным ему грузом поплыл своим курсом. «Ладога» — к полуострову Камчатка, а «Крейсер» пошел к берегам Русской Америки.

Около года провел корабль у берегов северо-западной Америки, охраняя русские территориальные воды от контрабандистов. Летом 1824 года его сменил прибывший в Ново-Архангельск шлюп «Предприятие», а «Крейсер» пошел к Кронштадту.

За образцовое выполнение задания Лазарев был произведен в капитаны первого ранга. Но он настоял, чтобы награды получил не только офицерский состав, но и все матросы его корабля, участники труднейшего похода. Такое на русском флоте произошло впервые.

В 1826 году мирная жизнь (если таковою можно считать жизнь вечного путешественника и первооткрывателя) закончилась. Михаил Лазарев был назначен командиром 12-го флотского экипажа и строящегося в Архангельске 74-пушечного корабля «Азов», на котором через год совершил переход в Средиземное море, где 8 октября 1827 года принял участие в знаменитом Наваринском сражении. Сражаясь в одиночку с пятью турецкими кораблями, «Азов» уничтожил их: он потопил два больших фрегата и один корвет, сжег флагманский корабль, вынудил выброситься на мель 80-пушечный линейный корабль, после чего зажег и взорвал его.

За участие в Наваринском сражении Лазарев был произведен в контр-адмиралы и награжден сразу

тремя орденами (греческий — «Командорский крест Спасителя», английский — Бани и французский — Святого Людовика, а его корабль «Азов» получил Георгиевский флаг).

Контр-адмирал Лазарев руководил блокадой Дарданелл в 1828–1829 годах, а через три года стал начальником штаба Черноморского флота. Командуя эскадрой, он возглавил экспедицию русского флота в пролив Босфор, в результате которой был заключен Ункяр-Искелийский мирный договор, а по ее завершении был произведен в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом и командиром портов Севастополя и Николаева.

В 1843 году Михаил Лазарев получил звание адмирала.

Командуя Черноморским флотом, Лазарев стал его подлинным преобразователем. Он ввел совершенно новую систему обучения моряков непосредственно в море в обстановке, максимально приближенной к боевой.

Штаты боевых кораблей Черноморского флота были полностью укомплектованы и оснащены артиллерией более высокого качества. При Лазареве Черноморский флот

получил более 40 парусных судов, он также заказал для своего флота 6 фрегатов и 28 пароходов. На Черном море был построен первый железный пароход и начата подготовка кадров для службы на паровых судах.

Однако Лазарев не ограничивался лишь техническим перевооружением Черноморского флота. В Севастополе была реорганизована Морская библиотека, построен Дом собраний, открыта школа для матросских детей, построены здания адмиралтейств в Николаеве, Одессе, Новороссийске, начато строительство адмиралтейства в Севастополе.

Используя свой опыт, накопленный в дальних походах, Лазарев наладил работу гидрографического депо, которое начало издавать карты и атласы Черного моря. Заслуги Лазарева перед русской наукой по достоинству оценило Русское Географическое общество, избрав его своим почетным членом. Он был также избран почетным членом Морского ученого комитета, Казанского университета и других научных учреждений.

Особая заслуга Лазарева состоит в подготовке людей, прославивших русский флот и Россию в годы

Крымской войны 1853–1856 годов. Именно он воспитал и выучил таких знаменитых русских флотоводцев, как Нахимов, Корнилов, Истомин и Бутаков.

В начале пятидесятых годов адмирал тяжело заболел редкой в те годы болезнью — раком. Большие надежды возлагались на Европу, но поездки туда для лечения не принесли желаемого эффекта. Сам он постельного режима категорически не признавал и больным себя считать отказывался — «просто срок приспел».

Незадолго до своей кончины, в последний свой приезд в Петербург, Лазарев был на приеме у императора Николая Первого. Желая показать ему свое внимание и уважение, государь сказал:

— Старик, останься у меня обедать.

— Не могу, государь, — ответил Михаил Петрович, — я дал слово обедать у адмирала Г.

Сказав это, Лазарев вынул свой хронометр, взглянул на него и, порывисто встав, промолвил:

— Опоздал, государь!

Потом поцеловал озадаченного императора и быстро вышел из кабинета...

Во время последней поездки за границу на лечение, в Вену, болезнь резко обострилась. Не оставалось никакой надежды спасти ему жизнь. Окружающие адмирала упрашивали его написать письмо государю и поручить ему свое семейство.

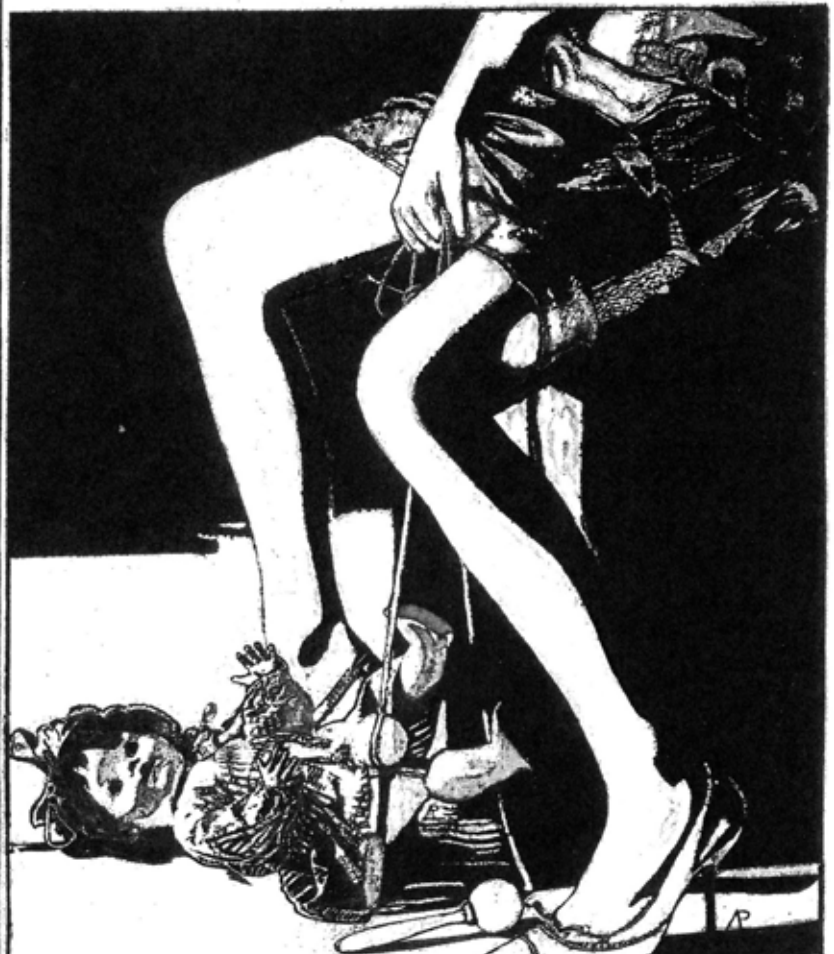
«Я никогда ничего в жизнь мою ни у кого для себя не просил, — отве-

тил умирающий Лазарев, — и теперь не стану просить перед смертью».

Тело адмирала было перевезено в Россию и похоронено в склепе Владимирского собора в Севастополе. Там же впоследствии обрели вечный покой его ученики и последователи — адмиралы Нахимов, Корнилов и Истомин.

Легенды и слава русского флота... □

всё ради тебя —

«ВИКА»

Ольга Торощина

Ирина Александровна проснулась рано. Она всегда вставала рано. Тридцать минут в тренажерном зале, на первом этаже, затем — контрастный душ, легкий завтрак. Тщательно и придирчиво разглядывая себя в зеркало, накладывала макияж, причесывалась, выбирала наряд. После, примерно с семи до десяти утра, работала в кабинете, просматривала документы, счета, оперативные сводки со строительных площадок. И так всегда, изо дня в день, месяц за месяцем, год за годом.

Но сегодня был особенный день, день рождения дочерей. Ей хотелось, чтобы девочки запомнили его надолго. 21 год — это так мало, и, вместе с тем, огромный, самый прекрасный период детства и юности уже позади, а хитросплетения взрослой жизни только начинаются.

Ирина Александровна подумала, что у нее все было совсем по-другому, повзрослеть ей пришлось гораздо раньше. Тогда крупнейшая в городе строительная корпорация «ВИКА», что означало «Виктория-победа», находилась в помещении бойлерной пятиэтажной «хрущевки». С потолка капало, стены были щедро покрыты плесенью, часто заходили «в гости» хорошо организованные крысиные стаи. Ирине было чуть больше двадцати, а дочки мечтали получить на день рождения шоколадку, хотя бы одну на двоих.

Это было давно, вспоминать об этом совсем не хотелось. Сейчас надо проконтролировать, хорошо ли оформлен заказанный ресторан «Савой», сколько запросили за выступление эстрадные звезды, рассылку приглашений для VIP-персон и их дражайших половин. Дел было много, а Ирина всегда все проверяла сама.

В десять за ней заехала машина с охраной, особой необходимости в этом не было, но статус обязывал. В столовой завтракали и весело щебетали проснувшиеся дочери.

— Мамочка! Спасибо, спасибо! Как ты угадала, я именно о такой и мечтала! — кинулась ей на шею пухленькая Оленька.

Красавица Наташа повисла с другой стороны:

— Мама Ира, это фантастика! Спасибо!

Подарочные сертификаты были обнаружены утром, на прикроватных тумбах. Машины, по цене одинаковые, но в строгом соответствии разницы вкусов.

Оля получила в подарок розовый пежо, Наташа — серебристый BMW седьмой серии. Ирина целовала такие родные и любимые мордочки, с еще заметными следами от подушек, и смеялась:

— Учитывая сложившуюся ситуацию, официально предлагаю день безделья, прогулы приветствуются!

— Нет, нет, мне все равно на работу нужно, баланс последнего проекта перепроверить! — затрясла головой Оленька. Учась на последнем курсе финансовой академии, свою трудовую деятельность в компании «ВИКА» она начала в должности бухгалтера.

— Мне тоже в ателье надо, из Италии новые ткани пришли! — поддержала сестру Наташа.

В головном офисе корпорации царило радостное возбуждение. Подчиненные Ирину Александровну уважали, по-своему даже любили. Строгая, иногда излишне требовательная и въедливая шефиня была справедлива, как богиня Фемида. Свою неправоту всегда признавала. Любой молодой специалист мог смело рассчитывать на то, что его гениальные творческие идеи будут внимательно выслушаны, и при благоприятном принятии решения слава и деньги обеспечены. Поддержание высокого уровня «человеческого фактора» в компании вызывало поистине благоговейное восхищение. Архитекторы, конструкторы, секретари и уборщицы по праздникам и дням рождения получали премии и поздравительные открытки за личной подписью президента: Ирины Александровны Денисовой.

— Ирина Александровна, поздравляю вас! — вошла в утопающий в цветах кабинет секретарша Катя. — Главное, пусть дочери здоровы будут, а все остальное, внуки и правнуки, приложится! Вот телеграммы вместе с

букетами с утра все несут и несут! Как задумаете магазин цветочный открывать, скажите, документики я быстренько к обеду подготовлю!

Ирина рассмеялась. Катя работала с ней лет десять, крупная, на первый взгляд, простоватая женщина была умницей. Когда Ирина еще сама ездила по строительным объектам, проверяла, как ведутся оформительские работы, на одном из них к ней подошла молоденькая бригадир маляров и безапелляционно заявила:

— Воруют тут у вас! Ох, как воруют! И обои, и краску, так и по миру пойти недолго!

— Кто, знаешь?

— Вот если прорабом стану, знаю, как сделать, чтоб не воровали!

Ирине понравилась эта смелая, где-то даже нахальная девушка, и со временем она приблизила Катерину к себе, назначив ее референтом, помощником руководителя.

— Тут Иван Геннадьевич несколько раз приходил. Послать за ним?

— Давай, только быстро!

Ирина придвинула к себе папку с поздравлениями. Формальные, с претензией на сердечность, пожелания счастья, удачи, здоровья ей и дочкам. Когда ты богатый и успешный, многие тебя любят, всем ты нужен.

На столе были аккуратно расставлены фотографии в дорогих серебряных рамках. Один снимок совсем старый — две девушки и двое парней в грубых холщовых спецовках, измазанные красками и белилами, смеются, машут кому-то руками. Как это было давно! Но это было, было!

Они дружили с самого детства. В детдоме надо быть сильным, иначе не выживешь.

Вместе они были сила! Костик — самый высокий, Анечка — самая красивая, мозговой центр Вадик и вздорная, скандальная Ирка. Волчата, оказавшиеся без стаи, любили и верили только друг другу. Если кто-то болел, остальные от него не отходили. Наказания учителей и воспитателей делили поровну. Вместе веселились и дрались, защищая скудные радости казенного детства. Вопреки всему росли, мечтая о прекрасном будущем.

Родителей ни у кого не было. Костя и Аня, отказники, из дома малютки автоматически перешли в другое социальное заведение, занимающееся заботой о подрастающем поколении. Вадика, завернутого, как кочан капусты, в страницы учебника по сопромату, положили прямо на порог роддома. У Ирки, впрочем, родители были. Когда пришло время получать паспорт, директор, добрейший Александр Николаевич, положил перед ней папку с личным делом. Ирка бегло его просмотрела, там была какая-то ерунда. Понятно, что прав родителей лишили, а вот разбираться, кто кого убил, а кого посадили, ей совершенно не хотелось.

— Моя семья — ребята! Хочу быть, как они!

Тем, кто был совсем ничей, Александр Николаевич, по доброте душевной, дарил свое отчество и фамилию. Окончив школу, Денисовы — Костя, Аня, Вадик и Ирина — поступили в строительное ПТУ № 42. Отучившись, молодые специалисты получили койки в общежитии.

Костя и Аня сразу поженились, любовь у них была, можно сказать, с пеленок. Друзья от них старались не отставать, хотя, на первый взгляд, горячей африканской страсти друг к другу не испытывали.

— Ирка, нам пожениться надо, тогда комнату отдельную дадут.

— Так ты только поэтому?!

— Да ты мне всегда нравилась, дура! Только в глаз не бей!— прикрывал голову Вадик.

В рабочем общежитии нравы царили веселые, бессмертный пролетарский девиз: «Что не мое, то наше» — являлся нормой. На общественной кухне молодая жена Ирина, оглашая этажи истошными воплями и вооружившись сковородкой, отстаивала по праву принадлежащее им место под солнцем. Муж и друзья спешили на помощь.

Вместе они были — сила!

На строительной площадке девчонки бодро махали кистями, мальчишки укладывали кирпичи, и, вообще, были жизнью довольны.

Как-то в обеденный перерыв чернобровая Анечка, с аппетитом откусывая сдобную булку с маком, сказала:

— Я все время так есть хочу! Вот дай мне слона, зараз съем!

— Мне тоже слона хочется, только чтобы уши и хвост посолонее были!

Девчонки удивленно и подозрительно уставились друг на друга, а потом все поняли...

Хрестоматийные девять месяцев прошли почти незаметно, даже с работы не уходили.

Рожать поехали тоже вместе. Анечка на неделю все-таки опередила подругу, девочка Наташа получилась чудо как хороша. А Ирина дочка Оленька была точной копией папы.

Вадик нежно прижимал к груди крохотный сверток, разглядывал розовое, сморщенное личико.

— Говорят, если девочка на отца похожа, счастливой будет!— улыбалась довольная Ирина.

Бессонные ночи, почасовое кормление, тонны перестиранных пеленок и распашонок делили поровну. 1987 год встречали шумно и весело, годовалых дочек нарядили снежинками, на головки водрузили картонные короны из золотой фольги от конфет. В стране свирепствовала антиалкогольная горбачевская реформа, так что, вместо шампанского под

бой курантов чокнулись клюквенным морсом с чистым 96% медицинским спиртом.

Вадик поднялся из-за стола, двумя пальцами поправил дужку очков, став сразу похожим на важного профессора, и торжественно произнес:

— Друзья мои, этот год будет особенным! Нас ждут великие дела и свершения! Мы заработаем кучу денег, повезем девчонок на море и свалим из этого курятника! Я уже все продумал!

Ирина, не отрываясь, смотрела на мужа, он был самый умный, самый красивый, самый любимый. Идея Вадика была проста и гениальна. Дома сдавали в полуфабрикатном состоянии, ремонт следовало делать сразу, пока все не развалилось. Приходившим на осмотр помещения новоселам молодые энергичные ребята предлагали свои услуги за вполне умеренную плату. То есть работали как и прежде, но уже на свой карман. Краску, белила, селитру использовали казенные, бардак на стройке стоял жуткий, никому ни до чего не было дела. Радостные жильцы делились новостью с соседями, те наперегонки бежали вдогонку за чудо-малярами. Как-то их поймал прораб за явной кражей двух мешков цемента, но ситуацию спасли Анечкина красота и обаяние. Сорокалетнему холостяку было обещано приготовление сытного обеда, женское тепло и внимание.

— Увольняться надо, на фиг, пока не сели!— заявил Вадик.

— И куда пойдём?— пыхтел под грузом мешков здоровяк Костик.

— Частным образом работать будем!

Девочек пристроили в ясли, а молодые родители, обвесившись малярным арсеналом, ринулись в финансовые бои во имя светлого будущего. Работали они быстро и качественно, денег просили много. Уговорить клиента раскошелиться имелась масса вариантов, в зависимости от социального статуса и человеческого фенотипа. Чаровница Анечка обольстительно улыбалась и нежно ворковала. Толстенький вежливый очкарик Вадик серьезно и убедительно рассуждал на тему, что «жадный платит дважды». Грозный амбал Костик молча, но выразительно покачивал зажатой в кулак увесистой стамеской. А Ирина упирала руки в бока и орала, поминая всех матерей, что, если не заплатят как положено, посрывает все обои и унитаза разобьет. Как правило, исполнители и заказчики оставались довольны. Физический закон цепной реакции никто не отменял, работал он без сбоя. Отремонтированные граждане звонили родственникам, хвастались друзьям, те, в свою очередь, тоскливо осматривали свои хоромы, бугристый линолеум, отслоившиеся обои, потемневшие потолки и любезно зазывали мастеров в гости.

С количеством заказов в одиночку уже не справлялись. Пришлось набрать еще две бригады из безработных товарищей по ремеслу. Начина-

лись лихие 90-е, время виражей, взлетов и пилотажных падений. Закон о разрешении частного предпринимательства появился очень кстати.

— Мы должны фирму зарегистрировать!

Как обычно, решение принял Вадик. Кому директором быть, на кого документы оформлять, разыграли на спичках. Повезло Ирине. Долго название для фирмы придумывали. «Альфа-Центавра», «Кисти и краски» — ничего путного в голову не шло.

— А давайте первые буквы наших имен соединим, получится «Вика»! Мне это имя нравится, вторую дочку обязательно так назову! — предложила Анечка.

— Вика — это Виктория, а Виктория — победа! — рассуждал Вадик.

Они — победители, это и так ясно!

Девочки, тем временем, подрастали, белокурая пухленькая Оленька была зеркальным отражением отца, а черноглазая смородинка Наташа уже в свои четыре года обещала стать необычайной красавицей. Как-то пришли на один заказ, так, дело плевое, косметику в трех комнатах навести. Узнали, что квартиру на продажу готовят, хозяева за границу в Израиль на ПМЖ уезжают, просят совсем немного. Собрали все, что было, да и купили. Это счастье — просыпаться в своем доме, готовить на своей кухне, спать на своей постели!

Аню сразу на телефон посадили, заказы принимать, Вадик по клиентам бегал, фронт работ осматривал, об оплате договаривался. Костя с Ирой за работой трех своих бригад наблюдали. Ирка в каждую щель заглядывала, каждый стык на обоях изучала, все должно быть идеально, тогда и заказов больше будет, так Вадик объяснил. Муж вообще мыслил глобально, рекламу в газетах разместил, каким-то образом цокольный этаж во дворе дома прикупил — офис собирался там сделать. Пока руки до него не дошли, склад там организовал. Но тут появились какие-то парни — все, как один, бритоголовые, в черных кожанках. Расспрашивали соседей, что за семья переехала, чем занимаются. Дипломатические переговоры с Вадиком провели, обещали за 50 % от прибыли от конкурентов защищать и всячески в делах содействовать. Так как «клиент» попался несговорчивый, пытались побить, но не на тех напали.

«ВИКА», тем временем, росла и процветала. Уже семь бригад, по четыре человека каждая, ежедневно благоустраивали и освежали быт горожан. Перспективы впереди ожидались сумасшедшие. Иномарку купили, правда, «Газели» у них были, на них рабочие ездили, но новенький, блестящий красавец джип — это ведь совсем другое!

Одно только сильно беспокоило Ирину, дипломатические терки с серьезными парнями в кожаных куртках случались все чаще и чаще. На встре-

чи Костя и Вадик брали с собой бригаду каменщиков. Крепкие ребята, возмужавшие на ветру стройплощадок, помогали, как могли, боссов своих любили и уважали. Они были в доску свои, воевали и бились за право честно работать и достойно жить.

Вечером, обработав мужу синяки и ссадины после очередных переговоров по вопросам бизнеса, Ирина заметалась по комнате:

— Может, все-таки делиться? Боюсь я за вас!

Вадик поморгал подбитым глазом, принялся внимательно изучать разбитые очки.

— Нельзя! Запомни, один раз уступишь, пойдешь на попятную, на всю жизнь рабом у них станешь!

Костя вздохнул, осторожно подул на разбитые и опухшие кисти рук:

— Я своего никому не отдам! Только в следующий раз не справимся, надо еще ребят с цементного завода позвать. У меня там приятели есть, давно к нам просят. А может, оружие какое купить?

Ирина схватилась за голову, закричала, затопала ногами.

— Идиоты! Вас грохнут, заруют, закопают! Да отдайте вы им все, что они хотят!

— Хрен на блюде, вот что они получат!— нежным голосом ответила ей Анечка.

Утром, чтобы развеяться, решили поехать на шашлыки. Погрузились всем семейством в черного иностранного скакуна. Пятилетняя Оленька вдруг раскапризничалась, принялась хныкать и канючить:

— Мама, я писать хочу, мам, писать хочу.

Ирина подхватила ее на руки и вылезла из машины. Анечка, любуясь собой в боковое зеркало, попросила:

— Возьми и Наташу, пусть тоже на дорожку сходит.

Придерживая девочек за руки, Ирина на секунду остановилась, залюбовавшись, как ярко блестит на солнце их «экипаж», какой изумрудной шелестящей волной деревьев окутан двор. В окне машины, как в картинной рамке, улыбалась сказочно прекрасная Аня, Вадим, открыв дверцу, смеялся, махал им руками, звал к себе.

Костя повернул ключ зажигания...

Взрыв был такой силы, что Ирина сразу упала, пытаясь закрыть собой кричащих от ужаса девочек. Сверху ее накрыло тяжелой железной дверью подъезда...

В больнице она пролежала больше месяца, похороны, поминки, милицееское расследование — все прошло мимо. Александр Николаевич пришел ее навестить, привел девочек. Оленька кинулась к ней на шею, обняла, заплакала. Ирина, морщась от головной боли, гладила дочку по свет-

лым мягким волосикам, а Александр Николаевич тяжело вздыхал, большим клетчатый платком незаметно пытался промокнуть глаза.

— Ох, Иринушка, как же все это так! Как оно все... девочку к нам оформлять будем?

Грустная Наташа нерешительно приблизилась к узкой больничной койке:

— Тетя Ира, теперь ты моей мамой будешь?

Голова у Ирины закружилась, в виски дробно застучали железные молоточки, во рту пересохло. Она протянула руку и прижала к себе темноволосяную голову девочки.

Так у нее появилась вторая дочка. Была еще осиротевшая «ВИКА», которая тоже в ней нуждалась, и постоянные головные боли как остаточное явление после черепно-мозговой травмы.

Расплакалась она только один раз, когда вернулась в опустевшую квартиру. Уложив девочек спать, сидела на кухне, давилась беззвучными слезами и спиртом, который держали в доме для обработки ран мужьям после «переговоров». Вообще-то, алкоголь Ирина не переносила, пьяниц презирала, но тут был особый случай. Телефон дребезжал не переставая, все как с ума сошли, непременно желали сделать ремонт в компании «ВИКА». Звонили строители, спрашивали, когда на работу выходить, волновались, как бы такое замечательное место не потерять. Как будто ничего и не произошло! Подумаешь, джип взорвали, сейчас, весной 92-го, такое каждый день случается. Получалось, что «ВИКА», рожденная в любви, выращенная в нежнейшей заботе, жила своей, отдельной жизнью и настойчиво требовала внимания! Надо было начинать все заново, и чем скорее, тем лучше! Ирина осталась одна, но ей было ради чего жить!

Набегавшись за день, как мустанг, совершив все 177 подвигов Геракла, засыпая, она бормотала про себя слова одной ей ведомой молитвы:

«Аня, Анечка, я стану такой же красивой, как ты. Смелой и сильной, как Костя. Вадик, дорогой, я буду умной, мудрой! Ты сможешь мною гордиться! У наших дочек будет все самое лучшее! Никому не позволю их обидеть! То, что принадлежит нам, не отдам никогда! Я проживу эту жизнь за вас, так, как мы мечтали!

Все ради тебя «ВИКА»! Вика-Виктория-Победа!»

В дверь настойчиво постучали, и в кабинет уверенной походкой вошел Иван Геннадьевич, коммерческий директор корпорации «ВИКА». Ирине он нравился, светлоглазый, коренастый, надежный, чем-то ей мужа напоминал.

— Понимаю, Ирина Александровна, вы спешите, но все поздравления вечером! А сейчас я по делу, помните, вы говорили, на новый проект глав-

ный архитектор нужен. У меня друг из-за границы вернулся, очень талантливый парень.

— Отлично, приводи его сегодня вечером, посмотрим.

Ирина поднялась, взяла портфель с бумагами. Иван все не уходил, вдруг заволновался, при этом он всегда начинал немного заикаться:

— Ирина Александровна, я вот еще хотел сказать.... Вы знаете, как я к Наташе отношусь... Хочу просить у вас, мне, ой, черт, как это! Ее руки!

— Так у нее и проси! Я тут при чем? — весело рассмеялась Ирина.

Праздник удался на славу! Элегантно украшенный зал был весь в белых цветах, разноцветных гирляндах и воздушных шарах как символах прощания с, наконец-то, безвозвратно уходящим детством. Томные дамы и господа занимали места за круглыми столиками, а вокруг — река шампанского и устричные берега.

Ирина оглядывала гостей, все важные персоны города были здесь. Даже жена мэра присутствовала, правда, сам не пришел.

«Ну, посмотрим, посмотрим, кто кому из нас больше нужен!» — беззлбно подумала она.

Тендер на проектирование и строительство торгово-развлекательного комплекса компания «ВИКА» взяла почти без боя. Мэр имел там свои интересы, Ирина, естественно, тоже, и немалые.

Думать о работе совсем не хотелось, хотелось смотреть, любоваться на дочек, радоваться их счастью. Как они были не похожи и как прекрасны! Разницу в неделю не учитывали, день рождения всегда справляли в один день, так еще при жизни ребят повелось.

Оленька, как упругий мячик, скакала по залу, то там, то здесь слышался ее громкий заразительный смех. В детстве такая эмоциональность дочери Ирину даже пугала. Девочка могла весело смеяться, а потом, увидев бездомную собаку, тут же горько расплакаться. В остальном же она была классическая маменькина дочка — нежная и ласковая. Очень рано у нее проявилась склонность к математике — школьницей она развлекала одноклассников, складывая и умножая в уме четырехзначные числа.

Свободолюбивая и гордая Наташа называла Ирину мамой, но когда сердилась или была чем-то недовольна, — тетей Ирой. Ей нравилось все красивое, в детстве своим куклам она шила удивительные, экзотичные наряды.

Когда девочкам было по десять лет, Ирина повела их на новогоднее представление в театр. Оленька была в полном восторге, балет «Щелкунчик» ей очень понравился. Наташа же только пожимала плечами, она вообще никогда открыто не выражала своих эмоций. Вечером ей стало плохо, поднялась температура, вызвали «скорую».

— Это было так красиво, так прекрасно, я туда в сказку к принцу хочу! — шептала девочка воспаленными губами, а на бледном личике мерцали угольки черных глаз.

Каким хитросплетением генной инженерии, ветром с каких южных полей было принесено семечко, из которого вырос этот необычный, хрупкий цветок, неведомо.

В институт поступать Наташа не стала, пошла на курсы дизайнеров, занялась моделированием одежды. Постепенно ее ни на что не похожие, разноцветные, летящие одеяния начали входить в моду.

Между собой девочки были очень дружны, как две половинки, своей разностью удачно дополняя друг друга и создавая единое целое. Ирина любила дочерей до умопомрачения, жизнь за них могла отдать, но Оленьку все-таки — чуть-чуть больше...

— Ирина Александровна, извините! — прервал ее воспоминания голос Ивана. — Позвольте представить, Евгений Левицкий, архитектор. Мы в месте в Кембридже учились, я вам рассказывал.

Высокий, стройный молодой мужчина обаятельно улыбался. Дорогая одежда, с характерной элегантно европейской простотой и небрежностью. Ни дать, ни взять, принц заморский!

— Приятно познакомиться! — протянула ему руку Ирина. — Буду рада посмотреть ваши работы, завтра в 10.30

Подбежала запыхавшаяся Оленька, плавно подплыла Наташа, обменялись приветствиями, любезностями, поздравлениями. Ирина сразу заметила, как засияли аквамаринами глаза дочери, как задрожали тонко вырезанные Наташины ноздри.

Удивляться было нечему, парень был чертовски хорош собой!

Иван тоже нервничал, с одной стороны, он был рад помочь старому приятелю, и для общего дела полезно, а с другой — Женьку он знал хорошо, веселый, талантливый, но бабник конченный! Иван в своем Усть-Каменогорске школу с золотой медалью окончил, МГУ штурмом брал, за стипендию на учебу в Англии готов был имя или вероисповедание поменять. А Женьку еще в пеленках дипломатические мама и папа как за границу отвезли, так там и забыли. Баловень судьбы — на него даже обижаться не за что!

— Какая хорошенькая, эта черненькая! Она кто, дочка? — посмотрел вслед уходящим дамам Евгений.

— Приемная, родная та, что блондинка. Послушай Женя, у меня с Наташей все серьезно, — многозначительно посмотрел на него Иван.

Евгений нарочито театралью взметнул руки, отвергая несправедливые подозрения друга о попытке покушения на его счастье.

Начались танцы, и он галантно пригласил Оленьку на вальс.

Все вроде бы были счастливы. Иван — тем, что приятель сконцентрировал все свое внимание и обаяние на Ольге, а Евгений — что после демонстрации своих работ и проектов получил предложение занять пост главного архитектора...

Оленька утопала в пенных облаках романтизма. Женя так красиво ухаживал, цветы, концерты органной музыки, романтические ужины при свечах. Он был настоящий принц! Ирина, как всегда, много работала. И только Наташа страдала. Он выбрал не ее, это было странно. Она же видела, как он смотрит на нее, как провожает взглядом, прислушивается к каждому ее шороху. Почему, почему не она — Наташа этого не понимала! Винить было некого, просто злой рок! Воевать с сестрой за кавалера ей просто гордость не позволяла. Сердиться на такую простодушную, доверчивую Оленьку — глупость, унижающая ее достоинство. Наташа запиралась у себя в комнате, перечитывала любимые книжки. Как-то у Цвейга наткнулась на повесть со странным, непонятным названием «Амок». Оказывается, там все было о ней. Любовь, от которой не спрятаться, с которой не справиться, когда разумом понимаешь, что все не так, но спастись не можешь.

Женя стал постоянным посетителем дома, их роман с Оленькой набирал обороты. Наташа перестала спускаться вниз к ужину, потом — к обеду. Болтушка Светик, горничная, приносила ей поднос с едой в комнату и в красках, захлебываясь от восторга, рассказывала последние новости. Евгений приходил делать предложение. Приехал во фраке, на коне, встал на одно колено, все как в кино. Наташа отказалась от ужина, сославшись на простуду, и попросила принести ей коньяк. В дверь постоянно скреблась Оленька, хотела поделиться радостью, и это было невыносимо. Пришла мама Ира, тихо постучала, так стучала только она, и не открыть ей Наташа не посмела. Мать, как рентгеном, прошла по ней взглядом, оценила бардак в комнате, ополовиненную бутылку коньяка на тумбочке, повертела в руках книжку классика:

— «Амок» читаешь?

Наташа закрыла лицо руками и, как в детстве, когда было больно и страшно, уткнулась названной матери в колени. Рассказать обо всем, что горело, жгло изнутри, было просто невозможно. Так и лежала без звука, тяжело дыша носом и вдыхая аромат матери, ближе и роднее которой у нее никого не было.

Ирина гладила шелковые, цвета воронова крыла, волосы и думала о том, что не так все гладко складывается, как хотелось бы. Надо поговорить с Оленькой, может, с ее стороны все не так серьезно. И замуж еще

рановато, институт надо закончить, так что, свадьбу можно отложить, а там страсти и поулягутся. Бог с ним, с этим «заграничным принцем»!

Во время завтрака Оля весело болтала, в деталях описывая, какое у нее будет платье, туфли, торт, букет.

— Ты Женю очень любишь? — как можно равнодушнее поинтересовалась Ирина.

Дочь настороженно замолчала, не зная, чего ожидать от этого простого, на первый взгляд, вопроса, потом утвердительно закивала.

— А если вдруг ваша свадьба не состоится? Знаешь, случается ведь такое!

У Оленьки затряслись руки, не донесенная до рта чашечка дрогнула, и кофе безобразной кляксой растекся по нарядной блузке.

— Мама, что я сделала не так? В чем я виновата?

— Может, отложим все, например, на год? Вы за это время свои чувства проверите!

Теперь Оля зарыдала навзрыд, кинулась матери на шею, мешком сползла вниз:

— Мама, мамочка, Женя ни в чем не виноват! На него наговаривают, ему завидуют! Он — хороший, очень хороший! Он — добрый, он — умный, он для меня — все!

Ирина сначала испугалась, потом разозлилась, резко встала, отодвинула от себя дочь и пошла к дверям:

— Что за дурной театр! Где ты этого нахваталась?

Оля так и осталась сидеть на полу, утирая распухшее лицо.

— Мама, я же жить не смогу, — прошелестел вслед Ирине ее голос.

К разговору с Наташей Ирина готовилась долго, надо было подобрать правильные слова, не обидеть, утешить, найти выход из создавшейся ситуации.

Наташа лежала на кровати. Вытянув руки вдоль тела, разглядывала потолок. Похудевшая, с темными кругами вокруг глаз, она стала еще красивее. Ирина присела рядом, долго говорила о том, что в двадцать лет любовь всегда кажется последней и единственной.

Жизнь — штука длинная и странная! Какие еще сюрпризы тебе преподнесет, никогда не узнаешь! Случилось, ну и пусть, все пройдет! Она буквально выворачивала себя наизнанку, пока не произнесла такие простые и такие страшные слова:

— Ты помнишь, я никогда между вами различий не делала. Все знают, что ты мне не родная дочь, но скажи, я тебя хоть раз несправедливо обидела? Ольгу хоть раз впереди тебя поставила? Да, согласна, времени я

вам уделяла мало, все на работе торчала, виновата. И все равно вы для меня — единственные и самые любимые!

Наташа, казалось, вышла из ступора и внимательно посмотрела на Ирину:

— Однако замуж не я, а Оленька выходит!

— Возьми ты, ради бога, себя в руки! Дай сестре спокойно замуж выйти, для всех лучше будет!

— А свадьба когда?

— Через месяц.

— Иван придет?

— Куда ж он денется! Иван — парень хороший, надежный, с прекрасными перспективами. Он ведь, кажется, предложение тебе сделал? Что ты ему ответила?

— Ответила, что подумаю.

— Как ты на маму свою похожа! — выдохнула Ирина, бросив взгляд на висевший на стене снимок Кости и Анечки.

В один день сыграли две свадьбы. Ирина сидела в своей комнате и рассматривала свадебные фотографии. Вот Оленька и Женя выпускают в небо голубей, на счастье. Они же выходят из лимузина, и Оля бросает букет невесты. Две невесты чокаются бокалами с шампанским. Сияющий, как спортивный кубок, Иван держит на руках молодую жену, а та все отворачивается, пряча лицо в фате.

Вот и сама Ирина в плотном кольце гостей. Нарядная женщина улыбалась, правда, лицо немного напряженное. Что-то было явно не так, Ирина это чувствовала!

В свадебное путешествие Женя и Оля отправились на Лазурный берег, а Иван и Наташа — в Прагу. Вернувшись из поездки, они почти сразу переселились в пентхаус в самом центре города.

Евгений своей новой жизнью был вполне доволен. Он занимался любимым делом, представляя себя Паганини, движением рук, как смычком, создавал музыку в камне. Жена, розанчик-бутончик, его обожала, только что с ложечки не кормила. После переезда Наташи они занимали целый этаж комфортабельной виллы, где в его полном распоряжении были и бассейн, и сад, и теннисный корт. Теща ему, правда, досталась суровая, эдакий элегантный шагающий экскаватор, сгребет, прожует и незаметно сожрет, но это все пустяки! Огорчало только одно — жена оказалась записной домоседкой, вытянуть ее из дома стоило огромных трудов. Ольга не отрывалась от своего компьютера, все вре-

мя ей надо было что-то посчитать или пересчитать. Однако его желаниям не препятствовала.

— Иди, конечно, что дома сидеть! Только приходи пораньше, я без тебя все равно не засну!

— А можно, я твою кредитку возьму?

— Женечка, зачем ты спрашиваешь? Бери, когда захочешь!

При наличии золотой кредитной карточки все складывалось совсем неплохо! Родители его хоть и были персонами высокого государственного уровня, большими средствами не обладали. А может, даже и обладали, да только, понабравшись европейского образа жизни, Женьку не баловали. Учебу оплатили, а там дальше — живи, как знаешь, сынок! Всякий раз, когда были нужны деньги, приходилось просить, объяснять, что, зачем да почему.

Для приличного юноши ситуация совершенно невыносимая! Зато теперь с золотистым пластиком в портмоне он чувствовал себя королем. Клубы, бары, дискотеки, все подвластно!

Особенно нравилось Женьке казино. Дребезжащий костяной шарик носился по кругу, как маленький атом, прошитое электричеством людских страстей пространство визуально то сужалось, то расширялось, и в этом мире искривленного зазеркалья зеленых столов удача не покидала Женьку, выигрывал он почти всегда. Когда жил за границей, учитывая стесненные обстоятельства, ставил по мелочи, теперь же представился отличный случай испытать преданность своей фортуны! Часто в наимоднейших заведениях города Женька встречал свою черноглазую свояченицу, та тоже вела активную светскую жизнь. Он радостно кидался ей навстречу, пытался завязать разговор, но Наташа только холодно кивала и под любым предлогом спешила уйти.

Она боялась этих встреч, боялась с собой не справиться. Ведь пообещала выбросить эту дурь из головы, не портить жизнь ни себе, ни сестре.

На показе осенне-зимней коллекции одежды они столкнулись нос к носу. Толпа фанатов высокой моды плотно прижала их друг к другу, отступить было некуда.

— Госпожа Денисова! Спешу выразить свое восхищение! Это было неподражаемо! — как всегда, с легкой театральной ироничностью приветствовал ее Евгений.

Народ ломился к столам бесплатных яств и напитков, оттесняя их в угол.

— Тебе понравилось?

— Если честно, больше всего мне нравится сам модельер!

Наташа резко подняла голову. Свет от синих софитов контрастно прошелся по лицу, темные глаза превратились в черные дыры бескрайнего

космического пространства. Евгений чуть не задохнулся от восхищения, шутить и паясничать сразу расхотелось.

— Ты — просто инопланетянка какая-то! Нет, царевна-лебедь! Помнишь картину Врубеля? — прошептал он.

Что-то сильно толкнуло Наташу в спину — то ли это была толстая декольтированная тетка, прикрывавшая своим телом два бокала с вином, то ли злой рок, она не поняла.

Амок, амок!

Евгений подхватил покачнувшуюся свояченицу, обнял и крепко прижал к себе. Мигающие огни, гул голосов, благородные порывы, все закружилось, полетело вперед со скоростью сумасшедших карусельных лошадок, вырвавшихся, наконец-то, на волю...

Наличных денег Ирина дочерям не давала. Как только появилась возможность, открыла именные кредитки, положила по солидной сумме и каждый месяц исправно их пополняла.

Девочки не были транжирками, не забыли еще, как делили одну мандаринку на двоих, деньги тратили умеренно. Вот почему Ольгина просьба дать в долг 5000 долларов выглядела более чем странно. Выслушав резонный совет матери снять деньги со счета, она смущенно порозовела:

— Мы машину Жене купили.

— А он на нее заработал?

— Не на троллейбусе же ему ездить! Потом гардероб его, в смысле, наш обновляли, кольца с инициалами заказали, запонки.

— Даже если запонки из того же метала, что и космические шаттлы, деньги у тебя должны остаться.

— Мам, правда, очень нужно, я зарплату получу, все верну!

Ирина решила поговорить с зятем. В одиннадцатом часу вечера, вернувшись с работы, застала его на выходе из дома. Попросила подняться в кабинет и без экивоков спросила:

— Тебе не кажется, что ваша молодая семья тратит много денег?

Евгений удивился, выразил непонимание, по какой причине вмешиваются в их частную жизнь. Ирина объяснила, деньги не принадлежат лично им, а принадлежат компании «ВИКА», где невероятная легкость бытия общепринятой нормой поведения не была и не станет. Зять, кажется, оскорбился.

— Я не желаю выслушивать упреки в подобном тоне! У меня в доме так не разговаривают!

— Ну, это у тебя! А здесь я — у себя, и буду говорить, как считаю нужным! Знай, Ольгины кредитки я заблокировала. Жить будете на зарплату, как все, думаю, хватит, квартиру ведь вам снимать не надо!

— Если так, мы можем и отдельно жить!

Ирина только усмехнулась, подумав про себя: «Да куда вы денетесь!»

Разобиженный зятек выскочил вон, закрутив вокруг себя потоки воздуха длинными полами кашемирового пальто. Она же разговором осталась довольна, можно было мальчишку и крепче приложить, но пожалела — проект развлекательного комплекса он придумал отличный. Вся «ВИКА» была поставлена «под ружье», проектировщики, архитекторы работали, не разгибая спины, сама тоже домой только ночевать уходила. Еще месяц, и можно показывать работу заказчику, утверждать смету, приступать к строительству.

И все будет как всегда, денег «ВИКА» запросит много, зато объект будет сдан точно в срок, и ни одна трещина на стене или бесхозно потраченная копейка от Ирининою внимания не скроется.

На утренней планерке ей пришлось дважды окликнуть своего коммерческого директора, таким задумчивым выглядел Иван. Задержала его в кабинете, потребовала объяснений.

— Иван, ты болен? С Наташей что-то не так? Почему давно в гости не заезжаете?

Иван оправдывался, мол, работы много, не высыпается, вот и рассеян. Жена тоже новую коллекцию готовит, по весне в Париж собирается ее везти, на успех рассчитывает!

— Не видимся практически!

— Ну, так я сама вечером заеду! Посидим, чаю попьем!

Иван без особой радости кивал головой, соглашаясь с тещей. Что-то было опять не так, но думать об этом совершенно некогда, сейчас главная забота — «ВИКА»!

Женька играл уже не первую ночь, пил и играл. На что бы он ни ставил, проклятая костяшка шарика с вызывающей наглостью выпадала мимо, но всегда рядом. Темные бесы рвали душу на части, сейчас он ненавидел всех и вся. Бесили придурки-коллеги, с их тошнотворным корпоративным духом.

— Евгений Львович, вы — гений! Такого прекрасного проекта «ВИКА» еще не видела!

— Мы с вами, да наша «ВИКА» горы свернем!

Жена, толстая курица, все приставала со своими ласками и утешениями! Как будто не понимала, что ему совсем другое нужно! Во всем была виновата теща, совала свой поганый нос во все, давила, пыталась руководить. Лишила его такого теплого, приятного на ощупь, кусочка пластика, дающего безграничные возможности и уверенность в себе.

— Дорогой друг, Евгений, как дела? Как успехи? — подошел к нему темноволосый плотный мужчина и обнял за плечи.

Женька горделиво выпрямился, радостно заулыбался, с владельцем заведения следовало быть предельно любезным.

— Прекрасно, Ашот Байрамович, прекрасно! Думаю, сегодня меня ждет удача!

— Рад, искренне рад за вас, дорогой друг! Вы знаете, для нас вы — уважаемый клиент, мы всегда готовы предоставить любой кредит, но, как это ни прискорбно, иногда надо и платить.

Женька болезненно поморщился, а Ашот придвинулся еще ближе.

— Вашу машину, как вы и хотели, мы смогли удачно продать. А с тем розовым кадиллаком, что находится на стоянке казино, что делать? Машина слишком известная!

— Я отыграюсь, расплачусь и заберу ее!

— Удачи, дорогой Евгений, удачи! Настоящие игроки никогда не уступают судьбе, они ее побеждают! Машенька, — подозвал хозяин казино официантку, — подайте нашему другу лучшего виски!

Женька, судорожно глотая напиток, вытащил из кармана мобильник, набрал номер и с задушевным придыханием начал читать стихи:

— Лебединые крылья сомкнув, мы поднимемся в небо вдвоем,

Позабудем про сумрачный мир, позабудем постылый нам дом.

Ты и я на века, навсегда, убежим от тоски и забот,

Ты и я, поцелуй в ночи — наш секретный, таинственный код!

Царевна, я уже здесь, жду тебя! Приезжай быстрее, будем веселиться!
Да, любимая, и денег немного захвати!

Иван, входя в дом, нос к носу столкнулся с женой, хотел поцеловать ее, но она грациозно увернулась и что-то быстро спрятала в маленькую бирюзовую сумочку.

— Опять на всю ночь уходишь? — недовольно проговорил он.

— У меня — показ в клубе, мне надо там быть!

— Ирина Александровна хотела заехать, что я ей скажу?

Наташа неопределенно дернула плечами, и дверь с шумом захлопнулась.

Свою серебристую пулю BMW Наташа остановила прямо перед центральным входом офиса. Гордая надпись — строительная корпорация «ВИКА» — смотрела на нее уничижительно и свысока. Особенно две последние буквы, Костя и Аня, папа и мама. Как бы они сейчас о ней подумали, что бы сказали ей, из всех возможных путей выбравшей болезненно-

сладкое скольжение вниз, не сдержавшей слово, данное Ирине, предавшей сестру. Ей было противно и страшно, от жестокой реальности защищал только салон машины да спящий рядом такой же, как она, падший ангел. Женя проснулся, разомкнул пухлые губы и, едва приподняв длинные ресницы, сонно прошептал:

— Царевна, ты прекрасна, как жизнь!

Окончательно проснувшись, он быстро вышел из машины, остановился на площади, широко раскинул над головой руки и громко крикнул:

— Мой черный лебедь, я люблю тебя! Давай украсим это утро поцелуем!!

Вчера ночью ему повезло, он крупно выиграл и снова любил весь мир. Наташа, зачарованно глядя на такого милого, такого сумасшедшего мальчишку, послушно покинула салон...

Сначала Иван увидел на стоянке машину жены и обрадовался, подумав, что она приехала его повидать, но потом увидел все остальное...

Оля теперь ездила на работу на маршрутке, поэтому часто опаздывала. Громкий и веселый голос мужа она слышала издалека и побежала навстречу...

Ирина, диктовавшая письма Катерине, стояла у окна своего кабинета и всю эту «драматическую пастораль» разглядела детально...

Меры были приняты незамедлительно. Звонок в банк, и кредитки Натальи уже заблокированы. Иван, по состоянию здоровья отправлен работать домой. Главный архитектор как-то быстро испарился по неотложной служебной надобности. На ковер держать ответ была вызвана Ольга.

— Почему твоего мужа на работу Наталья возит?

— У него машина в ремонте.

— А твоя где?

— На профилактике.

— Я знаю, он дома не ночует, где шляется?

— Он — творческая личность, это его стиль жизни — бывать на вечерних светских мероприятиях.

Ольга, как истинная «мамина дочка», стояла по стойке «смирно», на вопросы отвечала лаконично и четко, придаться было не к чему. Ирина пристрасно рассматривала пополневшую и подурневшую молодую женщину. Лицо бледное, какое-то отекающее, опухшее.

— Плохо выглядишь, к врачу сходи!

— Я записана на завтра! — даже бровью не повела Ольга и ушла, не сказав больше ни слова.

А Ирина отправилась в кабинет начальника службы охраны компании.

— Здравствуй, Кузьма!

— Привет Ира, какие-то проблемы? — грузно опустился в кресло Кузминков, и итальянская мебелишка жалобно скрипнула под его весом.

Во второй половине 90-х, когда «ВИКА» отчаянно боролась за место под солнцем на спонтанно разрастающемся бизнес-пространстве, Ирина, не мудрствуя лукаво, наняла «крышу». Только это была не бритоголовая шпана, а безработные бывшие военные и менты. Старшим среди них являлся майор в отставке, следователь убойного отдела Андрей Кузминков, которого друзья и сослуживцы звали «Кузьма». Парни в боевых ситуациях опытные, в сложных, с юридической стороны, вопросах ушлые, свою хрупкую, но отчаянную и щедрую Иринку берегли, как государственную границу. А с Кузьмой у нее даже роман случился. Может, все бы и сложилось, да побоялась Ирина, что не примут девочки нового отца. Эмоциональная Оленька и свободолюбивая Наташа только-только начали забывать, как плакали, кричали от страха под телом прикрывшей их матери. И «ВИКА» ей одной принадлежала, делиться Ирина ни с кем не собиралась.

— Хочу попросить тебя, Кузьма, последи за Евгением Львовичем, только, знаешь, сам! Архаровцев своих не привлекай!

На следующий день на стол веером легли фотографии. Вот красавец-зятек, двумя руками обхватив пузатый бокал, плянется на колесо рулетки. Перекошенное злобой лицо, карты с покерного стола летят в испуганного крупье. Двое молодцов в черных «двойках» тащат растрепанного Евгения к выходу. И везде рядом, фоном, темноволосая головка Наташи.

— Может, мне с ним поговорить? — накрыл своей крупной ладонью руку Ирины Кузьма.

Она осторожно высвободила руку, аккуратно сложила фотографии в желтый конверт и убрала в ящик стола.

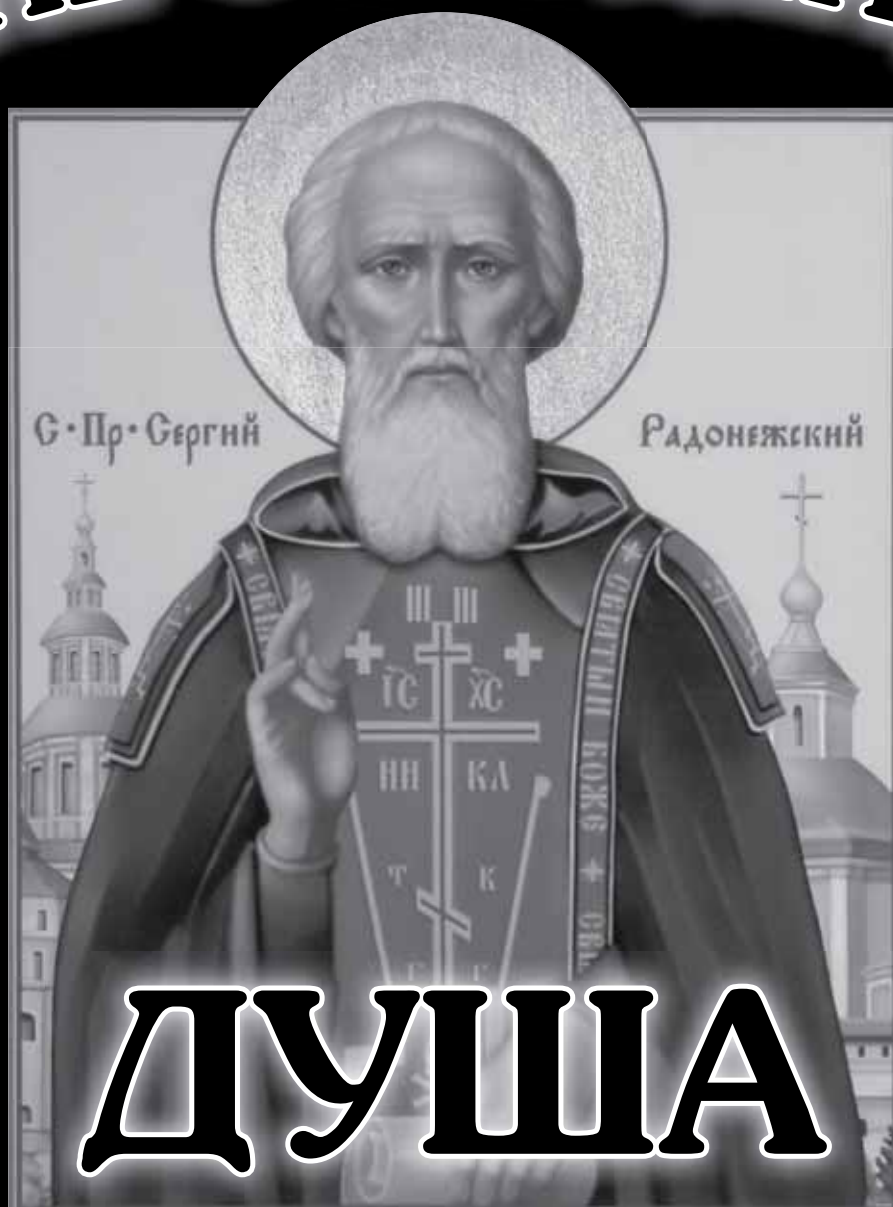
— Спасибо, я — сама, дело, как понимаешь, семейное.

Вчера Ольга радостно сообщила, что срок беременности у нее уже 14 недель, будущий молодой отец безмерно счастлив, а ей пора начинать осваивать хитрую науку, как стать настоящей бабушкой. □

Окончание следует

Татьяна Харламова

НЕ ОСКУДЕЙ,

8 октября весь православный мир отмечает день преподобного Сергия Радонежского.

Вклад этого святого в русскую духовную и политическую жизнь не просто огромен, если бы не преподобный Сергий, возможно, на карте не было бы такого государства как Россия...

Первое столетие монгольского завоевания было не только разгромом государственной и культурной жизни Древней Руси, оно надолго заглушило ее духовную жизнь. Религиозная реакция на эти страшные события была однозначной: проповедники считали татарское нашествие казнью за грехи. Тяжесть борьбы за существование и жестокое разорение народа привели к всеобщему огрубению и одичанию.

вой и учителем нового иночества стал преподобный Сергий, величайший из святых Древней Руси.

От мистики до политики огромный шаг, но преподобный Сергий сделал его, как сделал шаг от отшельничества к общежитию. Он молился о спасении страны, но еще большую беду видел в самих русских людях, которые утратили национальное самосознание, патриотические чувства. В оскудении человеческих

«Видение отроку Варфоломею»

Нестеров М.В.

Русь ждала новых духовных учителей, которые вывели бы ее из состояния оторопи и растерянности, и такие подвижники появились. А гла-

душ чувствовал монах-отшельник причину многих бед. И горячо молился Господу об укреплении духа русского народа.

«Юность преподобного Сергия Радонежского»
Нестеров М.В.

Князья московские и удельные посещали Сергия в его обители, и сам он выходил к ним, нередко бывал в Москве, крестил сыновей Дмитрия Донского, брал на себя выполнение политических поручений.

Вмешательство преподобного в судьбу молодого государства московского и благословение им национального дела было одним из оснований, почему Москва, а вслед за ней и вся Русь, чтит в преподобном Сергии своего небесного покровителя.

Молебны возле взлетной полосы

И сегодня преподобный Сергей Радонежский — один из самых почитаемых святых в России. В день его памяти сотни тысяч паломников устремляются в Радонеж, в Троице-Сергиеву Лавру.

Не у всех есть возможность посетить это святое место. Но сегодня в Москве существуют 67 храмов и часовен, посвященных святому Сергию. Есть среди них достаточно древние, намоленные, с непростой историей, есть и возведенные недавно.

Один из самых известных и почитаемых храмов Сергея Радонеж-

«Преподобный Сергей Радонежский»
Нестеров М.В.

«Труды преподобного Сергия Радонежского»
Нестеров М.В.

ского в Москве был возведен на Ходынском поле в 1894 году и разрушен в советские годы. Этот храм строился для войск московского гарнизона. В богослужениях могли принимать участие до тысячи человек одновременно. По свидетельству современников, это было величественное сооружение, истинное украшение Ходынского поля.

В августе 2000 года, по благословению Святейшего Патриарха Алексия, был создан приход храма преподобного Сергия на Ходынском поле, и началось возрождение свя-

тыни. Поскольку оригинальные проекты храма найти не удалось, было заказано историко-архивное исследование. По его результатам теперь уже ясно, каким будет храм — величественным и строгим, в традициях прежнего.

В прошлом году настоятелем на приход был назначен священник Василий Биксей.

— Я часто встречаюсь с прихожанами, — рассказывает отец Василий, — здесь уже тринадцать лет существует община преподобного Сергия Радонежского. Она состоит

не только из жителей окрестных домов, но и потомков знаменитых летчиков-испытателей. Все они активно участвуют в возрождении храма, в молебнах, в социальных проектах. В советское время на этом месте был аэродром имени Фрунзе, где закладывалось будущее нашей авиации — здесь работали ведущие конструкторы КБ: Поликарпов, Микоян, Яковлев, Ильюшин. Ходыньское поле стало свидетелем многих славных подвигов и, к сожалению, трагедий — в небе над Ходынкой 15 декабря 1938 года разбился Герой Советского Союза Валерий Чкалов. В память о героях-авиаторах в будущий храмовый комплекс войдет часовня имени Архангела Гавриила.

... На площади, возле бывшей взлетной полосы, где будет возве-

ден Центральный воинский собор, сейчас установлен поклонный крест. Здесь регулярно совершаются молебны, крестные ходы, на которые собираются сотни верующих. Постоянно организовываются паломнические поездки к мощам преподобного Сергия, познавательные экскурсии, субботники по благоустройству территории.

«Троице-Сергиева лавра»
Лисснер Э.Э.

В наши дни

— Мы, верующие жители района, с удовольствием участвуем в возрождении храма, — говорит одна из прихожанок, многодетная мама Татьяна Стоскова. — Мы верим, что этот храм сможет объединить всех в борьбе за возрождение нравственности, семьи, за искоренение преступности и зла, как это было когда-то при жизни преподобного Сергия Радонежского в 14 веке. Тогда из раздробленных княжеств, погрязших в междоусобных войнах и раздираемых врагами с Востока и Запада, наша страна объединилась в могучее государство... И сегодня без богослужений вырастить нравственно здоровых людей практически невозможно. Когда стоит храм, все вокруг преображается, и люди начинают относиться друг к другу значительно лучше.

Моши преподобного в столице

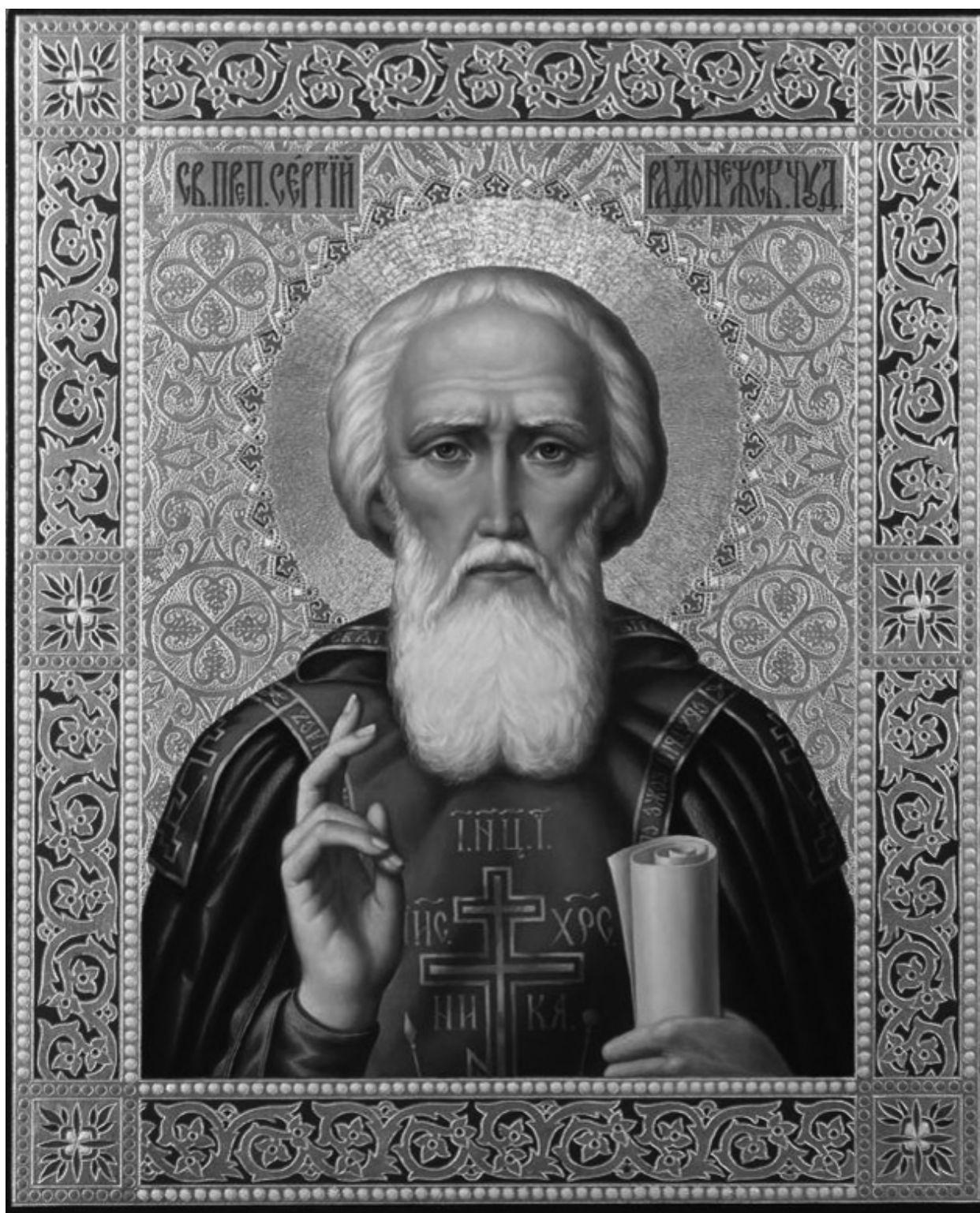
...Мало кто знает, что в нескольких московских храмах есть частицы мощей преподобного Сергия. Например, на подворье Троице-Сергиевой Лавры, в храме Троицы Живоначальной (от метро «Цветной бульвар» пешком) можно помолиться у иконы Преподобного с частицей его мощей. Это фактически небольшой монастырь, и службы здесь совершаются по монастырскому уставу.

В храме святителя Николая в Кленниках (Китай-город) где служил святой праведник Алексей (Мечнев),

также есть икона Сергия Радонежского с частицами мощей. Символично, что именно здесь была создана община по образу и подобию общины преподобного Сергия. Поклониться мощам Сергия Радонежского можно и в московском храме Илии Обыденного — никогда не закрывавшемся, и в храме иконы Владимирской Богоматери в Виноградове на севере Москвы (Дмитровское шоссе). Здесь в его честь освящен придел.

Многие верующие едут в Бибирево, где тоже есть храм преподобного Сергия. История его создания интересна сама по себе. Летом 1873 года в селе Бибирево бушевала эпидемия холеры. Монахи постоянно выносили чудотворную икону преподобного Сергия, перед которой совершались молебны. Однажды образ вырвался из рук и пронесся по воздуху. После этого эпидемия отступила. Этот день стал почитаться как праздник, и было решено на этом месте поставить храм, где и поныне находится чтимая икона преподобного Сергия.

Другое чудо, связанное с именем Сергия Радонежского, произошло несколько лет назад в храме Успения Пресвятой Богородицы в Архангельском-Тюрикове. В 1995 году в церковь принесли темную доску, найденную в лесу. От нее исходило странное свечение. В храме свечение продолжалось, но оно стало тихим и светлым. Постепенно на доске стали проявляться образ Божьей Матери и другие фигуры. Через год было уже окончательно ясно: это икона с ред-

ким сюжетом «Явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию Радонежскому». Во всем облике святого ощущается особая утонченность, кротость, духовная ясность, величественная простота. Никакого

сурового аскетизма, ношения вериг, лишь непрестанный радостный труд — духовный, и физический...

И пока образ святого Сергия будет с нами, русская душа никогда не оскудеет. □

ИГРА на чужом поле

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ольга Званцева сидела в ночном кафе «Улет» и тянула из трубочки очередной коктейль «бакарди». Уже пять часов она торчала за столиком у окна, поглядывая в сторону офиса агентства «Одиссей». Количеству выпитого давно был потерян счет, и Ольга Никифоровна не осознавала почти ничего из того, что фиксировали ее глаза.

Сначала время тянулось невыносимо медленно, но по мере увеличения литража потребляемых напитков Ольга Никифоровна утрачивала ориентиры в пространственно-временных измерениях. То ли наяву, то ли в полубреду она видела синюю тойоту мужа, потом обратила внимание, как резко сорвались с места четверо «кожаных» парней...

Где-то поблизости вдруг ударили выстрелы, одиночные и очередями.

— Совсем обнаглели, — пожалала плечами Званцева, а бармен испуганно замер и побледнел.

Окончание. Начало в №9 2013.

Довольно резвая перестрелка закончилась оглушительным грохотом десятка «калашниковых», который тянулся до неправдоподобия долго.

— Режиссер перебарщивает со спецэффектами, — небрежно прокомментировала Ольга Никифоровна, когда все смолкло, и обратилась к бармену: — Человек! Любезный! Еще бокал...

Молодой, коротко стриженный бармен, не глядя на Ольгу Никифоровну, механически произвел нехитрые манипуляции и поставил перед Званцевой высокий запотевший бокал. Взгляд его при этом был устремлен за окно.

— Сюда мент идет! Явно мент! — выкрикнул он.

Последний бокал оказал странное действие на Ольгу Никифоровну. Она вся подобралась, появилась внезапная решимость и агрессивность. Званцева проворно выдернула из сумочки браунинг и отбежала на несколько шагов. Бармен сделал движение, и она, мгновенно переведя ствол в направление стойки, звонко воскликнула:

— Не двигаться!

Затем, не целясь, направила дуло на зеркальный шар, висевший под потолком, и нажала на спуск. Шар взорвался брызгами осколков. В молодости супруга футбольного тренера занималась не только автогонками, но и стрельбой из пистолета.

— Всех перестреляю! — спокойно, с ледяной уверенностью отчеканила она.

Комар услышал выстрел, слившийся с громким хлопком, когда уже взялся за ручку входной двери кафе. Он тут же выхватил пистолет Макарова и ринулся вперед с воплем:

— Бросить оружие, полиция!

Браунинг Званцевой начал описывать в воздухе плавную дугу. Алексей нырком кинулся на руку с оружием... Грохнул выстрел, и бутфорская бутылка шампанского размером с ведро хрястнула над головой бармена.

Комар усадил обвисшую Ольгу Никифоровну на стул, засунул браунинг в свой карман и уже

хотел было вызвать наряд, чтобы нарушительницу общественного порядка доставили в отделение... Но тут Званцева, которой вновь завладел хмель, стала слезливо бормотать что-то про предательство Коцюбы, про то, что всех этих грязных шпииков надо «мочить» в сортире...

В общем, экзальтированная дамочка могла оказаться ценным свидетелем по делу об убийстве владельца детективного бюро «Одиссей».

А, между тем, Максим Бурцев действовал на месте преступления в обычном для него стиле, ничем не выдавая своего внутреннего состояния. То, что творилось в душе подполковника, можно было охарактеризовать двумя словами — ожесточение и решимость.

Виктор Коцюба сыграл заметную роль в жизни Бурцева, хотя немногие знали об этом. Когда-то Максим равнялся на покойного ныне опера, исподволь изучал его приемы сыска.

Но что заставляло Бурава так спешить с проведением оперативно-следственных действий? Ведь того же Скрепку можно было формально допросить и через несколько часов, в кабинете следователя, а сейчас просто отправить в изолятор, проведя предварительный опрос. А подполковник вместо этого давил на Шаравина, прося составить официальный протокол допроса прямо на месте преступления... Почему?

Да потому, что через каких-то пять часов, а то и меньше, Бураву могли запросто «подрезать крылья». Дело в том, что о старинной дружбе покойного Коцюбы и ныне здравствующего Бурцева прекрасно помнил полковник Хлынов. Знал он и о том, что когда-то Коцюба спас Бурцеву жизнь. И через несколько часов Хват может вызвать Бурава на ковер и отстранить его от дела — в связи с очевидной личной заинтересованностью оперативника.

Вот эта боязнь быть отстраненным от розыска убийцы Коцюбы и заставляла Бурцева торопиться изо всех сил, чтобы успеть сделать как можно больше до момента встречи с Хватом.

Первое, что он сделал — связался с круглосуточной службой МТС и отправил из кабинета Коцюбы факс с официальным запросом, подписанным следователем Шаравиным. Не терпящим возражений тоном Бурав прибавил в разговоре с оператором, что сведения о том, откуда звонили на мобильный телефон Лещинского с номера 727-62-52, должны быть предоставлены в срочном порядке подполковнику Бурцеву в МУР по факсу такому-то.

Далее подполковник позвонил дежурному по МУРу и доложил о необходимости срочного задержания и доставки для допроса некоего Петра Синенко, а также рабочих его бригады, которые накануне ремонтировали полы в детективном агентстве «Одиссей». Наконец, Бурав передал дежур-

ному координаты Михаила Скворцова, заместителя убитого Коцюбы (адрес и телефон сообщил подполковнику задержанный Скрепка). Скворцова также следовало с утра пораньше выдергивать на допрос в МУР. Именно в МУР, а не в прокуратуру к Шаравину — так будет надежнее.

Подполковник мысленно перекрестился. Теперь ему предстояло весьма ответственное деяние, а именно, взяв полусонного Шаравина «на арапа», вынудить его написать постановление об объединении в одно производство двух дел: о двойном убийстве на лодочной станции «Русалочка» (Альберт Жучинский и Николай Харин) и сегодняшнем убийстве владельца частного сыскного бюро «Одиссей» Виктора Коцюбы. Слава Богу, что первое дело еще не передано в суд, а стало быть, оперативно-следственные мероприятия формально не прекращены.

Разумеется, повод для объединения следствия по двум этим делам был весьма и весьма жидким, но шанс притянуть к себе за уши дело об убийстве Коцюбы у Бурава имелся.

— Ты вот что, Костя, — вкрадчиво начал подполковник. — Надо бы одну грамотку составить, ну, постановленице... Чует мое ретивое, что мы с тобой на серьезные дела вышли. Рыба крупная в сети забрела, важно ее не упустить.

— Ну, — только и сказал Шаравин, придвигая к себе чистый лист бумаги.

В последующие десять минут следователь старательно выводил своим ученическим почерком под диктовку Бурава:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о соединении уголовных дел

Я, следователь по особо важным делам Мосгорпрокуратуры Шаравин, рассмотрев материалы уголовных дел, возбужденных по факту

убийства гражданина Жучинского, гражданина Харина и гражданина Коцюбы, руководствуясь ст.38 УПК РФ,—

ПОСТАНОВИЛ:

1. Принять эти дела к своему производству.
2. Ввиду того, что преступления связаны между собой, — соединить их в одном производстве.
3. Поскольку расследование вышеуказанных преступлений предусматривает трудоемкий и обширный объем работ, создать оперативно-следственную бригаду в составе: Шаравин К. (бригадир), Бурцев М. (старший оперуполномоченный Московского уголовного розыска) и Каморин А. (оперуполномоченный Московского уголовного розыска).

*Следователь по особо важным делам
советник юстиции К.Шаравин.*

— Вот и славно, Костя, — удовлетворенно промолвил Бурав.

Теперь он получал определенное право заниматься делом об убийстве Коцюбы, и после вынесения Шаравиным постановления о создании оперативно-следственной бригады подполковнику уже не надо было специально добиваться своего подключения к поиску убийцы старого товарища...

Вроде бы сделано все, что нужно, ничего не упущено. Скоро с разных концов Москвы в кабинет Бурава и Комара начнут свозить свидетелей.

И все-таки подполковника грыз червячок неудовлетворенности. Он чувствовал, что какое-то банальное, но ключевое обстоятельство ускользает от его внимания. Так называемая решающая мелочь...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Ну, что ж, Ольга Никифоровна, пока все, — подытожил подполковник Бурцев, когда следователь Шаравин, оперуполномоченный Каморин, свидетель Званцева и сам Бурав подписались под протоколом допроса. — Сейчас я выпишу вам пропуск на выход.

Часы в кабинете показывали начало восьмого. Ольга Никифоровна жадно пила воду из графина. Она хотела только одного — распластаться на дне океана и закрыть глаза. Хотя нет, не только этого. По мере того, как она приходила в себя, ее все больше донимал идиотский вопрос: а как она сейчас выглядит? Наверное, ужасно. Ёлки-палки, в кабинете у этих мужиков нет зеркала, а сумочку ей пока не вернули. До чего ж не хочется выглядеть совсем уж отвратно-то, Господи... Хотя какое это сейчас имеет значение?

Ольга Никифоровна невероятным усилием воли подавила в себе желание выпить еще один стакан воды, судорожно глотнула. Надо прокашляться, чтоб голос не был хриплым, как у старой вороны.

Ее показания внешне представлялись довольно убедительными, к тому же, их частично подтверждала видеозапись, сделанная Гмырей: жена тренера в страхе бежит прочь от «Одиссея». В углу кадров светилось время: 00.06, число, месяц, год. Но не заходила ли она перед этим в агентство, не встречалась ли с Коцюбой? И чем могла закончиться эта встреча?

Если верить Званцевой, она якобы ничего не знала об убийстве Коцюбы. По словам Ольги Никифоровны, перед двенадцатью ночи она подъехала к «Одиссею» на «извозчике», попросив его остановиться недалеко от агентства. Пошла по направлению к зданию, но тут обратила внимание, что оно погружено в темноту, и удивилась. Почему в кабинете Коцюбы не горит свет? Ведь он должен ждать ее.

«Мне вдруг стало страшно, — продолжала Ольга Никифоровна, — я остановилась под деревом и простояла так какое-то время. Кругом — тишина и тьма кромешная. Я достала мобильный и позвонила в кабинет Коцюбе — никто не отозвался. Тогда страх стал перерастать в ужас, и я бросилась бежать к освещенной улице. Напротив я увидела кафе, оно было открыто, и забежала туда. Решила посидеть там, время от времени позванивать Коцюбе, не появится ли?»

Все эти показания Шаравин добросовестно «забил» в протокол. Но у оперативников кое-что вызывало сомнения. А проще говоря, могло быть элементарным враньем. Например, трудно было поверить, что Званцева безвылазно проторчала в «Улете» пять часов. «Нет, в агентство я больше не ходила», — стояла на своем Ольга Никифоровна.

Однако бармен сразу после задержания Званцевой сообщил Комару, что около двух ночи посетительница покидала кафе, причем довольно надолго. Нет, он не заметил, куда она направилась, подумал, что ушла с концами. Однако минут через двадцать женщина вернулась. Правда, тут такое дело: туалет в кафе — на ремонте...

Конечно, следовало бы задержать дамочку, возбудить уголовное дело о хулиганстве с применением огнестрельного оружия, навесить сюда же «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов»... Под таким острым соусом обвиняемую можно мариновать в изоляторе, как минимум, десять суток.

Но Бурав махнул рукой. Никуда она не денется.

— Браунинг ваш, Ольга Никифоровна, зарегистрирован, как ни странно, — сказал он. — Разрешение на ношение оружия у вас тоже имеется. Как вам сие удалось?

— Этот револьвер — подарок мужа, ему уже лет восемь, — с трудом выговорила Званцева. — Я когда-то увлекалась стрельбой из пистолета... А насчет регистрации... Этим занимался Антон.

— Понятно. Однако вернуть вам браунинг я не могу. Вы носили и применили оружие в состоянии алкогольного опьянения, за это будете лишены права владеть им и оштрафованы. Советую поехать в это кафе «Улет» и расплатиться за причиненный ущерб, пока они не обратились в правоохранительные органы. Вот ваш пропуск, до свидания. Наш сотрудник приедет к вам, чтобы снять прослушивающее устройство с вашего телефонного аппарата. Может быть, и я захочу задать вам еще несколько вопросов...

— Вы ее все-таки отпускаете, Максим Юрьевич? — не выдержал Шаравин.

Бурав в ответ лишь пожал плечами.

Званцева, изо всех сил стараясь ступать твердой походкой, направилась к двери.

— Ольга Никифоровна! — окликнул ее Бурцев.

Она обернулась.

— Вы понимаете, что ночная трагедия произошла из-за вас?

— Да, конечно, понимаю...

Женщина горько улынулась и вышла из кабинета.

В коридоре дожидались своей очереди доставленные в МУР заместитель Коцюбы Михаил Скворцов, бригадир строителей Петр Синенко и еще двое рабочих-украинцев. Ремонтников вытащили из снимаемой ими квартиры на окраине города. Еще двоих из вчерашней бригады обнаружить не удалось. «Загудели, видно», — только и сказал Синенко.

Синенко довольно складно изложил, что по заказу Коцюбы он и его бригада в составе пяти человек приехали в агентство «Одиссей» примерно в половине шестого вечера. Бетонировать полы хозяин распорядился начать в шесть часов, и мужики решили «подкрепиться», сбегали в магазин за тремя бутылками водки.

— Для нас, пятерых, это нормальная доза перед началом работы, — сказал бригадир. — В шесть я постучал в кабинет Коцюбы, но его заместитель крикнул, чтоб мы покурили еще минут пять... Ну, мои и говорят: «Тогда надо бы еще добавить». Только по стакану приняли, даже закусить толком не успели, как начальство выходит и объявляет, мол, начинайте работать.

— Начальство — это кто? Коцюба? — спросил Бурцев.

— Заместитель его нами командовал, вплоть до девяти вечера был при нас неотлучно, контролировал, хм... В общем, только мешался, лез не в свое дело. Потом, в девять часов, когда мы ложить бетон закончили, он ушел вместе с нами, дверь на кодовый замок запер. Сел в свою машину и уехал.

— А где был Коцюба?

— Ушел. Как мы начали работать, так его уже и не было. Мы ж не будем за ним следить, правда? Нам работать надо, свое дело делать. Хотя все-таки мы вчера дюже перебрали, не надо бы столько пить было...

— Да, видел я вашу работу, бетон положен ровно, как зеркало, — кивнул Бурцев и сделал знак Шаравину, мол, гони в шею, какой с них прок...

Синенко и двум его работягам были выписаны пропуска, и настала очередь Михаила Скворцова давать свои показания. Он уже был извещен об убийстве Виктора Коцюбы.

— Свидетель Скворцов, вы осознаете, что тайная слежка за Антоном Званцевым противозаконна? — спросил следователь Шаравин.

— Осознаю, — вздохнул заместитель Коцюбы. — Что, в суд меня за это притянете? А Шашнев и Званцева выступят свидетелями? Ну-ну... Не знаю, как Валька, но Ольга Никифоровна вряд ли пойдет на такое. Впрочем, там ведь штраф предусмотрен — сто минимальных окладов... По-сильная сумма.

— И лишение лицензии, — добавил Каморин.

— Ну, это будет сложно сделать, — улыбнулся Скворцов. — Ведь контракт с Ольгой Званцевой составлял лично Коцюба, он и Шашневу задание давал. И агентство принадлежало лично ему. Кого ж теперь наказывать? Я — всего лишь наемный работник, хоть и заместитель...

— Скажите, — продолжал следователь, — при каких обстоятельствах вы в последний раз видели потерпевшего Коцюбу?

— При отвратительных обстоятельствах, — заявил Скворцов. — Мы просмотрели собранные Шашневым материалы на тренера Званцева. Я имею в виду его договоренности с тренером Каргиным о предстоящей ничьей. Это уголовное преступление, так? Стали обсуждать, как распорядиться компроматом.

— Вы собирались шантажировать Званцева этими записями? — сурово спросил Шаравин.

— Нет, блин, вам их отдать, в прокуратуру! — с издевкой ответил Скворцов. — Так и запишите в протоколе. Но Коцюба заявил, что не хочет связываться с таким могущественным человеком, как Антон Званцев. К тому же, и он, и Каргин обнаружили слежку и непременно выйдут на нас. Я не соглашался с Коцюбой. Тогда Виктор взял и поджег пакет с микропленками — дескать, чтобы у нас не было соблазна, как вы изволили выразиться, шантажировать тренера. Я сказал: «Зачем ты это сделал, такой труд пропал!» Потом обложил его матом и пошел к рабочим. Это было в самом начале седьмого.

— Потерпевший покинул кабинет вслед за вами? — уточнил Шаравин.

— Ну, может, минуты через две. Запер за собой дверь и прошел мимо нас, даже головы не повернул. Честно скажу, до сих пор я на него зол. Хотел даже руки ему больше не подавать.

— Больше и не придется, — заметил Бурцев. — А куда пошел Коцюба, вы не видели?

— Наверное, отправился ловить машину — его-то «БМВ» на ремонте.

— Вы, гражданин Скворцов, пока свободны, — сказал Шаравин, предварительно обменявшись взглядом с подполковником. — Но предупреждаю, вы можете быть вызваны в качестве свидетеля еще раз. Попрошу поставить меня в известность, если соберетесь более чем на одни сутки покидать место жительства. Вот мой телефон, факс.

— Ладно, я законы знаю, — кивнул Скворцов и неторопливо покинул кабинет.

— Ну, что скажешь? — спросил Бурцев Комара.

— Да что тут сказать... Каргина и Званцева брать надо! Там шесть трупов с обеих сторон, да и Коцюбу наверняка кто-то из их людей на тот свет отправил. Они для этого и к агентству съехали, зачем же еще? У нас есть свидетельские показания о взятке за договорную ничью... — Комар горестно помолчал. — Эх, а я ведь болею за «Дружбу»... Точнее, болел до сегодняшнего дня.

— А вот это тебе жизненный урок, Комар, — назидательно промолвил Бурав. — Болеть надо за своих. За «Динамо»! А насчет Каргина и Званцева ты прав. Объявляем их в розыск. Так, Константин?

— Пожалуй, — согласился Шаравин. И добавил: — Лично я вообще ни за кого не болею.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Шаравин и Каморин уехали в Лефортово, в судебно-медицинский морг. Там Груздин проводил вскрытие тела Коцюбы. Бурцев попросил немедленно связаться с ним, если все-таки удастся определить время нанесения смертельного удара.

Из утробы факсового аппарата, стоявшего в кабинете Бурцева и Каморина, полезла бумага с какой-то распечаткой. МТС сообщала, во сколько и куда звонил покойный Лещинский, а также время входящих звонков на его номер, с координатами звонившего. Бурцев подошел к огромной карте города, занимавшей почти всю стену, вскарабкался на стул и быстро определил, что с Королем связывался некто, находившийся в отеле «Блиц».

Следующее сообщение было из «Шереметьево», от начальника тамошнего отдела полиции:

— Макс? Это Николай. Привет, давненько тебя не видно и не слышно. Слушай внимательно: разыскиваемый ГУВД столицы Званцев Антон Евгеньевич вылетел в Барселону семичасовым утренним рейсом. Билет приобретен накануне им лично в кассе Центрального аэровокзала.

— Все понял, — буркнул подполковник. — Значит, поездка частная, а не командировка...

— Официальную бумагу по факсу прислать?

— Шли...

На часах было без пяти восемь. Ай да Званцев! Успел ноги унести.

Интересно, как воспримет сообщение о бегстве мужа за границу Ольга Никифоровна? С точки зрения любой женщины, Антон Евгеньевич бросил, в первую очередь, ее, а не какое-то там движимое и недвижимое имущество. Позвонить ей, сообщить? Или может...

Но это потом, одернул себя подполковник. А сейчас, когда до вызова к начальнику отдела оставалось каких-то два — два с половиной часа, надо заняться более срочными делами.

Бурцев не стал вызывать Скрепку к себе в кабинет, а сам отправился к нему в изолятор временного содержания. Там подполковник дотошно расспросил Шашнева, постоянно что-то уточняя, записал его ответы, вернулся в отдел и отдал свои записи машинистке для перепечатки.

Затем Бурав сел за стол, придвинул к себе чистый лист бумаги и вывел: «Старшему оперуполномоченному Московского уголовного розыска подполковнику Бурцеву М.Ю. от гражданина Каргина И.З. Чистосердечное признание...»

В кабинет вошел удрученный Каморин. Бурав мельком глянул на него, не переставая писать, и сказал ободряюще:

— Не грусти, Комар, поверь мне, скоро ты узнаешь, кто такой Матадор. Н-да... Званцева мы упустили, улетел в Барселону часа полтора назад.

— Вот как? — встрепенулся Алексей. — Выходит, скрыться надумал?

— Похоже, что так. Никаких встреч с клубом «Барселона» у «Дружбы» в ближайшие месяцы не предвидится. Покупать или продавать игроков во время национального первенства запрещено. Я позвонил на базу «Дружбы» — второй тренер команды Семибратов ничего не знает о поездке Званцева в Барселону, он был просто в шоке. Так что, все это здорово смахивает на бегство. Ладно, попробуем взять Каргина. На арапа, так сказать. Клин клином вышибают, а минус на минус дает плюс...

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Комар, не понимая, куда клонит его наставник.

— А то, что нам с тобой придется немного выйти за рамки закона и сыграть с этим бандитом по его правилам. На его поле. Ты как, готов?

— Готов, — твердо ответил Алексей, который до сих пор ощущал себя героем после вооруженного задержания Ольги Званцевой.

Когда оперативники ехали к отелю «Блиц», Бурцев сказал:

— Ну, Комар, слушаю твои версии.

— Что ж, излагаю, — важно начал Каморин. — Что мы имеем? Мотивы для убийства Виктора Коцюбы были сразу у нескольких участников ночной истории. Во-первых, это Званцев и Каргин — оба тренера боялись разоблачения своих преступных договоренностей... Во-вторых, Скворцов. Он, скорее всего, хотел шантажировать Званцева и, когда Коцюба отказался пойти на это, решил взять дело в свои руки. Не зная о полуночной встрече Званцевой и Коцюбы, он тайком приехал в агентство посреди ночи. Коцюба был на месте, то ли задержался после разговора с Ольгой Никифоровной, то ли еще только дожидался ее. Напоровшись на шефа в его кабинете, Скворцов растерялся. Началась ссора, выяснение отношений, и Коцюба был убит.

— А пепел на столе?

— Ну... Скворцов для отвода глаз мог сжечь какую-нибудь бумагу, чтобы потом заявлять, будто Коцюба уничтожил микропленки. И, наконец, Ольга Званцева. Нервная дамочка, к тому же — при оружии. То есть она отправлялась к Коцюбе в заведомо агрессивном состоянии, предполагала угрожать ему «браунингом». Званцева явилась в кабинет хозяина «Одиссея» незадолго до полуночи. Теперь представь ее реакцию, когда Коцюба сообщил ей, что практически никакого компромата на мужа собрать не удалось! Званцева, кстати, следила за мужем на его же деньги — отметим это как особый цинизм со стороны подозреваемой... Пла-

тила по тысяче долларов в день, и ей предлагают продолжать в том же духе, пока рак на горе не свистнет! А деньги, которые давал ей Званцев, кончились, своих нет. В ярости кидается она на лукавого шпика...

— Полегче, полегче, — мягко осадил Комара подполковник. — Во-первых, ты плохо знаешь женщин. Уверяю тебя, для них вполне нормально гадить мужу, используя его же деньги, например, отдавать их любовнику, или, чего доброго, «заказать» богатенького муженька на его собственные бабки. Теперь ответь, могла ли Званцева в приступе ярости ударить Коцюбу ножницами, а потом хладнокровно стереть свои отпечатки пальцев с орудия убийства? Допустим, могла. Пришла в себя, протрезвела и превратилась в расчетливую особу, заметающую следы преступления. Но почему Званцева не применила в этой ситуации браунинг? Ведь в кафе она с легкостью им воспользовалась, значит, страха перед оружием у нее нет.

— Объясню, — с горячностью заговорил Алексей. — Хоть ты и сказал, что я плохо знаю женщин, но это чисто по-женски, когда они в ярости, им нужно вцепиться в обидчика. А огнестрельное оружие применяется на расстоянии. Вот в кафе ей действительно требовалось держать бармена на дистанции, потому она и выхватила браунинг.

— Ладно, — вздохнул Бурцев, — давай дальше.

— А что дальше? Других подозреваемых вроде нет.

— Ты уверен? А Валентин Шашнев? На каком основании ты списываешь его со счетов?

— Ну... Он же вор, а у воров законы строгие — они не убивают...

— Нет сейчас никаких законов! Нет! — вышел из себя Бурав. — Беспредел сейчас кругом творится, понимаешь? Шашнев вынул из сейфа Коцюбы десять тысяч долларов. Да за такие деньги любой «домушник» в «мокрушника» переквалифицируется! А оперуполномоченный Каморин, видите ли, всецело доверяет честному слову вора и мерзавца Шашнева.

— Но надо же хоть чьи-то показания принимать за основу...

— И ты принял за основу показания Вальки-«домушника», да? Ах, Леша... Знаешь, за что я в свое время отправил Шашнева на нары? Он обокрал двух старух-сестер, утащил фамильные реликвии — все, что осталось у них после многих лет голода и репрессий. Они из дворян были. Так вот, одна старуха после кражи сразу умерла от потрясения — инфаркт. И ты думаешь, у Шашнева хоть на секунду совесть шевельнулась? Да ничего подобного. Сказал, что, мол, старуха и так зажилась на этом свете, ей давно пора в гроб. Вот так-то, Комар ...

Каморин молча смотрел в лобовое стекло. Он вспомнил бабушку, которая до последнего дня дорожила простенькой брошкой из «дутого» золо-

та — памятью о своей матери. И даже в голодную зиму сорок второго не обменяла ее на мешок картошки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Бурав решил ухватиться за ниточку, тянувшуюся из отеля «Блиц», и они с Комаром отправились туда. Подойдя к стойке портье, подполковник извлек «корочки» и отрекомендовался:

— Московский уголовный розыск, подполковник Бурцев и старший лейтенант Каморин. Будьте любезны, предъявите нам список проживающих на данный момент в отеле.

Рыжекудрая Марина равнодушно протянула Бураву регистрационную книгу. Она привыкла, что постояльцами отеля то и дело интересовались органы правопорядка.

— Хе, Таргин Илья Захарович! Суперлюкс! — кровожадно воскликнул Бурцев. — Так я и думал, так и думал... Ответь, Комар, что заставляет людей, когда они придумывают себе подложную фамилию, менять всего одну-две буквы? И фальшивое имя подбирают на ту же букву... Наверное, какая-то мистическая боязнь и взаправду перестать быть самим собой... Что ж, Комар, будем брать. Давай-ка, девица-красавица, ключ-дубликат, да поживее!

Марина, которая думала лишь о том, как бы скорее отвалить домой, отперла сейф и протянула Бурцеву «бородатый» ключ.

Кивком поблагодарив девушку, подполковник бесцеремонно перегнулся через стойку, выдернул телефонную вилку и выгнул «розочкой» контактные пластины. «Мало ли что, — думал он, — еще предупредит Каргина, пока мы будем подниматься к нему в номер».

Но Марина и не думала вмешиваться в ситуацию.

— Приготовить оружие, — тихо скомандовал подполковник.

Он бесшумно повернул ключ в замочной скважине «люкса», и оперативники проскользнули в номер.

Иван Захарович храпел, открыв рот и запрокинув голову, а рядом раскинулась под одеялом совершенно бесцветная девушка. Оба были явно изнурены минувшей ночью.

— Руки на одеяло! — заорал Комар дурным голосом.

Сказать, что Иван Захарович был застигнут врасплох — значит, ничего не сказать. Он аж заверещал от страха, моментально выпростал свои жирные, волосатые руки, пытаясь заслониться ими от двух пистолетов, направленных ему в лоб. Девушка, напротив, оцепенела, ее зрачки испуганно полыхали даже при утреннем освещении.

— Мужики, договоримся! Не стреляйте! — глотая окончания слов, торопливо взывал Каргин.

— Московский уголовный розыск, — представился подполковник. — Гражданин Каргин, вы задержаны по подозрению в организации договорных матчей и подкупе руководства команды соперника. Статья 184 Уголовного кодекса Российской Федерации.

— Бред какой-то... Клевета, — заявил Иван Захарович, слегка успокаиваясь.

— Да нет, Иван Захарович, не клевета, — произнес Бурцев, засовывая пистолет в кобуру. — За тренером Званцевым следило частное детективное агентство, и сейчас в нашем распоряжении имеются аудио- и видеозаписи вашей вчерашней беседы с Антоном Евгеньевичем в этом самом номере. Не верите? Тогда почитайте распечатку ваших переговоров.

Каргин взял протянутые Бурцевым листки с машинописным текстом, нахмурился. Сомнений не осталось — менты и впрямь располагали неопровержимыми уликами против тренера уральского «Обогатителя». Но почему они действуют так нагло, так грубо? Хотят договориться на деньги?

Скрепка обладал феноменальной памятью, тем более, что запись разговора между Званцевым и Каргиным он прослушал три раза кряду: сначала — сидя в серой «девятке», затем — у себя дома и, наконец, в «Одиссее» вместе с Коцюбой и Скворцовым. Поэтому он продиктовал Бурцеву диалог тренеров почти слово в слово:

«Голос Званцева: Опаздываешь, Иван Захарыч, нехорошо...

Голос неизвестного: Так ведь пробки-то у вас в Первопрестольной — не приведи Господь!

Голос Званцева: Выпьешь чего-нибудь?

Голос неизвестного: Рановато пить-то...

Голос Званцева: Как погода на Урале?

Голос неизвестного: Да брось ты, Антон Евгеньевич, к чему этот политес. Давай о деле...»

И так — вплоть до окончания разговора.

Каргин сопел и тянул время.

— Вы ведь понимаете, Иван Захарович, что наши эксперты быстренько установят, что неизвестный — это не кто иной, как вы. Не говоря уж о том, что мы располагаем видеозаписью.

— Где же они ухитрились спрятать видеокамеру? — злобно поинтересовался Каргин, продолжая лежать под нацеленным на него пистолетом Каморина.

— А в вазе для цветов, — усмехнулся Буров. — Старый шпионский прием. Вы книжки про шпионов читаете?

— Некогда мне всякой ерундой заниматься, — огрызнулся Каргин. — И давайте-ка к делу. Как я понимаю, этот ваш визит... как бы сказать... неофициальный, верно?

— Вы мыслите в правильном направлении, Иван Захарович, — кивнул подполковник. — Но, прежде чем мы с моим коллегой озвучим суть наших предложений, мне бы хотелось подстраховаться. Думаю, вы как деловой человек меня поймете. Я, знаете ли, пожил на свете, всякое случалось на моих глазах... Вот, прочитайте и подпишите.

Брови Каргина поползли вверх: это было не что иное, как его собственное, Ивана Каргина, чистосердечное признание в том, что он передал тренеру «Дружбы» Антону Званцеву тридцать тысяч долларов за договорную ничью на поле в «Лужниках»!

— Подписывайте, Иван Захарович, не сомневайтесь, — ободряюще проговорил Бурцев. — Вы ничем не рискуете, ведь все равно переговоры зафиксированы. А для меня — страховочка, мол, за что же тренер Каргин мог дать мне деньги, если он сам подписал чистосердечное признание?

— Ловко, — согласился уральский гость. Косясь на Каморина, он сел, положил бумагу на тумбочку и под диктовку Бурцева размашисто начертил: «С моих слов записано верно, мною прочитано». И — подпись.

Забрав бумагу, Бурав удовлетворенно хмыкнул:

— Порядок. А теперь расплатитесь с девочкой, и — вперед, на допрос в МУР! А потом — в изолятор временного содержания.

— Не понял...

— Странно! Чего ж тут непонятного-то? — с наигранным удивлением вскинул брови подполковник.

Иван Захарович перевел взгляд на Комара. Тот безмятежно улыбался.

— Ах, вот оно что! Провели, значит... Как пацана провели! Как лоха какого-нибудь... У меня же матчи национального первенства, сроки, блин! Сезон заканчивается! — в отчаянии схватился за голову тренер.

— Ну-ну, Иван Захарович, — примирительно проговорил Бурав. — Сроки, видишь ли, у него... Вам, любезный, теперь о других сроках думать надо, как бы их скостить посущественней. А то ведь за все ваши делишки, боюсь, прилично набежит...

Сквернословя, Каргин облачился в костюм, повесил на руку плащ и, кинув на постель триста пятьдесят долларов, криво улыбнулся девушке-альбиноске:

— Мы еще увидимся, крошка!

В МУРе главного тренера «Обогатителя» ждал еще один удар: он был допрошен в качестве подозреваемого по делу о ночной перестрелке в агентстве «Одиссей», повлекшей за собой шесть смертей. «К тому же, неопровержимо доказано, что ваши люди ранили представителей органов внутренних дел», — металлическим голосом заявил ему Бурав.

— Мои люди на поле мяч гоняют, — огрызнулся Каргин.

— Не только. Вчера по вашему распоряжению в Москву прибыла группа бандитов во главе со Станиславом Лещинским. Когда вы, как вам казалось, разговаривали с Лещинским о завершении ликвидации офиса «Одиссея», Король был уже мертв. Вы общались со мной. — И Бурав, передразнивая Каргина, пересказал их разговор по мобильному, а потом добавил: — Сказать, что случилось в «Одиссее»? Ваша четверка напоролась на полицейский наряд, и двое были убиты. А когда Лещинский и второй оставшийся в живых бандит выскочили на улицу, их расстреляли караулившие поблизости люди Званцева. Тренер «Дружбы» подставил вас, как мальчика, Иван Захарович, и смылся в Испанию. Ему там сейчас хорошо...

Каргин тяжело дышал, у него резко подскочило кровяное давление. Ничего, губернатор Бунякин вытащит его из этой ямы. А Званцев... С ним

Иван Захарович сумеет рассчитаться и за границей.

— Поскольку я — подозреваемый, то имею право не отвечать на вопросы. Требую адвоката.

— Адвокат вам будет предоставлен по предъявлении обвинения, — с готовностью согласился Бурцев. — То есть через десять дней. А пока отдохнете в нашем изоляторе. Свидания и передачи до предъявления обвинения не разрешены. Кому сообщить о вашем задержании?

Каргин дал телефон родичей жены. «Танюша не переживет моего ареста, — с неожиданной тоской подумал он. — У нее же сердце... Хоть бы любезная тещенька догадалась подготовить ее, не вываливать радостную новость одним махом! Сволочи... Все сволочи!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Спортивный комментатор радиостанции «Весна» Никита Вешний из международного аэропорта «Шереметьево-2» помчался прямехонько в свою студию на улице Восьмого марта.

Из студии он позвонил в службу дежурного по городу ГУВД Москвы и, разыскав там капитана Серенького, в знак дружбы (и, разумеется, за определенный дензнак) попросил зачитать перечень основных происшествий за минувшую ночь.

Внимание Вешнего остановилось на побоище возле детективного агентства «Одиссей» — банду уральцев уничтожила полиция в связке с какими-то качками, имевшими пропуск на спортивную базу «Дружбы». Правда, потом этих «дружбанов» прикончили омоновцы — то ли по ошибке, то ли при задержании.

Как бы то ни было, уже в десять утра Никита Вешний вышел в эфир с сенсационными разоблачениями спортивной мафии, причем на самом высоком уровне.

А в полдень, обвешанный аппаратурой, он заявился в отдел убийств Московского уголовного розыска. Вернувшись в свой кабинет после утренней «летучки» у Хлынова, Бурав застал довольно комичную картину: суетливый, кудрахчущий репортер наседавал на растерянного Комара.

— В чем дело? — грозно рявкнул подполковник. — Кто вы такой, как здесь оказались?

— Никита Вешний, радиостанция «Весна», — отрекомендовался журналист. — А пропуск — вот он, пожалуйста, секретариат начальника МУРа выписал...

— Что ж... Какие вопросы? Только побыстрее.

Узнав, что Вешнего интересует стычка между людьми Званцева и Каргина, а также информация о договорной ничьей в «Лужниках», Бурцев заговорил:

— Выключи, парень, свою аппаратуру и слушай. Розыск по этим делам веду я, старший оперуполномоченный Бурцев Максим Юрьевич. Я не подтверждаю и не опровергаю твою информацию о том, что возле агентства «Одиссей» состоялось побоище между бандитами Званцева и Каргина. Но одна группа действительно была с Урала, а у другой обнаружили пропуска на базу «Дружба». Теперь по поводу договорных матчей. Можешь включить запись. Хм... — Подполковник откашлялся и продолжил официальным тоном: — По имевшейся у нас оперативной информации вчера должна была состояться тайная встреча Званцева и Каргина, на которой Каргин передаст Званцеву крупную сумму денег в обмен на гарантию ничейного результата матча между «Дружкой» и «Обогатителем» на поле в «Лужниках». К сожалению, государственные правоохранительные органы не обладают необходимой в таких случаях высококачественной аппаратурой слежения, а также достаточным штатом сотрудников. И нам пришлось обратиться за помощью в частное детективное агентство «Одиссей». Законом такое сотрудничество предусмотрено и поощряется. Результатом совместных действий стало подтверждение информации о планируемом договорном матче. И действительно, как известно, игра закончилась со счетом «один-один». Под грузом неопровержимых улик тренер «Обогатителя» Иван Каргин сегодня написал чистосердечное признание и раскаялся в том, что он передал тренеру «Дружки» Антону Званцеву тридцать тысяч долларов наличными. В настоящее время Каргин задержан по подозрению в совершении других преступлений, которые квалифицируются как тяжкие. Главный тренер «Дружки» Антон Званцев сегодня утром бежал за границу и находится в международном розыске. У меня все.

Счастливый Вешний, кланяясь, как болванчик, выскочил за дверь, а Комар удивленно спросил Бурава:

— Первый раз слышу, как ты интервью даешь! Да еще такое... Ты ж обычно журналистов взащей гоняешь!

— Видишь ли, Комар, тут случай особый. Узнав, что Каргин написал чистосердечное признание, от него тут же отрекутся все его высокопоставленные дружки. Иван Захарыч лишается покровителей и на Урале, и в Москве, он — в изоляции! Вот, кстати, зачем нужен был наш налет на отель «Блиц». Далее, мы добились Званцева — я ведь не знаю, какие у него связи на самом верху... Поэтому очень важно привлечь общественное внимание к этому прохиндейству с договорными матчами. А то ведь как в наше время бывает: отсидится человек на курорте, переждет бурю и, как ни в чем не бывало, возвращается к своей руководящей работе. Нет, теперь уж миллионы болельщиков не позволят Званцеву вернуться в президентское и тренерское кресло популярного клуба... Хотя, может, я и наивно рассуждаю, время покажет...

Академик Анатолий Ардашкин, которого уже двенадцать лет знали как заслуженного пенсионера Юрия Георгиевича Маслова, сидел за своим обычным столиком в ресторане клуба «Монреаль» и по привычке чертил в альбоме замысловатые рисунки тушью. Этот клуб они открыли вместе с Альбертом Жучинским еще в 1991 году, незадолго до разгона секретного НИИ Минобороны в Домодедовском районе. Теперь Жучинский — в мире ином, и уже никогда не сможет поведать кому бы то ни было об их давнишних совместных аферах. Равно как и предъявить финансовые претензии к Анатолию Семеновичу (или — Юрию Георгиевичу, как вам будет угодно).

Конечно, Альберт не мог знать о том, что «самоубийство» академика Ардашкина было

инсценировано осенью 1991 года специалистами из Конторы — так с незапамятных времен именовались отечественные спецслужбы. Анатолию Семеновичу изменили внешность, имя, биографию. Время тогда было лихое, непонятное, и некоторые из чекистов «новой формации» были заинтересованы в том, чтобы вывести Анатолия Семеновича из-под удара, сохранить его «про запас». Потому что академик Ардашкин был не просто ценным, осведомленным кадром, но и ведущим советским разработчиком в сфере дистанционного влияния на тот или иной субъект.

Корректировка мышления, поведения и устремлений человеческой личности — вот тот профессиональный конек, который позволил Анатолию Семеновичу еще в брежневские времена подняться на вершину научной и гэбэшной иерархии. В донесениях Комитета госбезопасности Ардашкин проходил под кодовым псевдонимом «Корректировщик». Но главным детищем академика был созданный им еще при Черненко секретный научно-исследовательский институт министерства обороны, чьи корпуса стояли посреди леса в Домодедовском районе.

Ардашкин сумел убедить военное и партийное руководство страны, что современной науке и лично ему вполне под силу создать так называемое психотропное оружие, способное не только деморализовать армии противника, но и заставить их истреблять друг друга. Сам академик в такую перспективу, откровенно говоря, не верил. Научная и финансовая база были нужны ему совсем для других целей. И институт, безбедно просуществовавший в течение семи лет, до 1991 года, не только принес Ардашкину солидное состояние, но и вполне оправдал его тайные замыслы.

Впрочем, сама идея принадлежала не Анатолию Семеновичу, а безвестному молодому врачу по фамилии Груздин, который в конце 70-х опубликовал в журнале «Наука и жизнь» любопытнейшую статью. Суть ее сводилась к тому, что в окружающем нас мире существуют невидимые взаимосвязи между живой и неживой природой, человеческой психологией и материальным миром. Груздин опирался в статье на учение средневекового врача Парацельса, добившегося удивительных результатов в лечении тяжелейших болезней с помощью «пересадки» недуга из организма человека в дерево, животное или близкого родственника умирающего.

Академик взглянул на приоткрывшиеся перспективы гораздо шире. Можно прогнозировать поведение конкретного человека, влиять на него и изменять судьбу данной особи в зависимости от его, Ардашкина, интересов. Причем человек будет уверен, что действует по своей воле и в полном соответствии с обстоятельствами. Но для подобной «корректировки» необходимо располагать обилием данных о человеке. Для того-то и был построен в начале 1991 году в центре столицы претенциозный игорно-развлекательный

клуб «Монреаль». Туда, в подвальное помещение клуба, Ардашкин сумел переправить массу институтской аппаратуры, которая чутко фиксировала все медицинские, эмоциональные и психологические данные о посетителях.

Само собой, всех этих данных, беспристрастно сканируемых суперсовременными приборами, было недостаточно для того, чтобы превратить человека в марионетку. Это была лишь основа для создания системы управления личностью. Как систематизировать тысячи разнородных показателей, свести их к простейшему уравнению с одним-единственным решением?

Ардашкину пришла в голову до удивления простая мысль: существуют некие постоянные величины, объединяющие большое число составляющих компонентов человеческой личности. Эти постоянные величины (константы) и добывались научным ядром секретного НИИ Минобороны. Константы зашифровывались в виде геометрических фигур, затем они вводились в компьютер. Оператор, то есть сам Анатолий Семенович, задавал задачу, и на дисплее возникало подобие мозаики с одним пустым кусочком. Конфигурация «окна» расшифровывалась, и появлялось решение задачи — зачастую неожиданное, но всегда очень простое.

В далеком 1991-м, к моменту закрытия института, основные «постоянные величины» были уже открыты, и Ардашкину оставалось лишь доработать свою систему. Полигоном стал клуб «Монреаль», куда стекался чуть ли не весь столичный политический и деловой бомонд. И никто не знал, что многие решения руководства страны принимались под непосредственным воздействием скромного пенсионера Юрия Георгиевича Маслова...

Но политическая деятельность не прельщала Ардашкина-Маслова. Манипулировать людьми

ми в своих интересах, двигать ими, как фигурами на шахматной доске, — вот наслаждение выше полового. Есть такие игроки, которые не стремятся кратчайшим способом поставить мат противнику, а видят прелесть игры в том, чтобы методично истреблять его фигуры. Именно к таким игрокам и относился Анатолий Семенович Ардашкин. Его, как принято говорить, увлекал сам процесс...

К примеру, чтобы убраться Жучинского, Анатолию Семеновичу оказалось достаточно, чтобы Ходжанян в нужное время появился в московском ресторане «Армения». Там он познакомился с Викторией Фирсовой, и остальная цепочка событий происходила уже без вмешательства «дирижера».

Жучинский и Ходжанян, возможно, не представляли реальной угрозы спокойствию Анатолия Семеновича, но все-таки лучше бы их не было вообще. Тем более что неплохо лишний раз испытать налаженную систему. И все прошло как нельзя лучше: как говорится, иных уж нет, а те — далече. Альберт Васильевич — в могиле, Рубен — в тюрьме. И никому не придет в голову, что трагедией на лодочной станции управлял таинственный дирижер, притаившийся в подвале элитного ночного клуба. Все внимание зрителей было приковано к исполнителям, им и досталась вся «слава». Академику Ардашкину она была не нужна — для него имел значение лишь конкретный результат.

Устранить со спортивного Олимпа тренеров Званцева и Каргина Анатолию Семеновичу заказал президент профессиональной футбольной лиги Катанян. Ардашкин уже не раз брался за подобные высокооплачиваемые задания — то по просьбе Конторы, то со стороны влиятельных личностей. Катанян не настаивал на смерти Званцева и Каргина, главное — чтоб их должности оказались вакантными. Что ж, задача была вполне по силам академику Ардашкину. Компьютер выдал нелепое, на первый взгляд, решение: для того, чтобы произвести переворот в высшей лиге отечественного футбола, требовалось лишь положить в почтовый ящик Антона Званцева новомодный скандальный журнал со статьей о сексуальной жизни спортивных звезд. И супруга тренера «Дружбы» завелась, обратилась в сыскное агентство «Одиссей»...

Ну, а смерть Коцюбы, поломанная судьба Михаила Скворцова? Убийство Николая Харина? Господь свидетель, ничего подобного Анатолий Семенович не планировал и своей «программе» не заказывал. Выходит, три эти трагедии были как бы попутными, мимолетными событиями! Или, если угодно, всего лишь рядовыми звеньями в цепочке событий, ведущих к цели — смещению двух тренеров высшей футбольной лиги. Для «программы» — столь же равноценные кусочки «мозаики», как, например, заказ Ольги Званцевой на слезку за своим мужем или съем девушки-альбиноски тренером Каргиным...

А что? Программа получила конкретную задачу, она лишена эмоций и способности осознавать тяжесть трагедий. Для нее смерть и обед в ресторане «Арагви» — всего лишь пунктики, не имеющие никакой нравственной окраски. Вот так-то.

Как человек с гипертрофированным воображением, Анатолий Семенович в очередной раз на мгновение ужаснулся: насколько же бездушно и бесчеловечно его изобретение! Впрочем, в этом содрогании был и страх за себя самого. А ну как он задаст программе цель, и ради ее скорейшего достижения в схему будет заложена его собственная, академика Ардашкина, гибель? А он даже знать об этом не будет, как не ведал о предстоящих смертях Николая Харина и Виктора Коцюбы...

Анатолий Семенович встряхнулся и решительно отогнал от себя эту мысль. Уж ему-то как ученому должно быть хорошо известно, сколь ничтожна степень вероятности того, что автора программы «случайно» зацепит рикошетом. Хотя... Он ведь заказывает те события, что будут развиваться в непосредственной близости от него самого, его прошлого и настоящего...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Когда ближе к вечеру на квартиру к Скворцову нагрянули муровцы, а с ними — оперативники из райотдела и следователь Шаравин, Михаил Александрович, как ни странно, повел себя спокойно и с достоинством. Заместитель убиенного Коцюбы не пытался изобразить ни удивление ни возмущение. Как-то отстраненно ознакомился с постановлением о проведении обыска и сел в уголке, тихо насвистывая себе под нос. Соседи-понятые виновато по-

глядывали на него, будто это они вызвали милицию и жаждут упечь Михаила Александровича за решетку.

— Что хоть ищем-то? Может, скажете? — лениво бросил Скворцов оперативнику из местного отдела полиции.

— Документики ищем, добытые незаконным путем, — строго ответил за него Каморин. — Микропленки, взятые вами со стола убитого Коцюбы.

— А-а... — протянул Михаил Александрович. — Ну-ну, как говорится, Бог в помощь. А я вам помогать не стану.

Тут к задержанному мягко подсел подполковник Бурцев и чуть не полчаса что-то вполголоса объяснял ему, показывая некие документы и выкладки.

— Я все понял, коллега, — махнул рукой Скворцов. — Такие убийства надо загодя готовить, а я действовал в состоянии аффекта. Вот какие вы будете испытывать чувства, если на ваших глазах вас форменным образом грабят? Причем на очень крупную сумму? Нагло залезают вам в карман! А? Именно так я воспринял действия Коцюбы, когда он поджег пакет с микропленками. Какого лешего он решает все в одиночку, почему демонстративно плюет на меня? Ведь я столько лет был его правой рукой, без меня никакого агентства не было бы! Вы понимаете? Ну, ринулся я на него, не помня себя от ярости, а он жилистый мужик был, так просто не одолеешь... Тут ножницы на столе блеснули, а Коцюба уже извернулся, вот-вот вырвется. Я и ударил его ножницами, сам не видел, куда. Да, как выяснилось, убил...

— Удар был смертельным, тут вы действовали четко, — мрачно произнес Бурцев. — Но вами была допущена другая ошибка, и она будет вам очень дорого стоить.

— Да, я ошибся. В тот момент мне и в голову не могло прийти, что эти хохлы-рабочие, кладущие бетон, выдадут меня с головой! Ну, не они сами, а их работа. Вот что значит — сознание помрачилось. Ведь дураку ясно, что бетон застывает черт-те сколько времени, и значит, Коцюба из кабинета выйти не мог. Потому что если бы он вышел до начала работ, вслед за мной, то не смог бы туда снова зайти, не оставив вмятин на бетоне...

— Вы-то, Михал Саныч, в состоянии нервозности этого не учли, но даже я, человек, в общем-то, хладнокровный, не сразу понял, в чем ваша промашка, — вздохнул Бурцев. — Интуиция подсказывала мне, что убийца — вы, и что у меня перед самым носом — неопровержимые доказательства. Но сформулировать их я сумел только сегодня за обедом. Бетон затвердевает примерно за 9-10 часов. Класть его рабочие начали около шести вечера. Естественно, стартовали они от запертой вами двери в кабинет Коцюбы — она ведь в самом конце коридора. И «замуровали» по-

койника. В четыре утра, когда бетон окончательно застыл, появился Антон Званцев «со товарищи», увидел труп, но своих планов не изменил. Вскрыл сейф, и, не найдя микропленок, ушел из помещения. Потом в кабинете побывал Шашнев, забрал из сейфа деньги и попался в руки милиции.

— Скажите, Максим Юрьевич, — вдруг встрепенулся Скворцов, — а вы, случайно, не на понт меня берете? Ведь теоретически Коцюба мог вернуться в агентство около четырех утра, пройти, не оставив следов, по затвердевшему бетону, и уже в кабинете столкнуться с убийцей — ну, скажем, тем же Шашневым или людьми Званцева.

— Да нет, Михал Саныч. — Бурав положил ему руку на плечо. — Дело в том, что эта спасительная для вас версия в данном случае неприемлема. Как установила экспертиза — вот, смотрите, я даже готов показать вам заключение — смертельный удар был нанесен Коцюбе не позже, чем в два часа ночи. А бетон в то время еще был мягковат... Так что, кроме вас никому было убить Виктора Николаевича, и сделать это вы могли только в шесть вечера — ни раньше, ни позже.

Мужчины помолчали.

— Ну, что, Михаил Александрович, вы не надумали отдать нам микропленки с компроматом на Званцева и Каргина? Я же понимаю, что самим нам их не найти, вы же профессиональный конспиратор...

— Так ведь они сгорели, Максим Юрьевич, — лукаво улыбнулся Скворцов.

— Совершенно верно, для вас — все равно, что сгорели, потому что применить их в качестве средства шантажа вы уже не сумеете. Дело в том, что Каргин написал чистосердечное признание в том, что дал взятку Званцеву в обмен на ничейный счет — вот оно, это при-

знание. А Званцев рано утром бежал за границу... И вот представьте, вы будете париться на зоне — пусть и недолго, но посидеть-то за непредумышленное убийство все-таки придется — а эти два разъевшихся борова будут жить-поживать, добра наживать. Поскольку, сдается мне, испанцы господина Званцева нам не отдадут, а Каргин в худшем для него случае отделается условным сроком и запретом на дальнейшую тренерскую работу. Так-то, господин Скворцов. Но ведь, по сути, именно из-за их криминального сговора у вас приключились все нынешние неприятности. Подумайте, Михаил Александрович...

— Да что уж думать-то, — вздохнул Скворцов. — Не успели сгореть микропленки, нате, берите...

Он подошел к окну, распахнул его. На какой-то миг Комару показалось, что Скворцов сейчас воспользуется моментом и бросится вниз, с восьмого этажа, но Михаил Александрович, разумеется, и не помышлял кончать жизнь самоубийством. Он свесился через подоконник, запустил руку в щель между жестью и кирпичом и вытащил пластиковую колбочку.

— Держите, и скажите своим людям, чтоб заканчивали рыться в моем белье. Ничего там интересного нет...

Через час Михаил Скворцов сменил Скрепку в одиночной камере изолятора временного содержания при ГУВД Москвы. А Вальку Шашнева препроводили в кабинет Бурава и Комара.

— Ну, Валентин, что же мне с тобой делать? — вздохнул, демонстрируя озабоченность Валькиной судьбой, подполковник Бурцев. — Похоже, опять придется тебе лапти шить...

— За что, начальник? — привычно заныл Скрепка. — Я же никого не убил, все честно рассказал, помог следствию найти преступника!

— Герой, значит? — прищурился Бурав. — А десять с половиной тысяч долларов, которые ты похитил из сейфа Коцюбы?

— Так ведь я не истратил их, всего-то минуту в руках и подержал...

— Н-да... С одной стороны, ты, конечно же, вор-рецидивист, обокравший мертвого начальника. Плюс незаконная слежка за тренером Званцевым — а за это тоже уголовная статья предусмотрена.

Валька плаксиво скривил губы.

— Но можно взглянуть на все это и по-другому, — продолжал Бурав. — Ведь ты решил завязать с прошлым, работать честно. Устроился внештатным сотрудником в детективное бюро. Не твоя вина, что начальник поручил тебе незаконную слежку за тренером, ведь ты в законах не больно-то разбираешься, верно?

— Верно, — эхом отозвался Скрепка.

— Теперь насчет денег. Мы-то с тобой прекрасно понимаем, что ты их украл. Но фактически ты сделал вот что. Увидев в открытом сейфе стопку, напоминающую пачку долларов, ты не удержался и решил убедиться — действительно ли это валюта. Ты даже в карман себе деньги не положил, держал их в руках, когда вошли милиционеры... Так?

— Так, — кивнул Валька, хотя на самом деле пачку «зеленых» у него извлекли из-за пояса. — Я согласен, гражданин начальник!

— На что это ты согласен? — удивился Бурав.

— Как на что? — ухмыльнулся Шашнев. — Вы же меня вербуете в качестве ментовского осведомителя, верно? Что я, совсем маленький, что ли...

— Молодец, догадливый. Такие нам и нужны, — кивнул Бурцев.

— Только вот что, гражданин подполковник... Там ведь мои кровные пятьсот долларов были, которые мне Коцюба за честно выполненную работу заплатил. Мне ведь жить на что-то надо, я ж теперь безработный...

— Насчет работы что-нибудь придумаем, не переживай. А вот насчет пятисот долларов... Так и быть, я напишу постановление, что согласно проведенному дознанию деньги принадлежат тебе и их преступное происхождение не доказано. А то еще и впрямь воровать пойдешь... Все, свободен, позвонишь через пару дней.

Когда Скрепка, ссутулившись, покинул кабинет, Комар спросил Бурава:

— Слушай, ты же совсем недавно его мерзавцем называл, а теперь вроде как доверие ему оказываешь?

— Гм... Как там говорил дедушка Ленин: «Иной мерзавец именно тем и полезен нам, что он мерзавец». Это, брат, марксизм...

Подполковник ткнул кнопку радиоприемника: то ли случайно, то ли специально он был настроен на волну радиостанции «Весна». Из динамиков послышался захлебывающийся голос Никиты Вешнего:

«Старший оперуполномоченный МУРа, опытный сыщик подполковник Бурцев, который проводит розыскные мероприятия по делу Званцева и Каргина, заявил в интервью нашей радиостанции буквально следующее...»

К чести Никиты Вешнего, он почти не добавил никакой отсебятины в тот текст, что наговорил ему Бурав. Дослушав спортивный выпуск, который целиком был посвящен скандальному разоблачению договоренностей между тренерами «Дружбы» и «Обогатителя», подполковник деланно зевнул и потянулся:

— Ну, что, Комар, по домам? Кажется, мы свое дело сделали.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Гена Пищик, бывший опорный полузащитник футбольной команды «Дружба», давно превратился из жизнерадостного паренька в хмурого, подозрительного и жестокого субъекта. И дело не только в лагерных уроках — во все нет. Когда Пищик, осужденный на четыре года за разбойное нападение, очутился на зоне, его встретили там чуть ли не с распростертыми объятиями. То, что полузащитника прекрасно знала по футбольным подвигам вся лагерная братва — это полдела. Главное — начальник зоны был потомственным болельщиком «Дружбы». И Гену поселили в административном здании, питали отменным харчем (по лагерным, разумеется, меркам). А в довершение этого потока благ, сыпавшихся на Пищика, как из рога изобилия, ему был предоставлен в пользование хоть и убогий, но все-таки мало-мальски оснащенный тренажерами спортивный комплекс для лагерного начальства. Имелась здесь и довольно неплохая сауна.

Три года Пищик гонял мяч в команде «вертухаев». Главное управление исполнения наказаний постановило проводить своего рода спартакиады между персоналом российских колоний, и Гена числился в команде своей ИТК «надзирателем Трухно». За каждый забитый гол Гена получал «право очередной ночи» — для него выписывали с воли девицу.

Но Гена так и не прочувствовал всей прелести своего исключительного положения. С того дня, как товарищи по команде «Дружба» подставили его, угостив в раздевалке пивком (за что Пищика и вышвырнули из клуба), Гена был надломлен и замкнут. Дорого обошелся опорному полузащитнику его выпад против Антона Званцева, открытое осуждение практики договорных матчей. И Гена понял для себя, что «в жизни правды нет, а есть цинизм и бабки».

Освободившись досрочно, Пищик пил две недели без просыха, а потом враз очухался. Хорошо, так и загнуться недолго. Гена сходил в баню, затарился минералкой и возвращался домой, когда увидел в своем почтовом ящике торчащую газету. Странно, он отродясь ничего не выписывал. Пищик потянул газету, и к его ногам упал увесистый конверт. Гена развернул — деньги. Радужные разводы купюр зарябили в глазах. А вот и записка. Трясущимися руками Пищик развернул клочок бумаги и прочитал едва ли не по слогам: «Это аванс за твою предстоящую работу». Где-то он это уже слышал, кажется, в кино...

Кроме денег и записки, в конверте была еще и карточка временного члена клуба «Монреаль», оформленная на его имя. Понятно, значит, все инструкции Пищик должен получить именно там.

В интимном полусумраке ресторана клуба «Монреаль» сдержанно позванивали бокалы, невидимый струнный квартет играл мелодию Грига. Щуплый парень с короткой стрижкой, одетый в линялые джинсы, кроссовки и кожаную куртку неопределенного покроя неуверенно озирался по сторонам, топчась на входе в этот чертог сытости, легкого опьянения и довольства жизнью.

Некоторые из сидящих за столиками брезгливо поморщились: не для того уважающие себя люди посещают клуб «Монреаль», чтобы сталкиваться здесь с подобными типами. И как это секьюрити пропустила сюда этого жалкого оборванца?

А пропустили Гену Пищика, бывшего опорного полузащитника футбольной команды «Дружба», по одной веской причине — на входе Гена, запинаясь и покашливая, промямлил, что у него здесь встреча, вот только неизвест-

но с кем... И выложил карточку временного члена клуба. Прочитав фамилию «нестандартного» гостя, охранник тут же связался по внутренней связи с распорядителем клуба Вениамином Егоршиным, выслушал его короткое распоряжение и с преувеличенной вежливостью предложил Пищнику пройти в ресторан.

Гена озирался недолго, к нему уже спешил толстяк Егоршин, сухо, поделовому приветствовал диковинного посетителя и указал ему на столик в углу, где расположился господин Маслов.

Юрий Георгиевич (он же — Анатолий Семенович Ардашкин) с неудовольствием оглядывал человека, которому собирался поручить весьма ответственное дело. Что он, не мог одеться поприличней, что ли? Соображать же надо! Впрочем, излишняя сообразительность при выполнении той миссии, которую уготовал Пищнику академик Ардашкин, только создала бы дополнительные проблемы.

— С возвращением вас, Геннадий Палыч, — слабо улыбнулся Ардашкин, когда Гена уселся напротив него.

Испанская пресса уделила персоне Антона Званцева довольно заметное место. За несколько дней бывший тренер сборной России и футбольной команды «Дружба» успел дать несколько обстоятельных интервью. Академик Ардашкин, скачавший из интернета интересующие его материалы, подчеркнул красным фломастером одну-единственную фразу из всей этой лирики, как он обозвал про себя пафосные заявления Званцева. А именно, Антон Евгеньевич сообщил испанской общественности, что большую часть времени проводит на своей яхте «Парадиз», с упоением ловит средиземноморскую рыбку. Клюет ли? Да, клюет.

Каталонский журналист обстоятельно, чуть ли не метр за метром, описывал виллу господина Званцева, рассказывал, как отыскивал ее на побережье в окрестностях Барселоны. Что ж, спасибо тебе, неведомый борзописец, низкий, как говорится, поклон...

Крупный игрок должен играть на крупные деньги, ведь мерило успеха в игре — это реальный, исчисляемый цифрами выигрыш, а не только радость от победы. А потому теперь, по логике вещей, академику полагалось завладеть банковским счетом Антона Званцева, на который тренер перевел авуары футбольного клуба.

Председатель правления банка «Норд-Вест» Вадим Биланов был давнишним клиентом клуба «Монреаль». Ввести банкира в рассеянное состояние, пребывая в котором он и написал на салфетке секретный номер анонимного счета в Швейцарии, не представляло труда. Теперь посланец академика может спокойно прибыть в Цюрих, назвать последователь-

ность из одиннадцати знаков и перевести деньги на Багамы, в «Бэнк оф Нассау», на номерной счет Юрия Георгиевича Маслова.

Но товарищи дорогие, а есть ли в Цюрихе искомые миллионы футбольного клуба «Дружба»? Может ли нормальный человек чувствовать себя уверенно, если он знает, что его швейцарский номерной счет известен еще кому бы то ни было, в данном случае — банкиру Биланову? А тренер Званцев вполне нормален. До того нормален, что, прилетев в Барселону, он, конечно же, первым делом отправился в тамошнее отделение своего швейцарского банка и отдал распоряжение перевести всю сумму из Цюриха в другой банк. В какой же, скажите на милость? Скорее всего, Антон Евгеньевич будет, как и прежде, использовать свой запасной счет на Кипре, в Никосии. Давненько академик дожидался, когда же, наконец, туда поступят настоящие деньги, а не какие-то крохи, получаемые тренером за ненавязчивую рекламу отечественных сигарет. Номер счета в Никосии знал только сам Званцев. Ну, и, разумеется, Анатолий Семенович Ардашкин. Тренер несколько месяцев назад допустил свою традиционную оплошность: «обмывая» в клубном ресторане очередной рекламный контракт, прямо отсюда связался с кипрским банком по мобильному телефону. Эх, Антон Евгеньевич, как был ты деревенщиной, так и остался, видно, вахлацкой закваски до конца никогда не вытравить. Тебе бы колхозом командовать, а не финансовые махинации проворачивать!

Как бы то ни было, в Цюрихе посланцу господина Маслова делать нечего. Он отправится на средиземноморский «остров любви» — так, кажется, именуют Кипр в рекламных проспектах? И там же, на этом дивном острове, после выполнения задачи, посланец должен

будет закончить свои земные дни. Если, конечно, все пойдет по сценарию и не придется вводить спешные коррективы.

Что же касается банкира Биланова... Пожалуй, ему тоже не стоит задерживаться на этом свете. В конце 80-х — начале 90-х Вадим Викторович Биланов, которого близкие знакомые называли Биллом, трудился секретарем Домодедовского горкома партии. Он и академик Ардашкин частенько встречались, поскольку секретный институт территориально располагался в Домодедовском районе.

Биланов был в курсе многих сторон деятельности секретного НИИ Минобороны, расположенного на подотчетной ему территории. Более того, он был прекрасно осведомлен о причинах двойного убийства юных домодедовских проституток. Правда, тогда, в 1991-м, Биланов исправно держал язык за зубами, да еще и помог Ардашкину, всячески — не мытьем, так катаньем — мешая следствию.

Недавно Анатолий Семенович как бы случайно разговорился с Вадимом Викторовичем в клубном ресторане. Билл, разумеется, не узнал академика, сменившего личину, но голос-то у Анатолия Семеновича остался прежним. Тот самый голос, которым он когда-то наводил страх на подмосковного партийного босса. Страх до дрожи в коленях. И Биланов, как явственно ощутил академик, напрягся, в глазах его появилась льдинка застарелого испуга...

О том, кем на самом деле являлся неприметный старичок, завсегда шикарного клуба, был осведомлен лишь номинальный хозяин заведения Вениамин Егоршин. Знал Егоршин и о наличии в подвале мощнейшей электронной аппаратуры. И рано или поздно академику придется избавиться от этого человека, тем более, что Егоршин в последнее время «расслабился», стал здорово поддавать и увлекся азартными играми. А это все равно, как если торговец наркотиками сам начнет колотиться — таких тут же убирают подельники.

Была в этом списке еще одна фамилия, которая то появлялась, то вычеркивалась: Груздин. Сергей Сергеевич Груздин, судмедэксперт. Опасен ли он сейчас? Может ли он «вычислить» Ардашкина? Ведь, что ни говори, Груздин, будучи судмедэкспертом, то и дело сталкивается по роду своей работы с «плодами трудов» академика... Выходит, нужно ликвидировать этого скромного медика, который, возможно, уже забыл и об Ардашкине, и о своих юношеских фантазиях?

Хотя нет, об Анатолии Семеновиче доктор Груздин вряд ли забыл. Когда в 1984 году Ардашкин возглавил созданный им же секретный научно-исследовательский институт Министерства обороны СССР, он первым

делом разыскал автора статьи в «Науке и жизни». Выяснилось, что Сергей Груздин после своей смелой публикации был лишен преподавательской работы в Первом медицинском институте, уволен из НИИ скорой помощи им. Н.В.Склифосовского... Ему инкриминировали так называемое разложенчество (это модное когда-то на партсобраниях словечко почему-то ассоциировалось в сознании академика Ардашкина с понятием «мужеложество» — и фонетически, и по смыслу). Пострадал и главный редактор журнала «Наука и жизнь» — его сместили с должности и назначили замом в какое-то отраслевое издание. За «ненаучную мистификацию» — как будто мистификация бывает научной...

И надо же! Всего могущества академика Ардашкина, который к тому времени стал генерал-майором КГБ (что, естественно, не афишировалось), так вот всей мощи генерал-академика не хватило для того, чтобы решить, казалось бы, пустяковый вопрос, а именно — зачислить на работу в свой секретный НИИ молодого кандидата медицинских наук Груздина. И в министерстве обороны, и в КГБ Ардашкину недвусмысленно дали понять, что если он рассчитывает и в дальнейшем опираться на поддержку этих структур, то обязан согласовывать с ними свою кадровую политику. А что касается Груздина, то он навсегда попал в «черные списки» госбезопасности.

Просто умора: всяких прохиндеев-шарлатанов, этих недоделанных экстрасенсов и гуру — пожалуйста, оформляй на работу хоть батальонами, а одного талантливого медика-аналитика — ни-ни, не положено, он ведь «разложенец»...

И сейчас, на склоне лет, Анатолию Семеновичу было почему-то жаль своего давнего вдохновителя. Какая-то непонятная сентимен-

тальность удерживала академика от ликвидации Груздина. В конце концов, каким образом этот спивающийся врач может догадаться о том, что его забытая статья обрела свое воплощение?

Пять лет назад, когда Груздин был еще честолюбив и энергичен, Ардашкин попробовал прибегнуть к половинчатым мерам — жене доктора был успешно привит рак. И что же? Этого оказалось достаточным, чтобы Груздин сломался, превратился из талантливого ученого в обычного муровского служаку. И оттого Анатолию Семеновичу было особенно приятно, если именно Груздин констатировал результаты хитроумных комбинаций академика, устанавливал причину и время смерти его жертв.

Исключительно нравился Ардашкину и подполковник Бурцев по прозвищу Бурав. На удивление точное прозвище! Даже академик не додумался бы до такого. Бурцев — именно тот человек, который нужен для четкого осуществления поставленных Анатолием Семеновичем задач. Умнейший сыщик, с таким и дело иметь приятно. Ведь чем хорош умный человек? Тем, что он, в отличие от дурака, заранее предсказуем. Ардашкин подбрасывает Бураву очередное запутанное дело, и вполне уверен, что Бурцев раскроет его, найдет непосредственного исполнителя воли Корректировщика. И таким образом исполнитель становится жертвой в руках правосудия. А вся прелесть игры заключалась в том, чтобы убийца как раз и понес наказание — ведь он изначально был в черном списке академика.

Конечно, рано или поздно придется кончать и с Бурцевым. Может статься, что этот умник сумеет распутать клубок изящной игры академика. В конце концов, всего не предусмотреть, ведь не может же Анатолий Семенович, в самом-то деле, сверять с компьютерной программой каждый свой шаг. Не для того она создавалась, чтоб подчинять ей собственную жизнь.

Ардашкин хорошо помнил оперативника еще по 1991 году. Именно Бурцев тогда разыскивал убийцу подмосковных гейш, вынюхивал его след в окрестностях секретного института, а потом даже добился от Минобороны разрешения на допросы сотрудников НИИ — включая директора и его замов. Тогда дело прикрыли, слишком уж влиятельные фигуры были в нем замешаны. Но Бурцев успел показать свои клыки, и во многом из-за его стараний секретный институт был-таки разогнан.

Жаль, что Ардашкин не может влиять на судьбу и поведение самого подполковника Бурцева — для этого надо как минимум обладать базой данных о его личности. Но как вынудить неприятельного Бурава стать членом претенциозного клуба «Монреаль» или хотя бы два-три раза посетить элитное заведение? Пожалуй, над этим стоит подумать...

Коль скоро господин Званцев сумел уйти от судебной ответственности за взятки и финансовые махинации, прокуратуре не оставалось ничего другого, как хотя бы арестовать счета футбольного клуба «Дружба» и провести их аудиторскую проверку. Однако тут же выяснилось, что денежки из коммерческого банка «Норд-Вест» были в ночь перестрелки у сыскного агентства «Одиссей» переведены в Цюрих, на номерной анонимный счет.

Это называется — здрасьте, приехали! Но, с другой стороны, чему тут удивляться? Ведь не поехал же господин Званцев в Испанию без гроша в кармане, в самом-то деле. Не думал же он устроиться там каким-нибудь младшим помощником заштатного футбольного клубишки... А счет у «Дружбы» в банке «Норд-Вест», благополучно переведенный в Швейцарию, был не хилым: около восьми миллионов долларов. Жить, как говорится, можно.

И что теперь — ждать, когда Генпрокуратура честь по чести оформит прошение к швейцарским властям об аресте авуаров Антона Званцева? Ну, допустим, это произойдет через энное количество месяцев. Но счет-то не именной, а анонимный. Поди отыщи его среди сотен таких же номерных счетов, по которым получить деньги может любой, кто знает цифровую комбинацию. Да тот же Званцев уже вполне мог переправить свои «тугрики» на другой счет.

Впрочем, у Максима Бурцева не было других вариантов действий, кроме как попытаться потянуть за швейцарскую ниточку. Увлечшись охотой, будто разгоряченная гончая, он как-то упустил из виду, что финансовые аферы и банковские хищения — не его сфера сыска. Нашел убийц Жучинского, Харина и Коцюбы —

честь тебе и хвала, а теперь отвали — вот как рассуждал бы любой другой оперативник на месте Бурава. Но не таков был подполковник Бурцев.

«Сдается мне, Комар, что номер счета в швейцарском банке знает и председатель правления «Норд-Веста» Вадим Биланов, — привычно теребя нос, пробурчал как-то подполковник. — На свидетельском допросе он сказал, что Антон Званцев прибыл в банк к открытию, в восемь тридцать утра, лично ввел в компьютер секретный шифр и произвел перевод восьми миллионов долларов, Бог знает на какой счет в Цюрихе. Но! В восемь тридцать Званцев уже болтался в воздухе, то бишь, летел в Барселону. Значит, перевод произвели раньше, до открытия банка, а в компьютере обозначили более позднее время. Кто, по-твоему, мог санкционировать и провести такую крупную операцию в нерабочее время? Только сам Биланов по поручению Званцева. Стало быть, Званцев был вынужден доверить Биланову свой секретный код в Цюрихе».

— Выходит, надо трясти еще одну грушу — жирного банкира Биланова, — закончил свою мысль Бурав и хищно потер руки. — Уличить его во лжи нетрудно, но вот заполучить номер званцевского счета... Для этого требуется, как минимум, поставить Биланова перед угрозой тюремного заключения.

Бурав понимал: подступиться к финансовому магнату непросто, уж больно фигура значительная. У оперативников против Вадима Викторовича были только догадки подполковника, которым, как говорится, грош цена в базарный день. По крайней мере — в данном случае.

Поэтому для начала требовалось на чем-нибудь зацепить Биланова, чтоб вынудить его раскрыть тайну счета. Самый простой прием — организовать тотальную финансовую проверку в «Норд-Весте», причем желательно, чтоб она сопровождалась присутствием омонцовцев в черных масках, истошными воплями автоматчиков: «Всем лечь лицом вниз!» Для подобной инсценировки как нельзя лучше годятся ребяташки из бригады капитана Дутова...

И только «выпытав» номер счета, имеет смысл составлять официальный запрос в Швейцарию от Генеральной прокуратуры, в котором предстоит аргументированно доказать, что деньги получены незаконным путем, и потребовать от швейцарских властей вернуть их в Россию. Тогда в деле можно ставить точку.

Но на практике, как водится, столь очевидные шаги были сопряжены с изматывающими нервы проволочками, юридической казуистикой и тягучими дебатами в недрах Генпрокуратуры и кое-где повыше. Испанская сторона четко дала понять, что не признает Званцева международным преступником, и будет всячески отстаивать его интересы как законного гражданина королевства (оказывается, мудрый Антон Евгеньевич еще год

назад оформил себе второе гражданство — испанское). Потому-то Генпрокуратура и не торопилась принимать меры по аресту и возвращению в Россию капиталов господина Званцева. С точки зрения межгосударственных отношений, восемь миллионов долларов — просто смехотворная, микроскопическая сумма.

— Да что вы, ей-богу, в конце-то концов? — скривился полковник Хлынов, когда Бурав пожаловал к нему со своими умозаключениями. — Наше дело — убийц ловить, а все остальное — сами понимаете...

Все, в Москве ей делать больше нечего. Это Виктория Фирсова осознала на четвертый день «телефонной изоляции» — так Вика воспринимала упорное молчание телефонного аппарата в ее совместной с мужем квартире. А молчание это, как известно, означает твою абсолютную ненужность в мире сем. Да-да, все, кто стремится чего-нибудь достичь в жизни, прекрасно осознают, сколь тревожным «звоночком» является отсутствие звонков.

Похоже, Вика слишком уж засветилась со своими запутанными похождениями, принявшими отчетливую криминальную окраску. О таких вещах почему-то быстро становится известно абсолютно всем из числа бомонда. А ведь еще совсем недавно отбоя не было от приглашений на рауты, демонстрации мод, клубные вечеринки... Вика явственно ощущала вакуум, простирившийся вокруг ее персоны. «Персоны нон грата» в мире богатых и знаменитых.

Что ж, она переживет и это. Раз в Москве делать нечего, значит, делать нечего и в России. Вика быстро продала столичную квартиру мужа, обратившись за помощью к знакомым «жучкам», дождалась срока окончания

подписки о невыезде и деловито засобиравалась в дорогу. Она знала, куда отправится: в Барселону, к Антону Званцеву. Этот самонадеянный нувориш думает, что если испанское правительство отказалось выдать его российскому правосудию, то теперь он может начхать с высокой колокольни на всех и вся. Ошибаешься, дружок. Сначала ты должен расплатиться по счетам.

Впрочем, счет Виктории Фирсовой к Антону Званцеву был не так уж и велик. И ему вполне по силам было оплатить его. От бывшего тренера легендарной «Дружбы» требовалось лишь одно — показаться вместе с мадам Фирсовой на каком-нибудь приеме с участием особо важных испанских персон. И представить ее всем этим грандам как свою хорошую знакомую. Или родственницу, какая разница. Остальное устроится само собой. В этом зеленоглазая дива была уверена на все сто.

Парк «Сокольники» даже в хмурый осенний день радовал его своими нескончаемыми ровными дорожками, неухоженными зарослями, желтизной листвы и запахом прелой земли. Еще в детстве он учился здесь кататься на велосипеде, сначала — трехколесном, потом — на «Школьнике»...

Сейчас он неспешно ехал на горном велосипеде «Пежо» — широкие рифленые шины, куча скоростей, надежные тормоза и простота управления — что еще нужно для того, чтобы чувствовать себя уверенно даже на покрытом опавшей листвой асфальте?

Вот и знакомый с юных лет пологий поворот, надо бы чуть сбавить скорость... Шайтан! Слух безошибочно уловил тонкий металлический хруст — сигнал того, что слетела цепь. Хорошо, что не успел как следует разогнаться.

Ну, не должна у «пежо» слетать цепь, по определению не должна. А вот, поди ж ты. Или техника тоже, подобно людям, перенимает обычаи той страны, в которой служит? Мысль интересная...

Он притормозил подошвой кроссовки, легко соскочил с велосипеда, перевернул его, поставив на руль и седло.

— Дедушка, вам помочь?

Рядом остановился пацан лет двенадцати, тоже слез со своего велосипеда. Смотри-ка, «Школьник», не иначе, как от отца достался.

— Спасибо тебе, мальчик, я сам справлюсь, — поблагодарил академик Ардашкин.

— Классный у вас велосипед, — с завистью шмыгнул носом парнишка.

— Да, хороший... Но твой лучше.

— Не-ет! — решительно замотал головой обладатель отцовского «Школьника». — Ваш лучше. Зато я езжу быстрее. Смотрите!

И, вскочив в седло, пацан умчался по безлюдной дорожке. Не понять ему, с какой радостью Анатолий Семенович поменялся бы с ним велосипедами, и не только велосипедами...

Он стоял, одетый в непродуваемую куртку, бейсболку, спортивные брюки, стянутые по низу бельевыми прищепками. Вдыхал осенний воздух. Этот мальчик-лихач был единственным велосипедистом, попавшимся ему в «Сокольниках». Похоже, только они двое, старый да малый, крутят сегодня педали в старинном парке. Понятно, что погода не ахти, но все-таки...

«Дедушка»... По возрасту, конечно, так оно и есть — как-никак, восьмой десяток отсчитывает. А в остальном... Анатолий Семенович взглянул на электронный циферблат, пристегнутый к левой руке. Давление — сто тридцать на восемьдесят, пульс — семьдесят шесть, и это после часовой езды! Вот так-то, знай наших. «Дедушка»!

Он уже поправил цепь, развернул «пежо» и поехал к выходу из парка. Там его дождалась «Волга» со специальным кронштейном для велосипеда, укрепленным на заднем бампере. Осень швыряла ему навстречу щедрые пригоршни желтых, зеленых и красных бликов, и академик жалел, что не может прийти сюда с мольбертом. Как говорится, не обучен. Живопись почему-то раньше не привлекала его, иное дело — графика. Ею Анатолий Семенович увлекался всерьез, и лет двадцать назад в Доме ученых даже была организована его персональная выставка.

Стиль академика Ардашкина был более чем оригинален. Причудливо переkreщивающиеся линии создавали бесконечную перспективу, утягивали взор куда-то в потусторонний мир. И в зависимости от замысла Анатолия Семеновича человек начинал ощу-

щать то беспричинную тревогу, то вязкую тоску, то, наоборот, оптимизм, граничащий с одержимостью.

Никто не знал, сколько времени тратил Ардашкин на то, чтобы нанести на ватман очередную линию, четко укладывая ее в конструкцию рисунка. Пожалуй, это была скорее научная, нежели духовная работа. Тогда академик вынашивал идею: с помощью рисунка напрямую воздействовать на подсознание личности, управлять настроением человека, влиять на его поведение и принятие решений. Он был уверен, что правильно выстроенные графические линии могут толкнуть зрителя в петлю или заставить позабыть о бедах и проблемах, убить любовь или, наоборот, зажечь ее; вызвать озлобление и одержимость или поселить в человеке полное безразличие к жизни и своему делу...

Двадцать лет назад Ардашкин так и не довел свою работу до конца: он возглавил секретный институт Минобороны, началась совсем другая жизнь. И сейчас, когда его основной труд, его «Мозаика» завершена, академик испытывал потребность в новых идеях, новых открытиях.

Дело в том, что психогенерирующие рисунки — это новый, куда более высокий уровень воздействия на личность по сравнению даже с его супер-системой «Мозаика». Ведь компьютерная программа, сколь успешно бы она ни прогнозировала и моделировала поведение человека, не способна изменить его характер, мировоззрение, духовную сущность. Она лишь использует уже заложенные в человеке качества, «работает» со вполне сформировавшейся личностью, направляя ее по пути, удобному академику Ардашкину. Но человек, не склонный к подлости, насилию, убийству, не пойдет на эти деяния даже при, казалось бы, крайней необходимости.

Иное дело — то мощное воздействие на глубины подсознания, которым, по замыслу, будут обладать графические конструкции Анатолия Семеновича. Они способны до основания разрушить личность, переформировать ее, создать нечто качественно новое. Вот где открываются широчайшие, прямо-таки неограниченные возможности для обладателя этими, с позволения сказать, каракулями! «Мозаике» по силам поразить одну-две мишени, заложенные в программу, рисунок же способен воздействовать на большие массы людей. Его можно разместить на рекламных щитах, показать на электронном табло стадиона, наконец — продемонстрировать по центральному телевидению! Скажем, накануне выборов президента, вмонтировав в пропагандистский ролик того или иного кандидата...

Четыре своих самых мощных по психологическому воздействию рисунка Ардашкин в 1981 году отдал «на рецензию» известному московскому художнику-графику. Он и его жена преподавали в престижном Суриковском училище. Несерьезно, конечно, поступил тогда Анатолий Семенович,

глупо, прямо скажем, поступил. Хоть бы копию снял... И надо же такому случиться — буквально через пару недель супруги-графики погибли во время пожара на прогулочном теплоходе. Естественно, в этой трагической ситуации было нелепо и неловко доискиваться своих рисунков у родственников покойных, а потом Ардашкину стало не до того.

Живы ли сейчас его лучшие работы? Может, лежат себе полеживают где-нибудь на антресоли, никому не нужные... А сколько труда вложено в каждую линию, сколько бессонных ночей! Сейчас Анатолий Семенович просто не в состоянии воспроизвести свои собственные шедевры. Пожалуй, он может лишь окончательно довести их «до ума», превратив в совершенное психотропное оружие.

Фамилия погибших супругов-графиков была Каморины. Татьяна и Алексей Каморины. Помнится, муж называл себя Алексеем-старшим. Значит, у них был сын, тезка своего отца.

Что ж, зная фамилию-имя-отчество, происхождение человека и профессию его родителей, нетрудно разыскать означенную особь даже в многомиллионном городе. Да и на всей нашей грешной планете.

Стремление во что бы то ни стало вернуть рисунки настолько овладело Анатолием Семеновичем, что на какое-то время затмило собой «проблему Антона Званцева». Там — всего лишь банальные миллионы, а тут — воплощение гениальных фантазий... Впрочем, одно другому не мешает.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Гена Пищик маялся в длинной очереди к стойке регистрации пассажиров, вылетаю-

щих charterным рейсом по маршруту Москва—Барселона. Ему не терпелось поскорее оказаться в салоне самолета, вновь ощутить свою причастность к «большой жизни». В последний раз Гена поднимался в воздух, когда летел вместе с командой на эпохальный матч в Ганновере... Боже, как давно это было! Тогда казалось, что вся жизнь укладывается между одним забитым голом и следующим, и Пищик торопился поскорее пройти этот отрезок времени.

И сегодня все как тогда, даже огромная спортивная сумка, оттягивающая плечо. Барселона! Пищик уже был там однажды, но города практически не видел. Запомнился только огромный, напоминающий пчелиные соты, католический собор, мимо которого они проезжали в комфортабельном автобусе. Похоже, и в этот раз ему не придется вдоволь полюбоваться каталонскими пейзажами.

Инструкции, полученные им от старичка по имени Юрий Георгиевич, Пищик усвоил дословно. Добродушный пенсионер вовсе не походил на крутого мафиози, что он и подтвердил, сказав, что у него, как и у Гены, есть свои счета с главным тренером и президентом «Дружбы» Антоном Званцевым. Маслов несколько раз повторил, что та часть работы, которую Пищику придется выполнить в Барселоне, — далеко не главная. Главное — это Никосия, куда Гене предстоит вылететь из Испании сразу по завершении первого этапа.

На Кипре Пищик должен был посетить обозначенный господином Масловым частный банк, а там — распорядиться авуарами, то есть вкладами, по заученному наизусть номерному счету. А именно — перевести все размещенные на нем суммы на Багамы, в «Бэнк оф Нассау». Номер тамошнего счета, также анонимного, Гена вызубрил, как свою любимую песню «Поворот». И он выполнит полученное задание. Хотя, по большому счету, ему наплевать на это самое Нассау. Для Пищика самой важной представлялась именно испанская миссия. Миссия возмездия.

В сумке у Гены покоился современный, довольно легкий акваланг. Он, конечно, не Андрей Макаревич и даже не Николай Фоменко, которые таскают с собой по всему миру свои любимые акваланги. Но и Гена Пищик сумеет пронести на борт самолета этот бесхитростный аппарат. По идее, баллоны со сжатым газом запрещены к транспортировке в гражданских лайнерах, но с развитием массового загрантуризма таможня давно махнула рукой на эти устаревшие правила. Когда Пищик связался по телефону с таможенной службой аэропорта «Домодедово», ему внятно растолковали, что акваланг как атрибут активного отдыха провезти можно, требуются лишь документы на сию амуницию для подводного плавания. «Господи, ну документы-то им зачем?» — в который раз подивился Гена

необъяснимости российской бюрократической фантазии. Документы у него были...

Лет пять назад Пищик неплохо освоил дайвинг — во время зимнего футбольного межсезонья отдыхал в Шарм-эль-Шейхе, до одури погружался в подводный мир Красного моря. Да, было времечко! Как часто на «зоне» ему снились мириады разноцветных рыб, сказочные коралловые рифы, солнечные лучи, пронизывающие толщу морской воды...

Теперь акваланг, помимо основного предназначения, выполнял еще и функцию тайника: в него была виртуозно вмонтирована небольшая, размером с шайбу, радиоуправляемая мина. Гена по заданию Юрия Георгиевича приобрел ее у торговца оружием за четыре тысячи долларов.

Это была та самая мина, которую ухитрился «сэкономить» подручный Антона Званцева по прозвищу Станок. Но Гена Пищик, разумеется, не мог этого знать.

Вот уже неделю она живет на вилле Антона Евгеньевича, а тот все кормит ее обещаниями. Не только обещаниями, конечно, они вдоволь наплавались на его роскошной яхте «Парадиз», ловили макрель, объедались лангустами и трепангами... Тонкие испанские вина заставили Викторию на какое-то время позабыть обо всех невзгодах. Можно, конечно, навсегда остаться в этом уединенном райском уголке, да только Званцев дал ей понять, что не разделяет оптимистических взглядов своей любовницы на дальнейшую совместную жизнь.

Что ж, коли сам — не ам, так отдай другим. Сегодня они, наконец-то, отправятся на большой прием в мэрию по случаю какого-то католического праздника. А там

— прощай, сеньор Званцев, клюнет кто-нибудь и получше тебя. Рыболов хренов...

Вика отложила самоучитель испанского языка — нет, не может она заставить себя вникнуть во все эти мудреные лингвистические построения. На первое время достаточно ее скромных познаний в английском. «Ай спик инглиш джаст э литл», — жеманно произнесла Вика, будто репетируя начало светской беседы.

Подошла к окну с бокалом мартини. На голубой глади моря в лучах южного солнца сверкала, будто сказочный айсберг, яхта «Парадиз». Антон опять ловит рыбу, как это уже достало...

Успешно пройдя таможенный контроль и досмотр ручной клади, Гена уже через час сидел возле иллюминатора Ил-62, выполнявшего чартерный рейс до Барселоны. Сумка с аквалангом не поместилась в узкое отделение для багажа над головой Пищика, и Гена с трудом пристроил ее между ног. Интересно, что началось бы в самолете, если б окружающим его пассажирам стало известно, какой груз везет их неприметный попутчик?

Он выбрался в узкий проход, размял ноги. Ужасно хотелось курить. Четыре с половиной часа без единой затяжки — это они чересчур. Что ж, покурим в туалете.

Пищик встал возле кабинки, ожидая, когда она освободится. Наконец, дверца отъехала, и вышедший из кабинки толстяк заговорщицки подмигнул Гене. Вдруг лицо его изменилось, и он стал пристально всматриваться в Пищика. По лицу толстяка мелькнула тень узнавания...

Узнал своего визави и бывший полузащитник. Перед ним стоял не кто иной, как спортивный журналист Никита Вешний. Гена инстинктивно склонил голову и шагнул в утробу бокса.

Мысли о предстоящем походе в мэрию, коктейль-вечеринке в обществе местных нуворишей и знаменитостей тяготили Антона Евгеньевича Званцева. В последнее время он предпочитал одиночество, созерцание солнечной ряби на глади моря, запахи жареной рыбы, которую он собственноручно готовил на юте своей чудесной, уютной яхты. И такая ленивая, мирная жизнь может длиться необозримо долго — денег, переведенных из Цюриха на Кипр, Антону Евгеньевичу с лихвой хватит хоть до второго пришествия.

И почему люди стремятся к шумным празднествам, к общению с себе подобными? Что верно, то верно: лишь достигнув в жизни всего, на что рассчитывал, начинаешь ценить уединение.

Антон Евгеньевича тяготило присутствие на его вилле каштановой секс-бомбы Виктории Фирсовой. Нет, Вика не была чрезмерно назойливой, она умела тонко чувствовать настроение Званцева и не особенно докучала ему своим обществом. Но бывший тренер «Дружбы» не мог не ощущать некоторого напряжения, которое повисло в его доме с момента появления юной любовницы. Это было напряжение ожидания. Вика ждет, когда же он соизволит сдать ее с рук на руки какому-нибудь местному набобу.

Значит, надо скрепить сердце, облачиться в парадный смокинг, натянуть на лицо слащавую улыбку и переться-таки на это злосчастное «парти». Зато завтра все это кончится раз и навсегда...

Все кончилось для Антона Евгеньевича несколько раньше, чем он предполагал. Персонально для господина Званцева в прибрежных водах Каталонии наступало Второе пришествие.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Гена Пищик боязливо опустил ноги в морскую воду. Так и есть, холодновато. Акваланг слегка давил на позвоночник, но, в общем, все складывалось наилучшим образом.

Черный фольксваген, взятый напрокат в аэропорту Барселоны, он поставил неподалеку, в каких-то диковинных зарослях. Яхта Антона Званцева покачивалась в мелких волнах совсем неподалеку, на глазок — метрах в ста пятидесяти от берега. Гена еще раз проверил амуницию, запомнил направление и решительно шагнул в лениво накачивающийся на берег прилив.

Лучше всего — ни о чем не думать. Званцев — один на яхте, Пищик хорошо рассмо-

трел ненавистного тренера в морской бинокль. Антон Евгеньевич уже успел прилично загореть, вид у него был молодцеватый и беспечный. В принципе, наставнику «Дружбы» предстояла хорошая, легкая смерть.

А вот и узкое, темное днище нависло над аквалангистом. Стало немного жутковато. Гена зачем-то потрогал металлическую обшивку, словно желая убедиться, что это не брюхо гигантского морского зверя.

Мина жадно припала к металлу — еще бы, это вам не деревянный причал на лодочной станции «Русалочка», к которому ее безуспешно пытался пристроить покойный ныне Станок. От мины исходило какое-то сытое удовлетворение.

Гена поплыл назад, мерно перебирая ластами. Выбравшись на берег, он неспешно снял акваланг, убрал его в багажник, оделся в спортивный костюм «Адидас» и достал из сумки мобильный телефон. Набрал комбинацию из двенадцати цифр. Помедлил, еще раз посмотрел в сторону яхты. Званцев тянул из воды какую-то добычу...

Пищик сжал зубы и нажал клавишу «О'кей».

— О'кей, — выдохнул он, увидев, как над гладью моря поднимается мощный водяной смерч. Спустя мгновение раздался глухой взрыв, будто кто-то с размаху саданул по пустой железной бочке.

Комар явился в МУР за пятнадцать минут до оперативки. Вид у него был довольно виноватый.

— Я, конечно, все понимаю, но ты бы хоть позвонил, предупредил, что задерживаешься, — сердито поприветствовал его Бурав.

— Я звонил, Макс, — с горячностью оправдывался Алексей. — Но у тебя занято было...

— Ну да, ну да, — издевался подполковник. — Это бывает. А вот я уже с восьми утра на работе.

— Тут, видишь ли, такое дело... Подфартило мне сказочно, просто удача! Деньги прямо с неба свалились, да как вовремя!

— Да? — насторожился Бурцев. — Уже интересно. С точки зрения уголовного розыска.

Комар насупился. Ему так понравился старичок-пенсионер Маслов, он очень хорошо, по-доброму говорил о родителях Каморина, какими они были замечательными художниками-графиками. Вспоминал, как он делился с ними своими взглядами на искусство и многому научился от отца и матери Алексея.

В квартиру Камориных Маслов позвонил поздно вечером и, представившись, подробно рассказал, как он отыскал телефон Алексея, сообщил, что он — давний знакомый их семьи, то бишь — отца с матерью, и вкрад-

чиво спросил, не сохранились ли у Каморина рисунки родителей? Он ведь, Маслов то есть, большой любитель графики, коллекционер со стажем.

— Нет, рисунки родителей я никому не отдам и не продам ни за какие деньги, — решительно заявил Комар.

— Что вы, упаси Господи! — завопил на другом конце провода незнакомец. — Я же понимаю, это для вас бесценно. Но, может быть, у вас есть рисунки других художников той поры, ведь, помнится, Татьяна и Алексей преподавали в Суриковском...

Комар не мог с ходу ответить на этот вопрос. Честно говоря, он давно уже не развязывал тесемки пухлой папки с рисунками, доставшейся ему в наследство. Как получил эту квартиру восемь лет назад, так и забросил папку на шифоньер. Забыл даже Ирине показать...

Юрий Георгиевич тараторил, что готов сам подъехать на квартиру Каморина завтра утречком, сегодня уже поздно, и посмотреть рисунки. Может быть, что-то купит, деньги у него есть. Он так надеялся на этот звонок, так долго разыскивал Алексея...

И Комар согласился. Тем более что и Ирина не видела ничего плохого в том, если он продаст не нужные никому рисунки какому-то старому чудаку.

С утра она отправилась в парикмахерскую, а Каморин достал картонную папку с шифоньера, стал перебирать рисунки. Надо бы отобрать вместе с Ириной несколько самых красивых, вставить в рамки и повесить на стены.

Эти соображения были прерваны звонком в дверь. Юрий Георгиевич, бодрый старикашка лет семидесяти, был радостно возбужден.

— Посмотрим, посмотрим, батенька, — приговаривал он, бережно принимая у Комара увесистую папку. — Тэ-экс...

Отдав должное мастерству и таланту покойных супругов Татьяны и Алексея Камориных, Юрий Георгиевич быстро оставил эту тему и стал, явно сдерживая нетерпение, перелистывать рисунки. Он отложил четыре листа ватмана, лежавшие вместе. Алексей мельком глянул через плечо визитера: на чуть пожелтевшей бумаге громоздились хитросплетения линий и геометрических фигур, а что хотел изобразить художник — было неясно. Да и художник ли исполосовал эти куски ватмана? Скорее — чертежник, да и то с великого бодуна.

— Я бы хотел купить эти вот работы, — просительно проговорил пенсионер Маслов. — Могу заплатить тысячу долларов. Тысячу долларов США, молодой человек, по двести пятьдесят за каждый!

После этого, как говорится, торг был неуместен. Алексей явно чувствовал какой-то подвох. Если бы речь шла о статуэтках, он решил бы, что в фигурках спрятаны бриллианты, не иначе, и этот старичок каким-то образом проведал о неизвестном Комару тайнике. Но что такого ценного могли заключать в себе эти, с позволения сказать, рисунки? Шифр, секретную информацию?

Алексей отбросил эти детские фантазии:

— Я согласен, — просто сообщил он напряженно глядевшему на него пенсионеру.

Получив в руки десять стодолларовых купюр (причем Комар отметил, что старичок имел при себе гораздо большую сумму), Каморин пришел в нервное возбуждение и чуть ли не насильно заставил Юрия Георгиевича выпить чаю. Тот опять говорил о его родителях, о том, какую утрату понесло в 1981 году советское искусство...

— Надо позвонить Бураву! — спохватился Алексей и снял телефонную трубку.

— Кому-кому? — озадаченно спросил Маслов.

— Ой, — смутился Комар, — это я так своего шефа называю, подполковника Бурцева. Я в МУРе работаю, в отделе убийств...

Юрий Георгиевич церемонно распрощался с Алексеем и покинул его квартиру. Комар увидел в окно, как он садился в черную «Волгу» тридцать первой модели. «Вот, блин! Как же я не догадался попросить его подбросить меня хотя бы до метро», — сокрушался Каморин, натягивая ботинки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вика, задыхаясь, бежала сквозь какой-то субтропический кустарник, сжимая в руке небольшую дорожную сумку. Боже мой, ее угораздило вляпаться в историю и здесь, в Испании! Бежать, скорее бежать куда подальше.

Вроде бы она ничего важного не забыла, и полиция вряд ли сумеет выйти на ее след.

В первую секунду после того, как она увидела, что белоснежная яхта «Парадиз» превратилась в высокий столб воды, смешанной с покореженным металлом, а по окнам виллы мягко ударила взрывная волна, Вика растерялась. Но уже в следующий момент она стояла на корточках перед распахнутой сумкой и запихивала в нее свои пожитки. Так, бабские принадлежности можно и бросить — мало ли какая фифа развлекалась тут с сеньором Званцевым? Главное — деньги, полученные за московскую квартиру, паспорт, драгоценности...

Вика подбежала к туалетному столику и сгребла свои «цацки». Рядом лежал маленький старинный стилет, который ей очень нравился. Званцев купил его во время их единственной вылазки в город, в антикварном магазине. Особенно привлекал Вику большой звездный сапфир, вмонтированный в рукоятку. Она так просила Антона подарить ей эту безделицу, но старый скряга заупрямился... Фирсова закинула стилет в сумочку и выбежала на малахитовый газон перед виллой.

Кажется, шоссе — вон в той стороне. Сейчас же в аэропорт и — на остров Тенерифе, благо это владения испанской короны. Там она затеряется среди отдыхающих.

А вот и проселок, сворачивающий от магистрали к одинокой вилле Антона Званцева. Проселок, разумеется, по испанским меркам, — узкая дорога была тщательно заасфальтирована. Девушка выбралась из зарослей, поправила платье и отчаянно замахала водителю черного фольксвагена, приближавшемуся к ней в клубах пыли. Впопыхах Вика даже не сообразила, что машина движется почему-то со стороны покинутой ею виллы.

Фольксваген поравнялся с Фирсовой, и шофер молча распахнул переднюю дверцу.

— Плиз, бринг ми ту зэ сити, — наклонившись к водителю, попыталась улыбнуться Виктория.

Еще не факт, что он знает по-английски, а испанским языком, в свою очередь, совершенно не владела мадам Фирсова. Однако ее опасения не оправдались, молодой, спортивного вида мужчина в тренировочном костюме кивнул ей на сиденье рядом с собой.

Машина тронулась. Вика достала зеркальце и вполголоса выругалась. Вид у нее был тот еще...

— Вы из России? — поинтересовался мужчина.

Вика перевела на него свои изумрудные линзы. От неожиданности она даже не успела смутиться.

— Да, — ответила девушка. — Вы, судя по всему, тоже?

— Как видите. Или, вернее, слышите, — усмехнулся Пищик. — Так куда вас доставить в Барселоне? Город большой.

В этот момент навстречу им повернул с шоссе огромный, запыленный остин. Гена ругнулся, не стесняясь попутчицы: разъехаться было сложно. Он несколько раз для проформы ударил по клаксону, затормозил и выскочил из фольксвагена. Водитель остина уже стоял на дороге рядом со своей машиной. Это был толстяк в белом парусиновом костюме и широкополой шляпе. Дьявольщина, да это же Никита Вешний, с которым Гена столкнулся нос к носу в самолете, причем не далее, как сегодня утром. Угораздило же его второй раз оказаться на пути у бывшего опорного полузащитника...

Вешний засеменил к фольксвагену, размахивая дорожной картой:

— Сеньор, хау кэн ай гоу ту вилла оф Антон Званцев? — выпалил он, вплотную подходя к Пищику и не узнавая его: прямо в глаза журналисту слепило солнце.

— Да говорите же по-русски, — с досадой скривился Гена.

— О, вы, наверное, были в гостях у Антона Евгеньевича? Вы — журналист? Опередали, стало быть, — тараторил Вешний, раскладывая карту на капоте фольксвагена. — Тут должна быть развилка...

Журналист склонился над картой, и Вика обостренным от внезапно охватившего ее ужаса зрением увидела, как на его спину села крупная бабочка. Фирсова узнала Вешнего, они не раз встречались на презентациях и великосветских тусовках. Именно Вешний когда-то познакомил ее с Антоном Званцевым....

Пищик медленно завел правую руку себе за ухо и резко ударил журналиста ребром ладони в основание черепа. Этому удару его обучил на зоне

старый вор по кличке Нечай. Бабочка вспорхнула и уселась на крышу фольксвагена.

Вика, будто в продолжение кошмарного сна, увидела, как «дебелый», обмякнув, сполз с капота. Пищик склонился над Вешним и прощупал сонную артерию. Журналист был мертв.

— Что-то многовато русских для одного дня. Ну, чего ты расселась? Помогай! Да живо! — резко повернулся к Вике Гена.

Посмотрел на помертвевшую девушку, понял, что проку от нее не будет, сплюнул и, подхватив грузное тело Никиты Вешнего под мышки, потащил его к остину. «И машину выбрал по своим габаритам, жирная сволочь», — думал Пищик, поминутно отплевываясь от пыли. План дальнейших действий был прост: погрузить Вешнего в его остин, туда же — труп этой русской дивы, явно любовницы Званцева, и отогнать машину подальше от дороги, в заросли. Это даст ему несколько часов форы. Самолет до Никосии вылетает через три часа, билет у него есть.

Как же убить симпатичную девицу? Пожалуй, самое лучшее — задушить. А с пенсионера Маслова надо будет слупить дополнительную оплату за два непредусмотренных трупа...

Виктория покорно шла за Пищиком, с наругой волочившим труп журналиста. Это, конечно, он взорвал яхту вместе с Антоном — Фирсова только теперь осознала столь очевидный факт. Значит, жить ей осталось минуту-другую.

Гена распахнул заднюю дверцу остина и вывалил в утробу машины тело Вешнего. Какое-то время перед Викторией находилась только широкая спина убийцы. И тут Фирсова ощутила, что ее правая рука уже несколько минут до пота сжимает рукоятку

стилета — того самого, с крупным сапфиром на рукоятке. И когда это она успела вытащить его из сумочки?

Виктория широко размахнулась и ударила ножом в напрягшуюся спину русского киллера. Гена повалился навзничь.

— Больно, — прошептал Пищик последнее слово в своей жизни, и Вике почудилось, что он смотрит на нее каким-то виноватым взглядом.

...Через четыре с половиной часа гражданка России Виктория Павловна Фирсова была на острове Тенерифе. Не покидая аэропорта столицы Канарских островов, она купила билет до Буэнос-Айреса: для полета в Аргентину виза не требовалась.

Куда потом? А еще куда-нибудь... Лишь бы подальше от всего того, что случилось с ней за последние несколько недель.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Ну, вот скажи, и не лох ты после всего этого? — схватился за голову подполковник Бурцев, выслушав невероятную историю утренней сделки, совершенной его напарником. — Ежу ведь понятно, что если вменяемый человек, к тому же — опытный коллекционер, с ходу платит за какие-то обычные рисунки немереные деньжищи, это значит, что рисунки — вовсе даже не обычные, а как раз наоборот — это серьезная художественная ценность! Ты бы хоть посоветовался сначала с умными людьми, ё-мое!

— Да перестань, Макс, не порти настроение, — слабо отбивался Ко-мар.

— Как фамилия художника? Ты хоть на подпись-то посмотрел?

— Не было там никакой подписи! Вернее, была, но это не фамилия, а, как бы сказать, знак какой-то... На всех рисунках в правом нижнем углу два скрещенных молотка были. Вот такие.

И Алексей, чуть высунув язык, тщательно изобразил на листе бумаги странные на вид молотки.

Бурав когда-то уже видел их, и тогда они тоже фигурировали как фирменная эмблема художника. Но при каких обстоятельствах, сколько лет назад они попадались ему на глаза — подполковник, хоть убей, не мог вспомнить. «Старею», — с грустью подумал Бурцев, хотя, вроде бы, минувшая ночь делала такое суждение преждевременным.

После планерки, на которой полковник Хлынов мимоходом сообщил об убийстве Антона Званцева, а также известного журналиста Никиты Вешнего и бывшего игрока «Дружбы» Геннадия Пищика, Бурав пошел к колле-

гам в отдел по кражам, грабежам и прочим видам присвоения чужого имущества. В руке у него была свернутая трубочкой бумажка с нарисованными Комаром молотками.

«Интересно, Оле уже сообщили о муже?» — думал подполковник. Н-да, похоже, в ближайшее время ему придется испробовать себя в роли психотерапевта...

Лена Курочкина, сорокапятилетняя крашенная блондинка с пышной фигурой, уже давно специализировалась на розыске похищенных художественных и культурных ценностей, как древних, так и современных. Много лет назад ей поручили найти украденные из Исторического музея седельные пистолеты атамана Платова. Дело было несерьезным, сказать больше — плевым, но оно потребовало изрядной смелости от начинающей оперативницы. Музей стоял в строительных лесах, Лена бесстрашно карабкалась по ним и в первый же день обнаружила незапертую форточку, через которую вор и проник в зал музея. Похитителем, как и предполагалось, оказался щупленький рабочий, искавший «чего-нито на опохмелку».

Курочкина получила грамоту от Министерства культуры, о ней написали короткую заметку в «Московском комсомольце», и с тех пор она как-то естественно стала считаться чуть ли не главным муровским экспертом в сфере искусства. Эту репутацию надо было поддерживать, и Лена за долгие годы действительно обросла связями в мире художников и коллекционеров, начиталась специальной литературы.

— Что, Максим, этими молотками забили кого-то? — поинтересовалась Курочкина, взглянув на рисунок.

— Ленусь, это, видишь ли, такая вот оригинальная подпись художника-графика. Узнай

там по своим искусствоведческим каналам, что за автор ставит эту эмблему под своими шедеврами. Сделаешь?

— Ради тебя, Макс, готова ночей не спать, — томно, двусмысленно ответила Курочкина.

Уже через два часа она позвонила в кабинет Бурцева:

— Макс, порадовать нечем. Никто из моих знакомых ничего внятного сообщить не может по поводу этих молотков. Ни в каталогах, ни на выставках этот знак не фигурировал. Так что, успокойся, рисунки — фуфло, ценности не представляют.

— Ну, и слава Богу, — вздохнул Бурцев. Теперь придется извиняться перед Комаром...

Курочкина продолжала что-то говорить, подполковник слушал, досаду на ее многословие, как вдруг его словно толкнули.

— Повтори, что ты сказала! — чуть не выкрикнул он.

Положив трубку, Бурав долго смотрел перед собой, и Комар не осмеливался прервать его тяжкие раздумья.

Лена Курочкина прощebetала, что исключительно ради него, такого гениального опера и просто классного мужика, «пропустила» изображение странных молотков через поисковую систему компьютера, и тот выдал следующую информацию: перекрещивающиеся изогнутые молотки — герб города Ардатова, республика Мордовия. Старинный город, купеческий...

— Знаешь, Комар, в чем состоит главная опасность для игрока, даже самого выдающегося? — медленно заговорил подполковник.

— В чем же? — машинально спросил Алексей.

— В том, что рано или поздно он заигрывается.

Теперь Бурав вспомнил, где видел перекрещивающиеся изогнутые молотки в правом нижнем углу графического рисунка. Это было в 1991 году, когда он, тогда еще майор, опрашивал в качестве свидетеля по делу об убийстве двух юных проституток генерального директора секретного НИИ Минобороны СССР Анатолия Семеновича Ардашкина.

В кабинете академика висел странный карандашный рисунок в простой рамочке, и Бурцев невольно прилип к нему взглядом. Ардашкин, заметив его интерес, горделиво сообщил, что балуется графикой — хобби у него такое.

Наверное, предки академика были родом из Ардатова, отсюда и фамилия, и странная, на первый взгляд, «подпись» под рисунками. Тягостное впечатление осталось тогда у Бурава от созерцания ардашкинского творения. На него вдруг напала не свойственная дотолематике рассеянность, даже апатия. До такой степени, что он совершил единственную в своей сознательной жизни кражу — ну, если не считать той несчастной курицы, что они слопали с товарищем по студенческому стройотряду.

Авторучка, которой Бурцев записывал показания академика, «сдохла», и Анатолий Семенович с усмешкой протянул оперативнику свой «Паркер». Недешевая по тем временам вещица, редкостная. До того редкостная, что даже генерал-академик не выкинул ее, когда закончился фирменный стержень, а вставил новый, отечественный. Наблюдательный оперативник сделал такой вывод, когда обнаружил, что хваленый «Паркер» безбожно течет, сажая темносиние пятна на бумаге и кончиках пальцев.

Прощаясь, Бурцев машинально сунул ручку себе в карман, потом, конечно, обнаружил ее и устыдился немного. Все думал, каким же образом вернуть «Паркер» законному владельцу, да в один из осенних дней того же года пришло сообщение о смерти Анатолия Семеновича Ардашкина. Застрелился академик, некому уже было возвращать случайно украденную дорожную авторучку. Так и лежала она по сей день в письменном столе подполковника Бурцева, и никогда с тех пор он ею не пользовался.

Бурав выдвинул ящик стола. Вот он, «Паркер», с толстенькой гладкой тушкой, заляпанной чернилами. Подполковник аккуратно взял ручку двумя пальцами за кончики, приблизил к глазам, удовлетворенно хмыкнул. Потожировые отпечатки пальцев, разумеется, давно высохли, расплылись, а вот чернильные следы сохранились, будто были оставлены вчера. Или даже сегодня.

— Как ты думаешь, Комар, кому могут быть жутко интересны рисунки покойного академика Ардашкина? — спросил он и сам же ответил: — Только воскресшему академику Ардашкину! Ты, конечно, не помыл посуду перед тем, как помчался на работу?

Дактилоскопическая экспертиза, проведенная по просьбе подполковника Бурцева, установила: отпечатки пальцев на чашке, из которой пил чай в гостях у Комара Юрий Георгиевич Маслов, и чернильный след пальчика, оставленный много лет назад на ручке «Паркер», «принадлежат одному и тому же лицу». На авторучке, правда, присутствовали отпечатки еще одного человека, но Бурава они не интересовали — это были его собственные «пальчики».

Пришла информация из Центрального адресного бюро: пенсионер Юрий Георгиевич Маслов осенью 1991 года получил трехкомнатную квартиру застрелившегося академика Ардашкина, то бишь, свою собственную квартиру. Очевидно, Анатолий Семенович питал слабость к насиженному месту.

— Поздравляю, Комар! Тебя посетила весьма важная особа, — резюмировал подполковник. — Сам академик Ардашкин явился с того света засвидетельствовать тебе свое почтение. И вручить тысячу долларов — детишкам на молочишко.

При последних словах Комар покраснел. Случайно они вырвались у Бурава, или он каким-то образом все знает? Ведь супруги Каморины ни одной фразой не обмолвились, что ожидают прибавления в семействе, а по Ирине ничего еще не заметно...

— Будем его брать? — деловито спросил Комар, маскируя смущение.

— Видишь ли, — серьезно посмотрел на него Бурав, — тебе бы лучше вообще ничего об этом не знать. Сдается мне, этот воскресший покойничек дюже опасен. Я просто уверен в этом. Плохо, что он к тебе приходил...

— Наоборот! — с жаром воскликнул Алексей. — Если б не его визит, мы никогда бы не узнали, что казнокрад Ардашкин живет под чужой личиной!

— Если бы только казнокрад... Ты пойми, дурила, что это разоблачение грозит в первую очередь нам! Думаешь, почему я так обрадовался, обнаружив чернильный отпечаток его пальца на «Паркере»? Да потому, что это дало возможность сделать дактилоскопию анонимно, не называя фамилии. Есть чашка, есть авторучка, просим идентифицировать «пальчики» на предмет принадлежности одному и тому же лицу. Вот и все. Что я, по-твоему, не мог сделать запрос в Федеральную службу безопасности, где уж точно хранятся отпечатки пальцев Ардашкина? Ведь его институт на КГБ пахал, как пить дать. Только, боюсь, после такого запроса мы с тобой не протянули бы и двадцати четырех часов.

— Это почему же? — тупо спросил Комар.

— Почему, почему... — Голос Бурцева звучал отнюдь не издевательски и даже несколько не насмешливо. — Кто, по-твоему, мог инсценировать в девяносто первом самоубийство академика? Подыскать подходящего покойничка, оформить все честь по чести? А? Да еще потом радикально из-

менить Ардашкину внешность, создать ему новую биографию, даже квартиру прежнюю оставить... Только КГБ, причем действовали там, Леша, на самом высоком уровне.

— Странно, что тогда, в девяносто первом, Ардашкина в самом деле не убрали. Насколько я понимаю, он очень много знал, — с умным видом изрек Каморин.

— Вот именно! То, что Ардашкина вывели из-под удара, из-под следствия, означает, что он кому-то в Конторе был очень нужен. Нужен позарез. И вполне возможно, что те, кто ему покровительствовал, живехоньки по сей день и занимают нехилые посты. Значит, Ардашкин-Маслов остается сверхзасекреченным суперагентом. А что происходит с теми, кто ставит суперагента под угрозу разоблачения? А? То-то же.

Бурцев помолчал, теребя нос. Комар не знал, что сказать, он просто не мог так быстро переварить услышанное.

— Знаешь что, — тихо начал подполковник. — Я, пожалуй, какое-то время не буду подвозить вас с Ириной на своей машине. И вообще... Держитесь от меня подальше, насколько это возможно. А я постараюсь все побыстрее уладить.

— Разве тебе не нужен помощник? — с обидой спросил Алексей.

— Не нужен! — рявкнул Бурав. — Конкретно ты мне не нужен!

— Это почему же? — потемнел лицом Каморин.

— Да уж потому. Сам знаешь. Нельзя тебе сейчас рисковать, никак нельзя. Я же все-таки опытный оперативник, Леша. Наблюдательный. А тут, знаешь ли, не надо быть Шерлоком Холмсом... В последние дни ты стал часто звонить Ирине на работу, отрывать ее от клиентов, причем стараешь-

ся звонить в мое отсутствие. А как только я вхожу в кабинет, ты быстренько сворачиваешь разговор. И еще... У тебя, наконец-то, появились деньги. Это значит, что теперь, после работы, за продуктами ходишь ты, а не Ирина. Негоже ей сумки таскать, не в том она положении. То есть как раз именно в том самом. Не дуйся, Комар, все правильно...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Бурцев отхлебывал обжигающе-крепкий чай, разглядывая узор из трещинок на полу своей кухни. Недавно звонила Ольга, подполковник говорил что-то ободряющее, какие-то банальные, избитые слова. Чего уж там, не в ударе был сегодня Бурав для исполнения деликатной роли утешителя. Ах, она не нуждается в утешении? Ну, и слава Богу...

Смерть мужа Ольга восприняла как-то отстраненно, буднично, словно это произошло уже много лет назад. В каком-то смысле для нее так оно и было.

Нет, сегодня он приехать не может, дежурит. Работа такая... Она приготовила сюрприз? Это интересно... Понятно, что не по телефону... До завтра.

Тут только Максим сообразил, что не положил в чай сахар. Надо же, как это он сразу не почувствовал...

И какое же, собственно говоря, можно предъявить обвинение господину Маслову? Вы, мол, Юрий Георгиевич, на самом деле не кто иной, как академик Анатолий Ардашкин, почивший в бозе в приснопамятном девяносто первом году... Так, что ли? А на утро в МУРе, в холле первого этажа, будет установлен большой портрет старшего оперуполномоченного Бурцева, перевитый красно-черной ленточкой. Пышный некролог, две гвоздички. Любим, помним, скорбим. Если, конечно, подполковнику повезет, и ему уготовят такую смерть, после которой труп возможно опознать.

Ах, если бы можно было забыть о восставшем из мертвых академике Ардашкине! Насколько проще стала бы жизнь, лови себе бандитов и убийц, поймал — молодец, и не терзайся догадками, кто стоит за всеми этими смертями. Глядишь, действительно полковника дадут... Сегодня Бурцев осознал, кто был тот неведомый режиссер, таинственный постановщик гибели многих людей за последние несколько месяцев. Пасьянс сложился, искомая карта легла на свое место или — недостающий кусочек мозаики.

Он снова перебирал в памяти имена жертв. Вдова академика, Вера Ильинична Ардашкина, обнаруженная в деревянном склепе на своей даче... Ее сосед, бывший следователь Генеральной прокуратуры Петр Игнатьевич Ванников, вместе с которым Бурав в девяносто первом году «тряс»

руководство секретного НИИ... Альберт Васильевич Жучинский, бывший заместитель Ардашкина по оргвопросам...

Все эти люди входили в орбиту засекреченного академика. Входили в нее также доктор Градов, убивший Елену Хрипунову и ее мужа, видного деятеля политической партии «СилаРуси». Национал-радикальной партии, между прочим. За такое убийство кое-кто должен был щедро заплатить и совсем не исполнителю Градову, а режиссеру. Как и за убийство генерала Чухлова, между прочим. И снова образ академика Ардашкина, словно тень акулы на поверхности моря, прорисовывался за этими «убийствами на бытовой почве». Градов, который впоследствии по решению суда оказался в сумасшедшем доме, когда-то руководил подразделением в институте Ардашкина, и вполне мог знать то, что совсем даже знать не положено. Чухлов был одним из тех, кто входил в комиссию Минобороны, которая в девяносто первом поставила жирный крест на этом секретном подмосковном НИИ. Личные счета Анатолия Семеновича совпали еще с чьими-то интересами.

Вот почему так нужен академик Ардашкин, ставший почетным пенсионером Масловым. Он возглавлял институт, занимавшийся исследованиями в сфере дистанционного воздействия на личность — такая информация просочилась в печать все в том же девяносто первом. Видимо, несмотря на выводы комиссии генерала Чухлова, успеха в этом направлении удалось-таки достичь. Просто результаты работы НИИ были тщательно законспирированы, а проверяющим подсунули «пустышку». И теперь, надо полагать, только Ардашкин мо-

жет воспользоваться открытиями своего НИИ. Очевидно, предусмотрительный академик обладает лишь одному ему известными способами управления личностью. Во всяком случае, ключевыми моментами. Стало быть, он может не опасаться за жизнь.

Теперь в орбите академика оказался Комар, его семья. Надо же, столько лет, оказывается, он хранил рисунки Анатолия Ардашкина! И сей факт вовсе не казался подполковнику случайным. Это сигнал ему, Максиму Бурцеву.

Бурав прошел в комнату, вытащил из-под кровати картонную коробку. Покопавшись, достал тряпицу, развернул. На его ладони тускло золотились шесть патронов для «макарова». Обычные патроны и пули стандартные, не серебряные. Просто оперативник обязан письменно отчитываться за каждый произведенный выстрел, хоть в воздух, хоть на поражение. А эти патроны нигде не учтены.

Жаль, что у него нет неучтенного пистолета. А ведь предлагал капитан Шилов взять по стволу из бандитского арсенала, который они обнаружили на одной московской квартире несколько лет назад. Бурцев тогда и сам не воспользовался ситуацией, и Шилову запретил. Серьезная штука — резервный ствол. Многих оперативников и постовых милиционеров спас он в свое время от тюрьмы...

Кодовый замок на входной двери сталинской башни, возвышающейся над Садовым кольцом, был варварски искорежен. Что ж, это все упрощает. Подполковник вошел в подъезд, стал неспешно подниматься по истертых ступенькам. Еще один пролет, еще...

Дверь в квартиру 73 была обита обветшавшим дерматином, как и дверь в жилище напротив. Бурцев увидел допотопный звонок с выпуклой надписью «Прошу повернуть». Ладно, повернем.

Но сколько и вращал подполковник медную пластину, ответом ему была немая тишина. Максим явственно ощущал, что в квартире никого нет — так явственно, словно это было написано на двери.

Снизу приближались шаркающие шаги и тяжелое сопение. «Лифт у них не работает, что ли?» — подумал Бурав и увидел полную женщину преклонных лет, преодолевающую последний пролет перед площадкой, где стоял подполковник.

Женщина остановилась возле двери напротив, перевела дух, повернулась к Максиму:

— Вы к Маслову?

— Да, к Юрию Георгиевичу, — почтительно ответил Бурав.

— Уехал он. Как раз сегодня днем и уехал.

— Далеко? Надолго?

— Далеко, а вот надолго ли, не сказал. На Кипр отдыхать уехал. И как только охота на старости лет...

Женщина повозилась с ключом, дверь ее квартиры со скрипом отворилась, и Бурцев снова остался в одиночестве. Он поднялся на один лестничный пролет, достал мобильный телефон, набрал номер и отрывисто скомандовал:

— Поднимайся!

Валька Шашнев появился бесшумно: отправляясь на «дело», опытный «домушник» всегда надевал мягкие туфли на резиновой подошве. Лишь обостренным восприятием Бурав почувствовал присутствие Скрепки за своей спиной. Подполковник спустился, кивнул на дверь квартиры 73:

— Давай.

Скрепка мельком убедился, что на двери противоположной квартиры нет глазка, прошептал:

— Подсадите, гражданин начальник!

Бурцев обхватил Шашнева под коленками, легко вознес долговязого парня к потолку. Валька привычным движением повернул лампочку, и лестничная клетка погрузилась в полумрак. «На всякий пожарный», — пояснил «домушник».

Бурав не видел, с помощью каких инструментов Валька справляется с дверным замком, но догадывался, что это его излюбленная канцелярская скрепка — простейшее приспособление, благодаря виртуозному владению которым Шашнев и получил свое прозвище.

Где-то наверху хлопнула дверь, слышались голоса, топот ног... Валька даже не

вздрагнул, у него, похоже, все было рассчитано до секунды. И прежде, чем показались ненужные свидетели, подполковник и Скрепка уже нырнули в чуть затхлую темноту стариковского жилища. Пахло какими-то пряностями, старыми газетами и влажной обувью. Где-то в утробе квартиры — должно быть, там, где располагалась ванная, — протяжно подвывали трубы.

— Молодец, четко сработал, — похвалил Вальку подполковник.

— Да ладно уж... — зарделся от гордости Скрепка. — Это ерунда, пустяк... Вот я читал про Гудини, так он вообще согнутым пальцем любой замок мог открыть — знал, куда ударить.

— Надо же, ты еще и читаешь, — покачал головой Бурцев.

Шашнев включил фонарик, и синий луч заплясал по стенам, на секунду выхватив стильный велосипед, стоявший в коридоре. Скрепка метнулся на кухню, безошибочно отыскал телефонный аппарат...

— Порядок, начальник. Сигнализации нет. Видно, брать особо нечего, даром, что дом такой престижный, — с ноткой разочарования закончил домушник.

— Все, свободен, — бросил подполковник.

Валька шмыгнул постоянно текущим носом, еще разок для верности провел фонариком по периметру гостиной, сокрушенно покачал головой. Похоже, сюда незачем больше наведываться.

— Фонарик оставь, — спохватился Бурав.

Когда за Скрепкой бесшумно затворилась входная дверь, он перевел дух, огляделся. Тяжелые шторы задернуты плотно, луч фонарика не отыскал и узенькой щелочки. Бурав подошел к массивному письменному столу и нажал на кнопку настольной лампы-гриба — помнится, в детстве Максим готовил уроки перед точно такой же лампой.

Мягкий, уютный свет наполнил комнату. Да, прав был Скрепка — скромно, чрезвычайно скромно жил могущественный академик Ардашкин. Сразу видно человека старой, еще сталинской закваски. Да и мебель — почтенного возраста, похоже, шестидесятих годов: округлые формы шифоньера и серванта, необъятный книжный шкаф с застекленными дверцами, кресло с обивкой из рапса...

Бурав наскоро осмотрел две остальные комнаты. Одна, как и ожидалось, была спальней: кровать с пружинным матрасом, современный телевизор с плоским экраном, ковер во всю стену. Третью комнату академик превратил в тренажерный залчик — здесь стояли различные спортивные агрегаты известных фирм-производителей, набор гантелей; к рельсу под потолком были прилажены кольца. Для поддержания физической формы Анатолий Семенович не скупился на затраты...

А что он, сыщик Бурцев, рассчитывал здесь обнаружить? Хренову тучу аппаратуры слежения, супер-ЭВМ во всю стену, как в Центре управления полетами? Или крупные фотографии жертв с подробным изложением сценария их переправки в мир иной?..

Конечно, он тщательно исследует содержимое ящиков стола, тумбочек, серванта, раз уж оказался в берлоге Анатолия Ардашкина. Авось найдется что-нибудь полезное для дальнейшей «разработки» академика.

Бурцев подошел к тумбочке, стоявшей по правую руку от письменного стола. На ее поверхности белел квадратный лист ватмана. Подполковник взял рисунок в руки, приблизил к свету лампы...

Он стоял и смотрел на скрещивающиеся линии рисунка, будто разглядывал линии судьбы на своей ладони; взгляд помимо воли уходил по спирали куда-то в глубины пережитого, и в памяти перелистывались страницы давно забытого прошлого. Казалось, будто лежишь внутри высоковольтной опоры и все смотришь, смотришь вверх. А недостижимый горизонт утягивает взор, убыстряет полет сознания...

Подполковник осторожно, будто до краев наполненное водой блюдце, положил рисунок на письменный стол. Подошел к окну, отдернул штору.

Что-то давило на поясницу, он полез под куртку и вытащил пистолет. Ведь он шел сюда, чтобы застрелить академика Ардашкина. Закончить игру, опрокинув шахматную доску.

А Анатолия Семеновича не оказалось дома, он продолжает жить своей жизнью, разминувшись с Максимом Бурцевым. «Все идет своим чередом», — подумал подполковник.

ЭПИЛОГ

Кривые улочки ночной Никосии заполнялись разноразными толпами туристов, город словно просыпался от дневного сплина. Крикливые, вечно возбужденные торговцы наперебой предлагали молодое вино, чуреки, еще какую-то снедь... Академик Ардашкин уже выпил пару стаканчиков кислого белого вина и теперь ощущал легкую изжогу.

В банке все прошло гладко, без сучка и задоринки. Анатолий Семенович, одетый в белоснежный костюм от Кардена, на безупречном английском изложил менеджеру операционного зала свое требование. Академика проводили в комнату для переговоров, где он уединился за компьютером. Несколько несложных манипуляций, и восемь миллионов американских долларов были переведены на Багамы, в «Бэнк оф Нассау». Двести пятьдесят тысяч академик оставил на текущие расходы. Вся процедура заняла не больше десяти минут.

Анатолий Семенович с чувством глубокого удовлетворения (как любили когда-то выражаться в официальных реляциях) покинул прохладный офис, купил себе широкополую пляжную шляпу, сел в такси и отправился в отель «Шератон». Здесь он снял скромный номер, заказал массажистку на вечер и отправился обедать в рыбный ресторан.

Поедая аппетитно приготовленных морских гадов — так он издавна именовал моллюсков, академик Ардашкин окончательно примирился с недавними огорчениями. А огорчила Анатолия Семеновича его безотказная компьютерная программа, его «Мозаика» — ни с того ни с сего, она вдруг проявила своеволие и склонность к капризам. И капризом этим был Гена Пищик, то есть обстоятельства его смерти. Ну, никак не хотела программа похоронить бывшего опорного полузащитника на острове Кипр, всякий раз выкидывая на экран монитора окошечко «Сбой в системе». Пришлось обрывать жизненный путь господина Пищика в окрестностях Барселоны, и, как следствие, самому лететь на Кипр.

Уже в самолете, глядя в иллюминатор на запрокинувшийся горизонт, Ардашкин понял, что избрал самый правильный ход событий. Что-то безошибочно подсказывало ему, что он вовремя покинул первопрестольную. И академику незачем было раскладывать на коленях ноутбук, подключенный к аппаратуре в подвале клуба «Монреаль», чтобы сверить свою интуицию с программой «Мозаика». Похоже, Анатолий Семенович настолько слился со своей системой, что стал ее частью, и скоро сможет принимать единственно верные решения без помощи компьютера.

Надо на время отойти от дел, расслабиться. Побывать вдали от клуба «Монреаль», очутиться «вне игры». Антон Званцев был не дураком, когда

предпочел большому спорту тихую рыбалку на Средиземном море. И академик Ардашкин прекрасно понимал покойного тренера. Только ведь, Антон Евгеньевич, не смог бы ты долго жить без больших событий, отмяк бы на своей вилле, да и, глядишь, вернулся в мир интриг и крупных ставок. Такие уж мы с тобой уродились. Завтра Анатолий Семенович переберется в Лимассол, к морю, выберет хороший отель — к примеру, «Хилтон» или тот же самый «Шератон», поселится на неопределенный срок... Может, на месяц-чашко, может, подольше, это скорее всего. И, кстати, надо будет взять напрокат машину — лучше, пожалуй, «БМВ».

Жаль только, что он не может продолжить здесь работу над рисунками: для этого требуется сложная аппаратура сканирования процессов головного мозга, чтобы отслеживать реакцию психики на очередную линию. И, соответственно, нужна подопытная человеческая особь, желательно — молодая и здоровая, не испорченная пороками и безумными страстями века сего.

Как, например, тот простосердечный, жизнерадостный оперативник Каморин, у которого Анатолий Семенович побывал недавно в гостях. Этот «правильный» парень как нельзя лучше может обеспечить чистоту эксперимента, прежде чем последовать за Пищиком, Званцевым, Жучинским и иже с ними.

Если под воздействием многократного просмотра графического рисунка он станет озлобленным, подозрительным и завистливым говнюком, значит, академик Ардашкин смело может записать на свой счет еще одно гениальное открытие.

Максим Бурцев припарковал «Жигули» за квартал от сталинской высотки, и теперь

не без труда отыскал коричневую «шестерку» в глухом переулке. Остывший мотор никак не хотел заводиться, Бурав чертыхался, взывал к совести своей «старушки», и все это окончательно вернуло его в бранный мир житейской суеты. А то, понимаешь ли, к звездам вознесся, Икар ты наш недоделанный... Ты бы лучше выбрался в автосервис, подлатал свой тараптас. «На следующей неделе непременно отвезу тебя к докторам», — мысленно поклялся машине подполковник.

«Шестерка» сжалась над хозяином, и Бурцев вырулил на Садовое кольцо. Он возвращался в свою холостяцкую квартиру и думал о том, что надо бы поручить Вальке Шашневу наблюдение за ардашкинской квартирой. Пусть проверяет время от времени, не вернулся ли с Кипра Юрий Георгиевич Маслов. Если только, разумеется, Ардашкин не отбыл за границу навсегда. Но это вряд ли — ведь академик не может знать, что его «вычислили», да и не такой человек Ардашкин, чтобы в корне менять свою жизнь из-за какого-то волка-одиночки, муровского оперативника.

Стало быть, встреча подполковника и академика неизбежна, как бы привлекательно не выглядели евангельские истины о том, что все мы одинаково любимы Богом. По большому счету, наверное, так оно и есть, но пока Ардашкин жив и дееспособен, Бурав не может быть спокоен за Комара и его семью. Да и за себя любимого, между прочим, тоже.

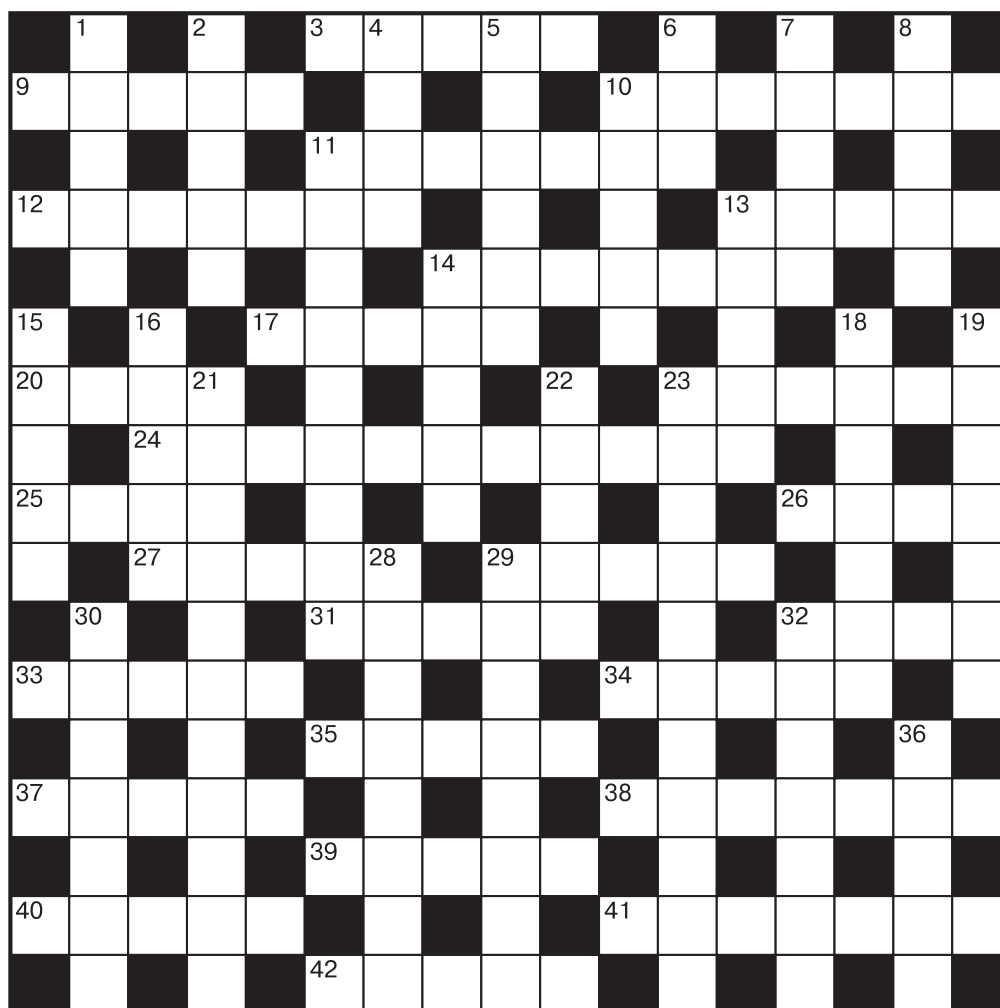
Он ехал по Профсоюзной, мимо пробежали огни казино и ресторанов, огромные здания-новостройки с кричащими транспарантами: «Квартиры в этом доме!»

Над обочиной дороги подполковник краем глаза заметил очередной рекламный щит, и что-то заставило его вглядеться в картинку внимательнее. По мере того, как щит приближался, Максим непроизвольно сбрасывал скорость.

«Донья Оливия: курсы самозащиты для девушек и женщин! Спортивное вождение автомобиля! Школа матадоров!»

С плаката, одетая в красно-черный плащ, при шпаге и пистолете, на него задорно смотрела Ольга Званцева. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Какую звезду мирового кино пять раз осуждали за «разжигание расовой неприязни»? **9.** Нападая на свою жертву, ... закрывает глаза, чтобы бьющаяся добыча их не поранила. **10.** Великий тенор современности, с гордостью исполняющий партию Германна из «Пиковой дамы» Петра Чайковского на русском языке. **11.** Какой Борис отменил Юрьев день? **12.** Хозяйственная жена закатывает банки. А капризная? **13.** На чем играл шахматный чемпион Михаил Таль, несмотря на то, что на его правой руке от

рождения было только три пальца? **14.** Какой способ морского боя был основным до появления таранной тактики? **17.** Американский президент, чьи родители встретились на занятиях по русскому языку. **20.** «Герой лакейской природы» из гоголевского «Ревизора». **23.** Самая опасная для мушкетеров леди. **24.** Страшное оружие инженера Гарина из романа Алексея Толстого. **25.** Рыба с крыльями. **26.** Поэтическая судьба. **27.** Сибирская форель. **29.** «Хвост» фрака. **31.** Какая ящерица не сможет отбросить хвост, даже если очень захо-

чет? **32.** «В белом ... я тихую девушкой стала, птичьим голосом кличу любовь». **33.** Какое растение для кондитерских нужд экспортируют большей частью из Африки? **34.** В каком городе построили третий по высоте собор мира? **35.** «И льется песня свободно, звонко, и в даль уносит лихой ...». **37.** «Пивная порция» в пабе. **38.** Острота философов. **39.** «Торжество страха над человеком». **40.** Кто из русских классиков убеждал окружающих, что непременно вылечил бы князя Болконского из «Войны и мира», окажись он с ним рядом? **41.** Слово поперек другому. **42.** Игра «в забивание стрелок».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какая спортивная игра слывет самой энергозатратной? **2.** «Университеты шпаны». **4.** Газ, чья жидкая ипостась верно служит для охлаждения сверхточных приборов. **5.** «Без взаимности любовь встречается нередко, а вот ... — не бывает никогда». **6.** С 1907 года многие зоопарки стали устраивать ... с водой перед клетками с хищниками, подражая рыцарским замкам. **7.** «Столица огненных ре-

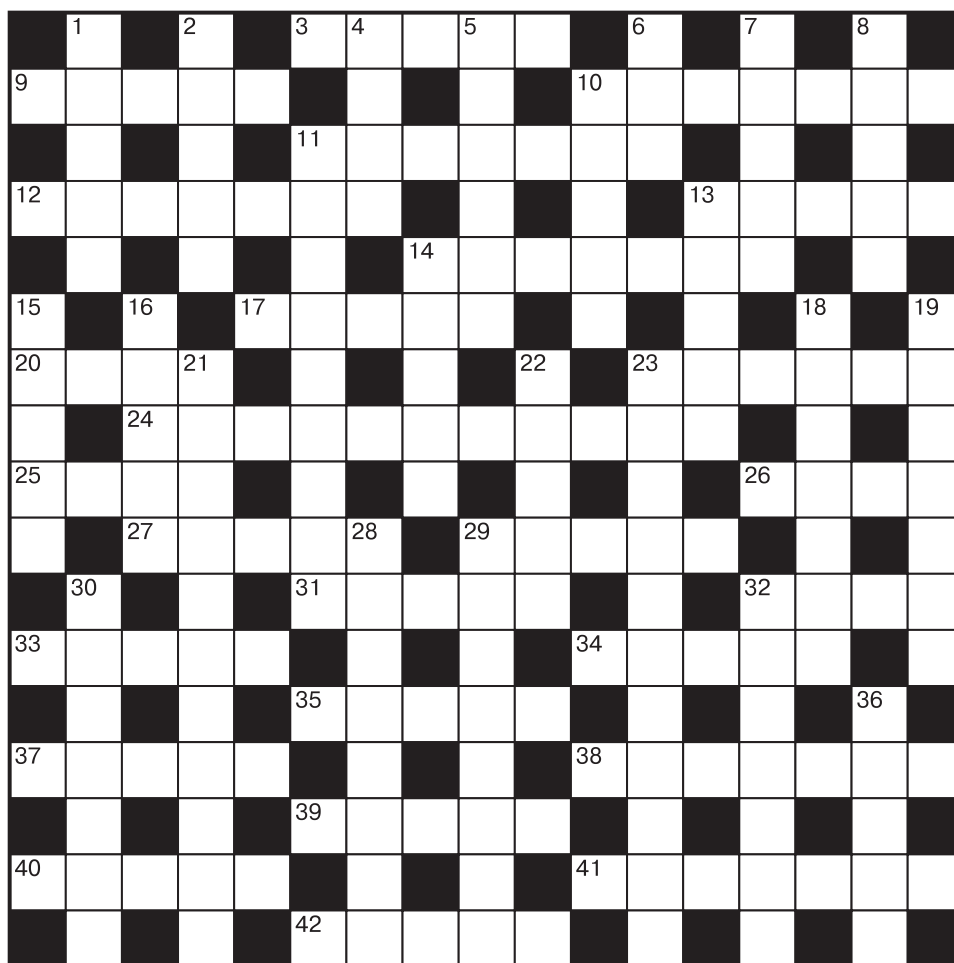
месел» с карты Франции. **8.** Какое полезное ископаемое азиатские кулинары догадались добавлять в мороженое? **10.** «Закругленная бала-лайка». **11.** Кого из русских классиков захоронили на горе святого Давида в Тифлисе? **13.** Самый «быстрый» футбольный клуб из Австрии. **14.** «Одноклеточная простушка». **15.** Чем замаскирована дверь в страну счастья из сказки про Буратино? **16.** Голливудская звезда. Недолюбливая газетчиков, он на все их вопросы отвечает таинственной мантрой: «Мой разум вечен». **18.** «Спортивный театр». **19.** На какой фильм никакой валерьянки не хватит? **21.** Как Шер окрестила Сильвестра Сталлоне после их трехдневного романа? **22.** «Осетровый приток» Лены. **23.** Каким спортом увлекался композитор Микаэл Таривердиев? **28.** Кто из знаменитостей соблазнил 122 дамы за тридцать девять лет? **29.** Значкист среди коллекционеров. **30.** «Праведный лицемер». **32.** Семейное поместье Портоса. **36.** Кто из пушкинских героев сидел вместе с вскормленным в неволе орлом?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Люкс. **6.** Мадрид. **10.** Вареник. **11.** Конвой. **12.** Воздух. **13.** Аметист. **14.** Пушка. **17.** Хор. **18.** Автослесарь. **21.** Растеряха. **22.** Анахайм. **25.** Бинго. **26.** Эскалатор. **27.** Арап. **29.** Подошва. **30.** Дартс. **31.** Анализ. **33.** Волшебник. **36.** Термин. **38.** Залп. **39.** Телевизор. **40.** Рука. **41.** Крот.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Лыко. **2.** Конкур. **3.** Чай. **4.** Неумываха. **5.** Биатлон. **7.** Азот. **8.** Роды. **9.** Духи. **10.** Водка. **12.** Вселенная. **14.** Пожар. **15.** Психоанализ. **16.** Крайность. **19.** Стрип. **20.** Прогноз. **23.** Всевышний. **24.** Характер. **25.** Басаврюк. **28.** Соловей. **29.** Пирит. **32.** Обход. **34.** Каир. **35.** Опыт. **37.** Ней.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Город, возле которого находятся так называемые «каменоломни фараонов». **9.** «Дамский чулок» из аквариума. **10.** Монашеское амплу итальянского поэта фра Якопоне. **11.** Тиара ассирийского царя. **12.** Каждый из противников десептиконов в «Трансформерах». **13.** Салон Вячеслава Иванова, где познакомились Анна Ахматова с Осипом Мандельштамом. **14.** У какой столицы самое длинное официальное название? **17.** Римский император, попавший в трилогию «Христос и Антихрист» Дмитрия Мережковского. **20.** Циклоп из якутских

мифов. **23.** Высочайший в мире водопад. **24.** Угон аэробуса. **25.** Японский меч. **26.** Чья голова герб Молдавии украшает? **27.** Кто из советских политиков лично редактировал «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка? **29.** Флорентийское семейство во главе «белых гвельфов». **31.** Единственный ученик Николая Коперника, сделавший все, чтобы напечатать труд наставника. **32.** «Велесов внук» из «Слова о полку Игореве». **33.** Чувашская волынка. **34.** Питейное заведение, где пытался залить свое горе Петрусь из гоголевского «Вечера накануне Ива-

на Купала». **35.** Карликовая обезьяна, каких содержали в аристократических домах Парижа середины XIX века. **37.** «Любимец ветреных Лаис» у Александра Пушкина. **38.** Шелковая рубашка у алжирских арабов. **39.** Хозяин античного баснописца Эзопа. **40.** Забавно, но, согласно уравнениям аэродинамики, ... летать не может! **41.** Волшебная трава из русских сказаний. **42.** Аргентинские футбольные фанаты.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто изобрел армоцемент? **2.** Компонент анисового масла. **4.** Чья диаграмма сыграла ключевую роль в решении математической задачи «квадрирование квадрата»? **5.** Сливки, снятые с верблюжьего молока. **6.** Максимилиан Робеспьер погубил у некоей женщины сразу двух сыновей! В день его казни она стояла около эшафота и, когда приговор привели в исполнение, театрально воскликнула: «...!». **7.** Месяц древнеегипетского календаря. **8.** Сербский хоровод. **10.** Какую герою приносили жертвы, чтобы избавиться от мух? **11.** Какой ускоритель призван доказать суще-

ствование «бозона Хиггса»? **13.** «Собранная» коллекция 3,1 миллиона деталей, сделанных 800 разными поставщиками со всего мира. **14.** «Морские цыгане». **15.** Итальянская певица, ездившая слушать курских соловьев, прежде чем исполнить «Алябьевского». **16.** Кипрское вино из «Смерти Иоанна Грозного» Алексея Толстого. **18.** Теннисист, использующий защитный стиль игры. **19.** Героиня шумановского цикла «Карнавал», списанная с жены великого композитора. **21.** Итальянский модельер, дружившая с Сальвадором Дали. **22.** Татарский ржаной хлеб. **23.** Философ VI века до н.э., создавший первые в Греции солнечные часы и географическую карту. **28.** Какому из наших актеров написал Луи де Фюнес: «Я не бедный человек, но вы меня обогатили»? **29.** Китайская шелковая бязь. **30.** Майя и греки, инки и египтяне достигли в этом совершенства, но их превзошли моряки средневековья. **32.** Последний мавританский царь Гранады. **36.** Какая гетера намеревалась за свой счет заново отстроить Фивы, разрушенные Александром Великим?

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Бари. **6.** Святке. **10.** Суворов. **11.** Шафлер. **12.** Тхурми. **13.** Ондатра. **14.** Блинд. **17.** Физ. **18.** Искандеризм. **21.** Алькатрас. **22.** Борзина. **25.** Юэбин. **26.** Пантомима. **27.** Серб. **29.** Шеридан. **30.** Стелс. **31.** Мадлер. **33.** Розенбаум. **36.** Навлон. **38.** Мюон. **39.** Револютад. **40.** Гуйя. **41.** Сосо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Буше. **2.** Раффлз. **3.** Щур. **4.** Горностай. **5.** Ходатай. **7.** Веха. **8.** Торч. **9.** Ефим. **10.** Сенна. **12.** Трудность. **14.** Библо. **15.** Прозиметрум. **16.** Изаномала. **19.** Скрэб. **20.** Стример. **23.** Халапеньо. **24.** Осьминог. **25.** Юродивый. **28.** Сикомор. **29.** Шепор. **32.** Аблай. **34.** Мюзю. **35.** Янко. **37.** Нео.

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на **1 месяц** с учетом доставки стоит **79 руб. 20 коп.** Подписка на **3 месяца** с учетом доставки стоит **237 руб. 60 коп.** Подписка на **6 месяцев** с учетом доставки стоит **475 руб. 20 коп.** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта каталожная подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2013 года через любое отделение связи. Примерные образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Она была романтической мечтательницей, любила читать, а недоброжелатели создали ей репутацию капризной, вспыльчивой и ленивой особы. Свергнувшая ее «сестрица» Елизавета Петровна постаралась оправдать переворот борьбой с «незаконным правлением» и вычеркнуть из истории имени соперницы и ее сына, или хотя бы очернить. Ей это вполне удалось. Анну лишили даже внешности: статная, стройная брюнетка с большими выразительными темными глазами превратилась в бесцветное тощее создание, лишенное какой бы то ни было физической привлекательности и женственности. О ней написано совсем немного, а из того, что написано, — две трети фантазии авторов, вдохновленных бессмертной ненавистью императрицы Елизаветы к своей кузине.

Светлана **Бестужева-Лада** «Принцесса Греза по-русски»

« Первая книга его стихов была издана только в 1854 году, когда поэту был уже 51 год, а сочинять стихи он начал, кажется, едва научившись читать и писать. В двенадцатилетнем возрасте блестяще переводил Горация, в четырнадцатилетнем — был принят в Литературное общество Московского университета, а в двадцать лет стал дипломатом и на долгие годы расстался с Россией. Тем удивительнее, что все его стихи проникнуты русским духом. Строчки из них — практически у всех на слуху... но мало кто может назвать их автора, хотя Лев Толстой как-то сказал: «Без Тютчева нельзя жить». Да мы и не живем без его стихов...

Денис **Логинов** «Поэт-царедворец»

« О Наталье Петровне Кончаловской вспоминают всегда... когда речь заходит о семье Михалковых. Верная и заботливая жена знаменитого поэта, умная и строгая мать двух талантливых кинорежиссеров, прекрасная хозяйка и духовная опора семьи. Все в действительности так, но это — лишь небольшая часть того, что можно сказать о ней — поэте, переводчице, члене Союза писателей, в которой неразрывно переплелись сибирская энергетика и европейская утонченность, дерзкое свободолюбие, творческая многогранность и умение вести и сохранять огромный дом и большую замечательную семью. В этом году ей исполнилось бы 110 лет...

Майя **Орлова** «Неоцененный талант»

« Исторический детектив Натальи **Рыжковой** «Длинные тени грехов»